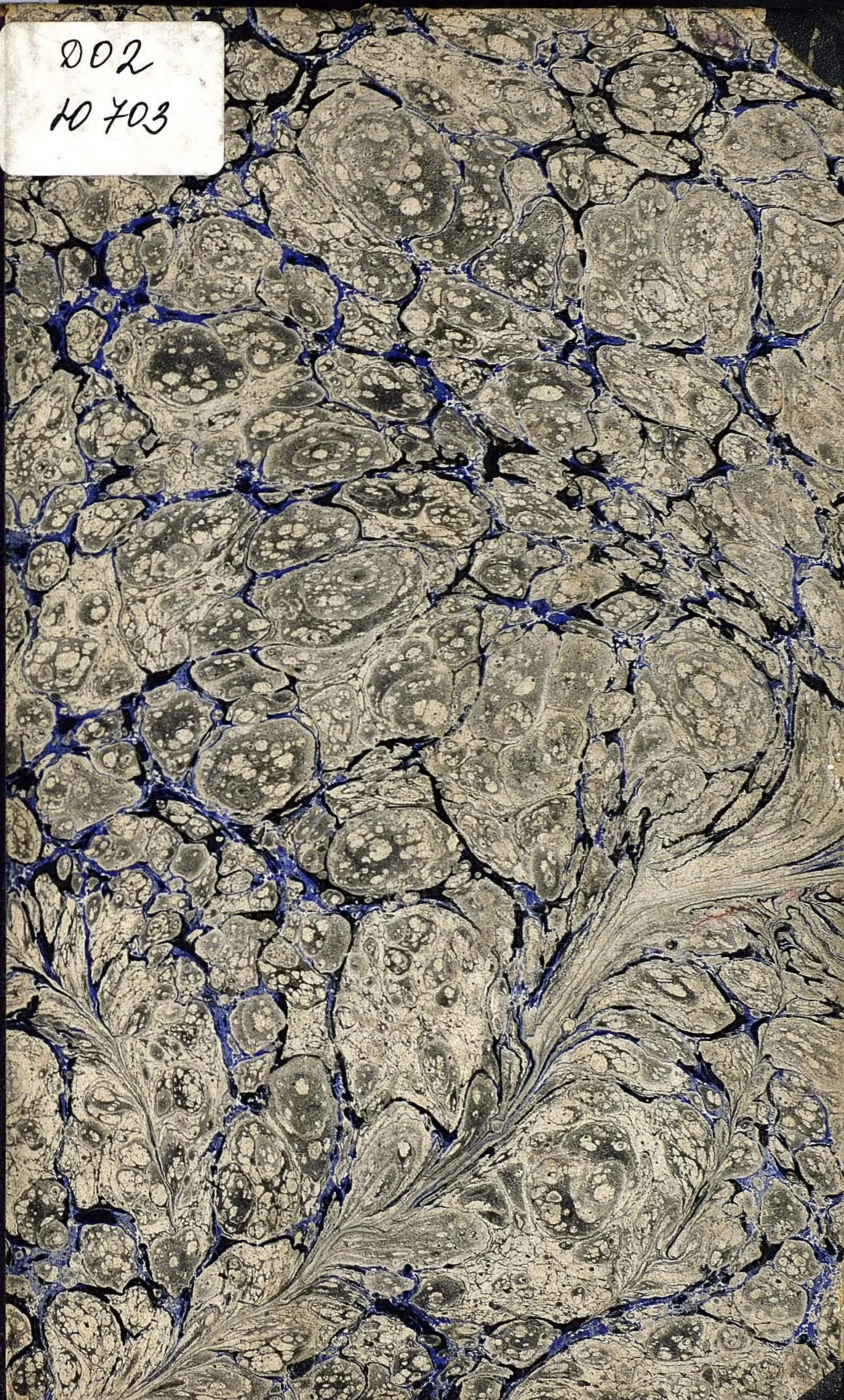

ЮРИДИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1889

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

ТОМЪ III

КНИГА ВТОРАЯ

(Октябрь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1889

УБІЙЦА УМАЛИШЕННЫЙ.

Психологическій очеркъ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ РУКОПИСИ).

(*Окончаніе*) *).

Три нижеописываемыхъ признака дополняютъ психологическую картину образа дѣйствій убійцъ душевнобольныхъ во время преступнаго порыва; эти признаки относятся къ роду жертвъ упомянутаго порыва.

Первый признакъ состоитъ въ томъ, что сумасшедшіе, будучи нерѣдко вѣжливы и предупредительны по отношенію къ чужимъ, часто сравнительно убиваютъ *дорогихъ* имъ лицъ, и притомъ не имѣя противъ нихъ мотивовъ мести или опасенія (какъ въ случаяхъ маніи преслѣдованія); наоборотъ, часто больные имѣютъ къ своимъ жертвамъ искреннюю привязанность (въ случаяхъ импульсивныхъ идей, которымъ несчастные пытаются сопротивляться), такъ что иногда мотивомъ убійства является безумная идея спасти ихъ отъ будущихъ бѣдствій въ родѣ нищеты, безчестія, загробныхъ мукъ и т. п.

Такимъ образомъ, въ означенномъ симптомѣ обнаруживается новая отличительная черта убійцъ душевно-больныхъ отъ обычныхъ (assassins): эти послѣдніе часто бываютъ привязаны къ членамъ своего семейства (за исключеніемъ случаевъ ненависти вслѣдствіе корысти или семейныхъ раздоровъ) и проявляютъ свои пагубные инстинкты преимущественно на постороннихъ имъ лицахъ.

М., убивъ свою жену и затѣмъ дочь, говорилъ эксперту: «Дочь я

*) См. «Юрид. Вѣстн.», 1889, № 9.

убилъ потому, что она въ обществѣ была бы лишена добраго имени, какъ дочь преступника» [130]). Бульяръ признавался: «я убилъ своихъ двухъ дѣтей, затѣмъ я поднялся на верхъ и умертвилъ свою дочь въ колыбели; потомъ вышелъ и убилъ трехлѣтняго ребенка; моя жена прибѣжала, я нанесъ ударъ и ей. Я самъ себя не узнавалъ: я отправился къ сосѣду и сказалъ ему пойти посмотрѣть, какъ я погубилъ свое семейство. Я не знаю, почему я ихъ убилъ: я ихъ всѣхъ любилъ и мы жили согласно» [131]). Жандармъ М. стоялъ на часахъ вмѣстѣ съ «своимъ лучшимъ другомъ», какъ вдругъ онъ оборачивается, дѣлая странные жесты, его пріятель окликаетъ его, и тотъ убиваетъ его двумя ружейными выстрѣлами [132]). G. (меланхолія съ столбнякомъ) убила свою маленькую племянницу, нѣжно ею любимую, и не могла объяснить причины преступленія: «за полчаса до убійства я объ этомъ и не думала; дѣлайте со мной, что хотите, я— несчастная женщина» [133]). Sbro (слабоумной) отравилъ своего отца по злобѣ, но затѣмъ лишилъ жизни и своего брата, къ которому былъ привязанъ, безо всякаго мотива [134]). Кормилица W. очень любила своего питомца; однажды, вслѣдствіе угрозы хозяина отдать ее подъ судъ за небольщую покражу, она бросилась въ колодезь вмѣстѣ съ ребенкомъ; когда ее вытащили, она была въ отчаяніи отъ смерти своего питомца. Жена Н. (меланхолія) выходитъ однажды утромъ изъ дому въ тревожномъ состояніи духа и держитъ себя странно; возвратившись, въ то время, какъ ея мужъ отправился за докторомъ, она убила 8 ударами ножа свою маленькую дочь, всегда ею нѣжно любимую [135]).

Эпилепсія также часто бываетъ причиной избіенія любимыхъ лицъ въ разгарѣ болѣе или менѣе скрытаго приступа. Такимъ образомъ Ноно (эпилептикъ галлюцинантъ) принимаетъ у себя на дому сестру и ея возлюбленнаго, съ которыми онъ состоялъ въ наилучшихъ отношеніяхъ; вдругъ онъ схватилъ ружье и убилъ жениха [136]). Іоахимъ Н. вышелъ на дворъ, на которомъ игралъ его племянникъ съ маленькой дѣвочкой, оба любимые больнымъ; едва онъ ихъ увидалъ, какъ бросился на нихъ: племянникъ его убѣжалъ, и онъ убилъ маленькую дѣвочку топоромъ [137]). Одинъ сапожникъ (эпилептикъ) очень былъ привязанъ къ директору пріюта для душевнобольныхъ; но однажды, подавленный меланхоліей и недомоганіемъ, часто предшествующими и предвѣщающими рядъ эпилептическихъ припадковъ, больной подошелъ къ директору и поразилъ его кинжаломъ въ сердце [138]). А. М. (эпилептикъ) путешествовалъ съ докторомъ, своимъ близкимъ другомъ. Этотъ послѣдній однажды ночью замѣтилъ, что

больной всталъ и что-то ищетъ въ чемоданѣ; на вопросъ, что онъ дѣлаетъ, тотъ отвѣтилъ: «я ищу ящикъ съ бритвами, чтобы распороть тебѣ животъ, такъ какъ ты меня хочешь предать». На слѣдующее утро онъ просилъ прощенія у своего друга и плакалъ [139]).

Второй симптомъ, относящійся къ роду жертвъ убійцъ сумасшедшихъ, — это частое убійство ими лицъ имъ *неизвѣстныхъ*, не рѣдко при отсутствіи мотивовъ, въ особенности въ случаяхъ эпилепсіи.

Такимъ образомъ, обыкновенный предумышленный убійца (assassin) убиваетъ лицъ, хорошо ему извѣстныхъ (изъ мести, ненависти и т. п.), или если и убиваетъ незнакомыхъ, то съ цѣлью грабежа или по другому какому либо мотиву (по порученію, изъ желанія похвастаться предъ товарищами и пр.);—наоборотъ, душевно-больной лишаетъ жизни лицъ, ему незнакомыхъ, единственно съ цѣлью удовлетворить неотразимому импульсу къ убійству, или вслѣдствіе галлюцинаціи или мгновеннаго обмана чувствъ.

Chab. (манія преслѣдованій), не ѣвши впродолженіе четырехъ дней, выходитъ изъ дому съ заряженнымъ револьверомъ, встрѣчаетъ неизвѣстную ему личность и стрѣляетъ въ нее два раза [140]). Филиберъ V., въ пять часовъ утра, на углу улицы убиваетъ бѣднаго отца семейства, котораго онъ раньше никогда не видалъ, въ то время, какъ тотъ бралъ воду изъ фонтана [141]). V. въ Парижѣ, въ 11 часовъ вечера, безъ всякаго мотива и повода, наноситъ ударъ ножомъ встрѣтившейся ему публичной женщинѣ и убѣгаетъ [142]). Миллеръ (манія преслѣдованія) убиваетъ неизвѣстнаго ему старика, полагая, что онъ умерщвляетъ мексиканскаго консула, своего воображаемаго преслѣдователя [143]). Генри (алкоголикъ) встрѣчаетъ даму и кричитъ ей, что хочетъ ее убить (перочиннымъ ножемъ, служившимъ ему для набиванія трубки); дама убѣгаетъ, и Генри убиваетъ одного изъ трехъ рабочихъ, ему неизвѣстныхъ, которыхъ онъ встрѣтилъ немного спустя [144]). Belt. (алкоголикъ) выходитъ изъ питейнаго заведенія съ ружьемъ, заряженнымъ для охоты, и, видя проѣзжающую карету, стрѣляетъ и убиваетъ проѣзжаго, котораго онъ даже не могъ разсмотрѣть [145]). D. (манія преслѣдованія), ранивъ на смерть нѣсколькихъ лицъ, говоритъ: «я ихъ не зналъ, я никогда съ ними не говорилъ, но я убѣжденъ, что они организовали цѣлую систему преслѣдованій противъ меня» [146]). Одинъ одиннадцатилѣтній мальчикъ билъ всѣхъ дѣтей, которыхъ онъ встрѣчалъ; однажды онъ подвелъ

двухлѣтняго ребенка къ колодцу и бросилъ его туда; два дня спустя онъ поступилъ точно такъ же съ другимъ ребенкомъ [147]).

Наконецъ, образъ дѣйствій убійцъ умалишенныхъ (въ особенности эпилептиковъ, алкоголиковъ, маніаковъ) отличается еще однимъ характеристическимъ симптомомъ — *избіеніемъ нѣсколькихъ лицъ;* это обстоятельство, уже по первому разсказу, должно навести на мысль о психической болѣзни убійцы, въ особенности если жертвы не имѣли никакого отношенія къ преступнику, не пытались остановить его во время буйства или не препятствовали его бѣгству.

Тэйлоръ и многіе другіе психіатры и медики-юристы утверждаютъ, напротивъ того, что значительное число жертвъ само по себѣ не можетъ служить доказательствомъ душевнаго разстройства [148]). Конечно, и предумышленный убійца (assassin), не душевнобольной, можетъ также убить нѣсколькихъ человѣкъ и притомъ заразъ, но въ такомъ случаѣ множественность жертвъ является только средствомъ для достиженія преступной цѣли (какъ, напр., при ограбленіи цѣлаго дома и т. п.) или же для облегченія или сокрытія слѣдовъ убійства первой жертвы, а также, чтобы отбиться отъ тѣхъ, кто пытается схватить преступника. У сумасшедшаго же преступника избіеніе является только безцѣльнымъ и несознательнымъ удовлетвореніемъ смертоноснаго импульса, какъ доказываютъ, между прочимъ, слѣдующіе факты.

Люсьенъ Квіеста (преходящая манія отъ алкогольной эпилепсіи) убилъ и ранилъ одиннадцать человѣкъ, которые почти всѣ были ему неизвѣстны [149]). Тома, въ Бордо, во время эпилептическаго припадка убилъ и ранилъ шесть человѣкъ и даже поранилъ лошадь, укусивъ ее въ ноздри [150]). Въ апрѣлѣ 1875, Жанъ Мишо, у котораго уже бывали припадки эпилепсіи и бѣшенства, схватываетъ свою жену за волосы и бьетъ ее головой о подоконникъ; сосѣди прибѣгаютъ и связываютъ его. Съ нимъ происходитъ припадокъ бѣшенства и онъ освобождается, беретъ косу, подходитъ къ женѣ, уже легшей въ постель, и приказываетъ ей встать, съ притворно спокойнымъ видомъ; въ то время какъ та одѣвается, онъ моментально отрубаетъ ей голову однимъ ударомъ. Затѣмъ выходитъ изъ дому и убиваетъ женщину, работавшую на полѣ; далѣе, ему встрѣчается на улицѣ священникъ съ его пріятелемъ; больной проходитъ мимо, но немного спустя возвращается, убиваетъ священника и бросается въ погоню за своимъ пріятелемъ, который убѣгаетъ. Вдругъ убійца остановился, вернулся

къ трупу священника и жестоко истопталъ его ногами; затѣмъ пошелъ своей дорогой, зашелъ въ хижину, гдѣ сидѣли старики—мужъ съ женой, и не говоря ни слова, отрѣзалъ голову мужу и ранилъ жену, отрубивъ ей руку. Затѣмъ онъ вышелъ и направился къ дому другихъ крестьянъ, которые заперлись, но дѣти ихъ остались въ полѣ и они вышли, чтобы ихъ спасти, въ то время, какъ безумный уже убилъ одного изъ нихъ. Больной убѣжалъ и зашелъ на скотный дворъ, гдѣ зарѣзалъ еще одного крестьянина; тутъ вошли сосѣди, которые бѣжали за нимъ, и одинъ изъ нихъ бросилъ въ него желѣзнымъ ломомъ. Сумасшедшій посмотрѣлъ на него и сказалъ: «я противъ тебя ничего не имѣю, ты мой другъ, давай мнѣ руку». Крестьянинъ приказалъ ему бросить косу: тотъ бросилъ и его схватили [151]). Директоръ одного института въ Эдинбургѣ убилъ свою жену и пятерыхъ сыновей [152]). Памель, драматическій актеръ, однажды ночью внезапно просыпается и кричитъ: «жена моя и дѣти! у меня пропалъ голосъ!» И кинжаломъ убиваетъ двухъ сыновей и жену; пятеро сосѣдей, прибѣжавшихъ на шумъ, также падаютъ подъ его ударами [153]). Коберъ (слабоумный), получивъ отъ отца приказаніе почистить ему сапоги, впалъ въ маніакальный припадокъ и убилъ отца, мать, двухъ сестеръ и четырехъ человѣкъ, прибѣжавшихъ на крики [154]). Эпилептикъ Мисдеа произвелъ настоящее побоище среди своихъ товарищей по казармѣ: онъ выстрѣлилъ 52 раза изъ ружья, ранилъ 13 солдатъ и убилъ 7 [155]). Садовникъ Z. (алкоголикъ) зарубилъ топоромъ двухъ изъ своихъ дѣтей и ранилъ четырехъ изъ нихъ [166]).

Гораздо болѣе многочисленны симптомы, характеризующіе образъ дѣйствій убійцъ умалишенныхъ *послѣ преступнаго припадка;* они группируются въ два ряда: одинъ типъ душевнобольныхъ представляетъ черты сходства съ обычными преступниками, другой же, болѣе распространенный типъ имѣетъ, напротивъ того, совершенно своеобразную психическую физіогномію.

Полное *спокойствіе непосредственно послѣ совершенія убійства* есть симптомъ, общій предумышленнымъ убійцамъ (assassins) и нѣкоторымъ душевнобольнымъ хотя у неразстроенныхъ умственно онъ встрѣчается чаще, и среди сумасшедшихъ его распространенность измѣняется въ зависимости отъ различныхъ формъ душевнаго разстройства.

Брюнэ (манія преслѣдованія) выстрѣливаетъ изъ ружья въ сосѣда

и затѣмъ «возвращается къ себѣ домой и садится спокойно завтракать, поставивъ ружье въ сторону» [157]). Генрихъ П., столяръ, 45 лѣтъ, поведенія честнаго и порядочнаго, убилъ свою жену и сына, «чтобы спасти ихъ отъ будущей нищеты». Послѣ этого онъ спокойно набилъ себѣ трубку, стоя посреди лужи крови. На слѣдующій день сосѣди увидали его сидящимъ на порогѣ дома, онъ курилъ трубку и, казалось, только что избавился отъ ужаснаго кошмара. «Вы можете войти», сказалъ онъ, «они тамъ! Я началъ вчера вечеромъ въ 10 часовъ, а въ четверть одиннадцатаго все уже было покончено» [158]). Пьецуаръ убилъ своихъ родственниковъ, пришелъ къ своему отцу и сказалъ ему: «я много работалъ этой ночью; это я ихъ убилъ» [159]). Алэнъ, вооруженный пистолетомъ, приходитъ къ портному N., съ которымъ онъ былъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, неожиданно стрѣляетъ въ него и убиваетъ. Немедленно послѣ того онъ вернулся къ себѣ, разсказалъ, что убилъ портнаго, пообѣдалъ съ аппетитомъ и отправился спокойно спать. На утро онъ заплатилъ деньги домовладѣльцу, говоря, что теперь ему больше ничего не будетъ нужно, такъ какъ онъ отправляется предать себя въ руки правосудія. Домовладѣлецъ сказалъ ему, что если онъ совершилъ убійство, то лучше бы ему было лишить себя жизни, но больной отвѣтилъ: «я съ этимъ несогласенъ; разъ вино налито, надо его пить» [160]). Друенъ (меланхоликъ) задушилъ свою жену, вымылъ окровавленныя руки, одѣлся и отправился разсказать про дѣло своему пріятелю [161]). М. (алкоголикъ), убивъ свою жену и сына, пошелъ въ трактиръ, пилъ, ѣлъ и заплатилъ деньги; такъ какъ денегъ у него больше не осталось, пріятели предложили ему взаймы, но онъ отвѣтилъ: «мнѣ теперь уже не надо ни денегъ, ни работы, ни кредита; я буду жить теперь спокойнѣе, чѣмъ вы». Затѣмъ онъ допилъ свой стаканъ и сказалъ, улыбаясь: «я убилъ свою жену и ребенка». И послѣ этого онъ продолжалъ шутить съ товарищами, говоря, что у него теперь важныя дѣла, что у него еще есть и жена и дѣти, но онъ уже болѣе не женатъ, и все это безъ малѣйшаго волненія [162]). Одинъ идіотъ убилъ обоихъ сыновей своего брата и затѣмъ самъ ему разсказалъ объ этомъ, улыбаясь отъ удовольствія [163]).

Это спокойное состояніе духа нѣкоторыхъ психически больныхъ убійцъ продолжается даже и *по арестованіи и во время процесса*, несмотря на вѣроятность или неизбѣжность обвинительнаго приговора; это зависитъ или отъ отсутствія сознанія или ложнаго пред-

ставленія о преступленіи, или же отъ ослабленія инстинкта самосохраненія, вслѣдствіе чего душевнобольные такъ легко и рѣшаются на самоубійство.

R. (меланхоликъ) входитъ во дворъ дома, въ ужасѣ; за нимъ гонятся, онъ стрѣляетъ изъ револьвера; по приходѣ жандармовъ онъ перестаетъ обороняться и добровольно отдаетъ револьверъ [164]). В. убилъ свою жену; затѣмъ онъ просидѣлъ въ своей комнатѣ спокойно, до вечера; когда пришли сосѣди съ полицейскимъ коммиссаромъ, онъ не проявилъ безпокойства, указалъ, гдѣ лежала его жена, и далъ себя увести, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки къ бѣгству въ теченіе всего дня [165]).— Журданъ, отцеубійца (скрытый эпилептикъ), «во время судебныхъ преній оставался равнодушнымъ, не отрицалъ своей виновности и не старался оправдаться; изъ всѣхъ бывшихъ на судѣ никто не казался болѣе безпечнымъ чѣмъ онъ» [166]).—Barth. (слабоумный меланхоликъ) разсказалъ о своемъ преступленіи безъ всякой задней мысли, равнодушно, и нисколько не былъ взволнованъ, передавая трагическое событіе, котораго онъ былъ виновникомъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ насвистывалъ веселыя арійки и ни разу не спросилъ новостей про своихъ родныхъ. Онъ убилъ своего дѣда [167]).— Графъ Chor., пріобрѣтшій извѣстность своими странностями, а также отравленіемъ своей жены съ цѣлью женитьбы на любовницѣ, былъ эпилептикомъ и паралитикомъ. На судѣ онъ былъ веселъ, экспанзивенъ, болтливъ, не заботился объ опасности, которой онъ подвергался, и разсмѣялся, когда ему возвѣстили, что его соучастница была приговорена къ 20-лѣтнимъ каторжнымъ работамъ [168]). — Священникъ L. S. (маніакъ), братоубійца, разговаривалъ съ экспертами, отрицая свою вину, и раскланялся съ ними, «пожимая имъ руки, съ яснымъ, улыбающимся и спокойнымъ лицомъ» [169]).—R. (манія преслѣдованія) былъ очень спокоенъ въ тюрьмѣ, спалъ и ѣлъ хорошо, не имѣя никакой мысли, которая могла бы его разстроить [170]).— Елена Q. (дѣтоубійца), «на судѣ постоянно весела, часто улыбается, и во время перерыва преній обращается къ жандарму, стоящему подлѣ нея, разговариваетъ съ нимъ и улыбается безъ малѣйшаго смущенія» [171]).

Вышеописанное спокойствіе у нѣкоторыхъ умалишенныхъ, какъ и у предумышленныхъ убійцъ (assassins), доходитъ даже *до равнодушія при видѣ трупа жертвы.*

Такимъ образомъ, по отношенію къ этому признаку, невѣрно утвержденіе Легранъ дю Соля: «Смущеніе и безпокойство, которое часто самые тяжкіе преступники не могутъ скрыть въ подобныхъ обстоя-

тельствахъ (передъ трупами жертвъ)—это дань, приносимая человѣческой совѣсти; это волненіе обвиняетъ тѣхъ, кто его чувствуетъ, а не смягчаетъ ихъ виновности. Но въ томъ случаѣ, когда тяжкій неврозъ перервалъ путеводную нить разсудка, сковалъ волю и затуманилъ чувство привязанности къ людямъ,—обществу остается только констатировать совершившійся несчастный случай и принять мѣры для огражденія себя отъ возможности его повторенія [172]).

Это утвержденіе обусловливается, съ одной стороны, неполнымъ знаніемъ психологіи преступнаго человѣка: мы констатировали, наоборотъ (въ предшествовавшей статьѣ), частость случаевъ равнодушія предумышленныхъ убійцъ при видѣ труповъ жертвъ; съ другой стороны, означенное утвержденіе вытекаетъ изъ принципа безусловнаго отдѣленія наказанія преступника отъ мѣръ защиты противъ умалишеннаго,—отдѣленія, не допускаемаго позитивной школой криминальной соціологіи. Во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода, дѣло идетъ только о защитѣ общества противъ противуобщественныхъ субъектовъ; различіе условій ихъ психической организаціи (выражающееся въ разныхъ степеняхъ и формахъ опасности для общества) имѣетъ значеніе только въ отношеніи приспособленія различныхъ мѣръ соціальной защиты (тюрьма, ссылка, пріюты и т. п.) сообразно съ неодинаковой силой вредоносности преступниковъ и душевно-больныхъ.

Но такъ какъ развитіе указанныхъ соціологическихъ выводовъ не можетъ входить въ предлагаемый психопатологическій очеркъ, надлежитъ только замѣтить по поводу вышеописаннаго симптома и другихъ, общихъ предумышленнымъ убійцамъ и нѣкоторымъ видамъ умалишенныхъ,—что психологическій генезисъ этихъ внѣшнихъ проявленій не одинаковъ у тѣхъ и другихъ.

Дѣйствительно, у предумышленныхъ убійцъ причина ихъ спокойствія и равнодушія заключается въ глубокой врожденной нравственной нечувствительности, лишающей ихъ возможности произвести нравственную оцѣнку совершеннаго злодѣянія, такъ что, какъ сказалъ бы Ридъ, «они такъ же неспособны разсудить (или скорѣе почувствовать), что̀ добро и что̀ зло, какъ слѣпорожденный не можетъ судить о цвѣтахъ» [173]). У преступниковъ психически больныхъ спокойное состояніе духа (часто не столь циничное и наглое какъ у предумышленныхъ убійцъ) обусловливается, напротивъ того, или безсознательностью самаго акта (идіоты, слабоумные), или потерей воспоминанія о трагическомъ событіи (эпилептики, алкоголики, галлюцинанты, бѣшеные маніаки и пр.), или же зависитъ отъ убѣжденія, что было исполнено только справедливое мщеніе или выполнено право

законной самозащиты (при маніи преслѣдованія, являющейся весьма часто причиной убійства для сумасшедшихъ); также бываетъ иногда убѣжденіе, что посредствомъ смерти жертвы были избавлены отъ нищеты, загробныхъ мукъ или безчестія (при меланхоліи, религіозной маніи и т. п.), или же, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, сознаніе больными ихъ собственной болѣзни (меланхолія, импульсивныя неотразимыя идеи), которой они и приписываютъ причину своихъ эксцессовъ.

Это показываетъ, что равнодушіе предумышленныхъ убійцъ обнаруживаетъ глубокую аномалію ихъ нравственнаго чувства, а спокойствіе умалишенныхъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ эпилептиковъ, у которыхъ нечувствительность происходитъ дѣйствительно отъ ихъ «черстваго сердца», и этой своей стороной они сходны съ преступниками),—является только слѣдствіемъ ихъ безсознательности или логическимъ выводомъ изъ ложныхъ, безумныхъ посылокъ (бредъ преслѣдованія, галлюцинаціи и т. п.). Когда нравственное чувство снова получаетъ преобладаніе, больной приходитъ въ отчаяніе отъ совершеннаго преступленія.

Мартена (манія преслѣдованія) вводятъ въ комнату, гдѣ лежитъ трупъ его жертвы: онъ входитъ съ поднятой головой, твердымъ шагомъ; лицо его оживлено, глаза веселы и блестятъ. Онъ смотритъ на трупъ спокойно, съ пренебреженіемъ и, безъ малѣйшаго замѣтнаго движенія мускуловъ на лицѣ, говоритъ слѣдующія слова: «я узнаю этого человѣка. Я убилъ эту падаль, потому что онъ повсюду распространялъ про меня гнусныя клеветы, которыя мнѣ всѣ часто повторяли (галлюцинаціи). Я знаю, что я человѣкъ погибшій, но у меня не было другаго средства отомстить за свою честь» [174]).—Тардьё разсказываетъ, что Д. убилъ свою жену и, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, скрывалъ ея трупъ между матрацами своей постели; по мнѣнію Тардьё, преступникъ дѣйствовалъ съ сознаніемъ, но при этомъ заявляетъ, что онъ «былъ страненъ, сосредоточенъ, своеобразенъ, причудливъ, и у него бывали періодически припадки» [175]), такъ что, по моему мнѣнію, въ данномъ случаѣ была скрытая эпилепсія.—Пифферъ (алкоголикъ) вошелъ въ домъ терпимости и, охваченный приступомъ бѣшенства, убилъ двухъ женщинъ 36 ударами ножа. Когда его схватили, онъ ничего не помнилъ; когда его подвели на утро къ трупамъ убитыхъ, онъ не обнаружилъ никакого волненія [176]).—Е. Д. (послѣродовое безуміе) утопила своихъ двухъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ нищеты; когда ее привели на мѣсто преступленія, «она, съ величайшимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, указала мѣсто, откуда она бросила ихъ въ воду, и нѣсколько далѣе

мѣсто, съ котораго она столкнула обратно въ воду старшаго сына, пытавшагося выбраться на берегъ. Когда нашли трупъ этого послѣдняго, она признала его безъ всякаго волненія» [177]).—В. (эпилептикъ), когда у него спросили новую рубашку на тѣло убитаго имъ сына, сказалъ: «Все равно, эта или та рубашка сгніетъ», и самъ положилъ трупъ въ гробъ [178]).—Анна К. (бредъ преслѣдованія) убила пятерыхъ своихъ сыновей, «чтобы они не сдѣлались ворами», вымыла въ рѣчкѣ бѣлье убитыхъ и осталась равнодушной при видѣ труповъ, изъ которыхъ у одного былъ ужасно разбитъ черепъ [179]).

Это равнодушіе, которое у нѣкоторыхъ убійцъ душевно-больныхъ доходитъ даже до презрѣнія къ жертвѣ, выражаемаго въ оскорбленіи трупа или жестахъ, переходитъ естественно *въ отсутствіе раскаянія.*

Журденъ (эпилептикъ), который убилъ свою мать, безо всякаго мотива, будучи арестованъ, сказалъ безъ смущенія: «Это была плутовка, которая причиняла мнѣ всевозможное зло; мнѣ надо было бы убить ее гораздо раньше. Я нисколько въ своемъ дѣлѣ не раскаиваюсь, и еще разъ сдѣлалъ бы то же самое» [180]).—L. (меланхоликъ) покушался убить свою мать; «онъ разсказывалъ о своемъ преступленіи съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ и не проливъ ни одной слезы, какъ наврядъ ли поступилъ бы и безучастный зритель. Когда его стали укорять, онъ сказалъ, что вина это не его, а его болѣзни» [181]).—Августина Ouvr., дочь алкоголиковъ, двѣнадцати лѣтъ, задушила двухъ дѣтей, за которыми ей поручили смотрѣть. «Я не почувствовала», говорила она, «ни раскаянія, ни сожалѣнія. Я положила ребенка снова въ кроватку; онъ еще шевелилъ ножками, но вскорѣ умеръ».—Плакала ли ты? спросилъ у нея экспертъ.—Нѣтъ, мнѣ не было его жаль.—А другаго ребенка?—Не больше, чѣмъ и того.—Сдѣлала ли бы ты снова такое дѣло?—Нѣтъ, потому что я въ тюрьмѣ; но при другихъ условіяхъ, не знаю: я дѣтей не люблю» [182]).

Миллеръ (манія преслѣдованія), когда его укоряли въ совершеніи убійства, отвѣтилъ: «увидятъ, что я хорошо сдѣлалъ, когда узнаютъ, какую каналью я убилъ» [183]).

Вотъ очевидный примѣръ посредствующаго типа между безуміемъ (нравственнымъ) и прирожденной преступностью. Генріетта Р. (манія преслѣдованія), не понимаетъ даже, какъ могутъ ей ставить въ преступленіе смерть убитой ею женщины, какъ могутъ ее притѣснять за это. Она говоритъ, что иногда она думаетъ объ

этомъ и огорчается, но это всетаки не лишаетъ ея обычнаго веселаго настроенія. Она не боится даже и наказанія: — «убейте меня, мнѣ этого и надо» [184]). Когда врачъ-экспертъ спросилъ А. Р., не чувствуетъ ли онъ раскаянія въ убійствѣ ребенка, тотъ отвѣтилъ: «что же я долженъ чувствовать? Когда человѣкъ умираетъ, все покончено, и милосердіе Божіе удовлетворено» [185]). Мул. (манія преслѣдованія) на подобный же вопросъ отвѣтилъ: «разъ сдѣлавъ дѣло, глупо было бы съ моей стороны огорчаться этимъ и мучить себя». На судѣ онъ сказалъ: «Да, я раскаиваюсь, потому что въ тюрьмѣ мнѣ было тяжело и пища подавалась плохая» [186]); совершенно такъ же говорятъ нѣкоторые предумышленные убійцы (assassins), выказывающіе ложное раскаяніе.

Нѣкоторые убійцы душевнобольные выражаютъ также *удовольствіе вслѣдствіе исполненія преступленія* или *сожалѣніе въ случаѣ неудачи*, что въ свою очередь является еще болѣе рельефною формой отсутствія раскаянія.

Шарль (общій параличъ) убиваетъ свою жену и отправляется къ сосѣдямъ разсказать имъ объ этомъ, «не скрывая радости, испытываемой имъ отъ совершеннаго злодѣянія» [187]). Жакъ С. (меланхоликъ) предлагаетъ жандарму выпить и говоритъ ему: «я убилъ свою жену, но я этимъ не опечаленъ» [188]). Предсѣдатель суда присяжныхъ спросилъ у Пирса Джона, убившаго своего хозяина по подозрѣнію въ клеветѣ: «поступили бы вы опять такимъ же образомъ, находясь въ сходныхъ обстоятельствахъ?» Обвиняемый безъ колебанія отвѣтилъ: «Да, милостивый государь» [189]). Селормъ (эпилептикъ) убилъ доктора въ лѣчебницѣ Авиньона, «потому что голоса приказывали ему сдѣлать это». Больной говорилъ, что убитый обращался съ нимъ хорошо и что самъ онъ любилъ его, но однакоже онъ былъ доволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ. Въ свѣтлые впрочемъ промежутки онъ раскаивался въ своемъ злодѣяніи и жалѣлъ убитаго, и снова становился доволенъ, когда сознаніе затемнялось вновь [190]); ясный примѣръ того, что нравственное чувство можетъ и не отсутствовать у сумасшедшаго, какъ у предумышленнаго убійцы (assassin), но бываетъ подавлено приступами невроза. М. А. нѣсколько разъ бросался на доктора въ пріютѣ для душевнобольныхъ; удержанный сторожами, онъ выражаетъ сожалѣніе, что покушеніе ему не удалось и желаетъ себѣ больше удачи на другой разъ [191]). Марти, нанесши ударъ своему отцу, идетъ въ поле работать; сосѣдъ сталъ

его укорять: «дай Богъ», возразилъ онъ, «чтобы я дѣйствительно убилъ его» [192]). В. (наслѣдственное импульсивное безуміе) на вопросы тюремныхъ сторожей отвѣчаетъ: «я хотѣлъ бы, чтобы эта женщина умерла, потому что въ такомъ случаѣ я убилъ бы личность, которая уже не могла бы болѣе вредить ни мнѣ, ни другимъ» [193]).

У предумышленныхъ убійцъ встрѣчается характеристическая черта (symptôme), которую д-ръ Замтъ отмѣтилъ также и у скрытыхъ эпилептиковъ [194]), и которая наблюдается также у душевнобольныхъ убійцъ,—именно разсказъ о совершенномъ преступленіи *съ передачей мелкихъ подробностей*.

Женоубійца Д. разсказалъ о преступленіи экспертамъ съ оттѣнкомъ искренности, безъ всякаго возбужденія; казалось, онъ былъ озабоченъ только стараніемъ быть совершенно точнымъ, передавалъ мельчайшія подробности съ тою отчетливостью памяти, которая встрѣчается у сумасшедшихъ вслѣдствіе того, что умъ ихъ занятъ лишь ограниченнымъ числомъ безумныхъ идей. — Вотъ для примѣра разсказъ одного эпилептика: «случилось такъ, что я отправился въ Лупу; не знаю, съ чего мнѣ это вздумалось. Я всталъ утромъ очень спокойно, въ 7 часовъ, вышелъ изъ комнаты, а тутъ хозяйка гостинницы варила кофе и спросила меня: не хотите ли вы кофе?—Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, если у васъ есть лишній, то я выпью. Выпилъ я этого несчастнаго кофе, и у меня заныло въ желудкѣ. Въ это время подошелъ человѣкъ и принесъ индюка. Давно уже у меня порой въ головѣ бывало какъ-то неладно; вотъ и тутъ этотъ индюкъ произвелъ на меня странное впечатлѣніе; онъ сидѣлъ въ корзинѣ посереди дороги, и чѣмъ болѣе я на него смотрѣлъ, тѣмъ болѣе онъ мнѣ казался забавнымъ; я не могъ отвести отъ него глазъ; не могу вамъ хорошо объяснить этого. Я вернулся и увидалъ изображеніе съ боку кровати маленькаго С.: казалось, какъ будто двѣ головы, и онѣ прыгали. Тутъ я ушелъ. Я былъ взволнованъ и разстроенъ, не знаю ужъ какъ. Тогда я пошелъ на домъ къ священнику; его не было дома, онъ былъ въ церкви. Я позвонилъ, служанка спросила у меня, что мнѣ нужно; я ей отвѣтилъ, что желаю видѣть священника; она мнѣ сказала, что онъ въ церкви. Я вошелъ туда, помочилъ палецъ въ освященной водѣ, какъ это всегда дѣлаютъ; и постучалъ въ дверь исповѣдальни; священникъ спросилъ, что мнѣ надо, я ему сказалъ, что ищу утѣшенія; я еще постучалъ, онъ мнѣ сказалъ, чтобы я шелъ прочь; затѣмъ вошелъ

въ церковь и сказалъ, что пойдетъ позвать жандарма. Со мной былъ ножъ въ карманѣ, я его ножомъ и ударилъ. Тутъ пришли и меня арестовали». Эти детали, говоритъ д-ръ Бланшъ, даютъ намъ возможность утверждать, что безуміе наступило вдругъ, въ формѣ припадка съ неотразимымъ импульсомъ; и мы не только не находимъ основаній для сомнѣнія въ дѣйствительности умственнаго разстройства R., въ виду точности его отвѣтовъ, но даже заявляемъ, что подробное изложеніе всѣхъ фактовъ, предшествовавшихъ убійству, для насъ является характернымъ признакомъ; это выраженіе болѣзненно озабоченнаго настроенія [195]). В. (слабоумный) слѣдующимъ образомъ разсказалъ слѣдователю о совершенномъ имъ братоубійствѣ: «въ понедѣльникъ я всталъ рано и сказалъ брату, чтобъ онъ шелъ на сѣнникъ; я и слуга мы шли за нимъ. Слуга остановился на послѣдней ступенькѣ лѣстницы и сталъ на меня смотрѣть. Я бросилъ веревку на шею брата и затянулъ ее, онъ упалъ и я сдавилъ ему горло, пока онъ мнѣ не показался мертвымъ. Слуга мнѣ сказалъ: «оставь его здѣсь», я такъ и сдѣлалъ. Мы сошли внизъ, слуга пошелъ въ деревню, а я къ своему отцу, который у меня спросилъ, гдѣ мой братъ; я ему отвѣтилъ: «не знаю». Потомъ я опять пошелъ на сѣнникъ и увидалъ, что мой братъ все еще шевелилъ головой. Тогда я снова затянулъ веревку и сбросилъ его внизъ головой впередъ. Затѣмъ сошелъ самъ и, видя, что онъ всетаки шевелился, размозжилъ ему голову тремя ударами; тутъ онъ умеръ, и я снялъ веревку съ его шеи» [196]).

Есть много и другихъ примѣровъ, приводить которые однако было бы слишкомъ долго, хотя и весьма поучительно.

Послѣднимъ симптомомъ, общимъ у душевнобольныхъ убійцъ съ предумышленными (assassins),—является *забота о мелочныхъ дѣлахъ* по совершеніи убійства.

Овенстонъ убилъ одного проѣзжаго; будучи арестованъ, онъ не проявилъ никакого безпокойства и выражалъ сожалѣніе только по поводу того, что не могъ узнать, который часъ, такъ какъ забылъ часы дома [197]). Лакостъ (меланхоликъ) въ тюрьмѣ «такъ мало понимаетъ свое положеніе, что самыя незначительныя заботы для него важнѣе, чѣмъ страхъ наказанія» [198]). Th. (импульсивный бредъ или скрытая эпилепсія?), сидя въ тюрьмѣ, четыре дня послѣ убійства, пишетъ своей матери: «я прошу у тебя тысячу разъ извиненія, что осмѣливаюсь писать тебѣ, послѣ дѣла, которое я сдѣлалъ; пока меня

сошлютъ въ Каенну или Новую Каледонію, любезная матушка, пришли мнѣ пожалуйста нѣсколько бездѣлицъ, въ которыхъ я нуждаюсь, не откажи мнѣ въ этомъ—это вѣдь моя послѣдняя просьба; во первыхъ пришли: писчей бумаги стопу, если можешь, перьевъ, пеналъ, чернилъ и пр. Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть мои неаполитанскіе башмаки. Твой сынъ Генри Th.». Онъ же нѣсколько позже требовалъ свою пробную карточку съ бо̀льшимъ настояніемъ, чѣмъ какое либо свѣдѣніе объ ожидавшей его участи. Братоубійца Луи на слѣдующій день послѣ преступленія спросилъ себѣ игральныхъ картъ. М., когда его стали допрашивать о его поступкѣ, ничего не отвѣтилъ и попросилъ поѣсть, «такъ какъ ничего не ѣлъ съ утра» [199]).

Второй рядъ симптомовъ, относящихся къ образу дѣйствій по совершеніи убійства, характеристически отдѣляетъ убійцъ душевнобольныхъ отъ обыкновенныхъ преступниковъ.

Прежде всего въ указанномъ смыслѣ наблюдаются два симптома болѣе строгаго физіологическаго порядка, именно *прострація и сонъ непосредственно вслѣдъ за убійствомъ*. Это явленіе есть, очевидно, слѣдствіе разряженія, происходящаго въ возбужденныхъ нервныхъ центрахъ, за которымъ слѣдуетъ внезапное истощеніе; оно сопровождается большей или меньшей степенью безсознательности и даже иногда совершенной утратой всякаго сознательнаго воспоминанія. Описываемый феноменъ есть только проявленіе въ психопатологіи физіологическаго закона сознанія, который Герценъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «Сознаніе никогда не сопровождаетъ интеграціи или реинтеграціи нервныхъ элементовъ, сознаніе бываетъ только при ихъ дезинтеграціи; интензивность сознанія въ одно и то же время въ прямомъ отношеніи къ интензивности дезинтеграціи и *въ обратномъ* къ скорости и легкости, съ которыми внутренняя работа каждаго нервнаго элемента переходитъ въ другой элементъ, чувствующій или двигательный, центральный или периферическій» [200]).

Такимъ образомъ, указанные симптомы наблюдаются всего чаще въ случаяхъ припадка маніи и въ особенности эпилепсіи и алкоголизма, иногда даже они являются единственнымъ признакомъ эпилептическихъ или эпилептовидныхъ припадковъ, не обнаруживающихся инымъ образомъ.

Описываемые симптомы по своему свойству весьма отличаются отъ мирнаго и нормальнаго сна обыкновенныхъ убійцъ (assassins) вскорѣ по совершеніи преступленія, такъ какъ у послѣднихъ, какъ я выяс-

нилъ въ предыдущей статьѣ, наступаетъ только обычный сонъ для отдохновенія, какъ и у честнаго рабочаго по окончаніи работы; у душевнобольныхъ убійцъ, напротивъ, сонъ является только слѣдствіемъ прострацiи и нервнаго истощенія и въ силу этого слѣдуетъ непосредственно за преступнымъ припадкомъ.

Франсуа С. (эпилептикъ) заперъ свою жену въ комнатѣ и поджогъ домъ. Когда его вели арестованнаго въ тюрьму, онъ находился въ состояніи крайней прострацiи, ничего не говорилъ и едва могъ сидѣть [201]). S. (манія преслѣдованія) явился въ полицію послѣ убійства и «былъ въ состояніи крайней подавленности, не могъ проговорить ни одного слова, и было невозможно пробудить его память» [202]). Послѣ совершеннаго имъ избіенія С. заперся въ домъ и не хотѣлъ выходить, пока не сбѣжались его родственники и друзья. Онъ находился какъ бы въ столбнякѣ и не хотѣлъ двинуться съ мѣста [203]). Одинъ субъектъ, отъ времени до времени, страдалъ импульсомъ къ убійству; въ наиболѣе слабой своей фазѣ это влеченіе обнаруживалось только въ видѣ идеи, постоянно загромождавшей его сознаніе, но безъ дѣйствительной тенденціи къ осуществленію; это была именно скорѣе идея объ убійствѣ, а не влеченіе къ убійству. По временамъ эта идея увеличивалась въ энергіи и достигала пароксизма. Такое состояніе продолжалось недолго; но въ подобные моменты кровь бросалась ему въ голову, онъ чувствовалъ стѣсненіе и сумятицу въ головѣ, при ужасномъ чувствѣ отчаянія и сильномъ дрожаніи всего тѣла, которое покрывалось обильнымъ потомъ. Кризисъ разрѣшался потокомъ слезъ, за которымъ слѣдовала глубокая прострація [204]). Одинъ человѣкъ убилъ трехъ своихъ дѣтей, вымылъ себѣ руки, тотчасъ же легъ на траву и спалъ два часа; проснувшись, онъ не обнаружилъ никакого раскаянія [205]). Одна дама, каждый мѣсяцъ, была охватываема неодолимымъ влеченіемъ убить свою любимую 6-лѣтнюю дочь. Послѣ 24 или 36 часовъ страшнаго безпокойства она засыпала и просыпалась здоровою. Это была психическая или скрытая эпилепсія, которую въ то время діагнозировали какъ періодическіе приступы маніи къ убійству. Лор., ученикъ коллежа въ Понтуазѣ, напившись водки, задушилъ свою горничную, обнажилъ трупъ, «чтобы посмотрѣть, какъ сложена женщина» и спалъ 6 часовъ возлѣ убитой [206]). Anf. (алкоголикъ) совершилъ убійство; недолго спустя его подвергли допросу, во время котораго «онъ боролся со сномъ» [207]). Д. (меланхоликъ и алкоголикъ) убилъ свою жену. Когда полицейскій коммиссаръ сталъ его допрашивать, онъ растянулся на матрасѣ и заснулъ [208]). Арранцъ проснулся ночью и убилъ своего брата, вышелъ въ сосѣднюю ком-

нату и проспалъ въ ней 2 часа; проснувшись, онъ вспомнилъ о братѣ, пошелъ посмотрѣть на его трупъ и покушался затѣмъ на самоубійство [209]). Семинаристъ Жансонъ (скрытая эпилепсія), едва убивъ своего товарища, легъ снова въ постель «совершенно разбитый; чувствуя, что его одолѣетъ сонъ, онъ противится ему, подходитъ къ окну и остается возлѣ него 20 минутъ, почти въ безпамятствѣ, не заботясь о шумѣ, происходящемъ вокругъ него, пока его не арестовали [210]).

Еще чаще вслѣдъ за взрывомъ, обусловившимъ убійство, слѣдуетъ у душевно-больныхъ, въ видѣ противовѣса, непосредственное *влеченіе къ самоубійству*.

Самоубійство этого рода, дѣйствительное или покушеніе, отличается отъ таковаго же среди предумышленныхъ убійцъ или по времени совершенія или же по психической причинѣ: этими сторонами самоубійство душевно-больныхъ сходно съ самоубійствомъ, встрѣчающимся, можетъ быть, еще болѣе часто, среди убійцъ по страстному импульсу; именно, въ томъ и другомъ случаѣ видна реакція нравственнаго чувства, на мгновеніе подавленнаго патологическимъ или страстнымъ взрывомъ.

Многіе душевно-больные часто колеблются между убійствомъ и самоубійствомъ; случайное обстоятельство можетъ дать опредѣленное направленіе ихъ волѣ, хотя прирожденный нравственный организмъ субъекта въ такихъ случаяхъ всегда имѣетъ весьма важное значеніе. Чаще всего, при маніи преслѣдованія или меланхоліи, больной лишаетъ себя жизни въ томъ случаѣ, когда не можетъ въ точности опредѣлить причину своего несчастія; напротивъ того, когда, по его мнѣнію, онъ находитъ виновника своихъ страданій, онъ рѣшается на убійство и нерѣдко на самоубійство, непосредственно вслѣдъ за преступленіемъ.

Самоубійство можетъ быть совершено такъ же безсознательно, какъ и при припадкахъ алкоголизма и всѣхъ формахъ сумасшествія, сопровождаемыхъ страшными галлюцинаціями; въ этомъ случаѣ самоубійство является только средствомъ избавить себя отъ страха предъ галлюцинаціями, которыя раньше натолкнули на преступленіе.

Во всякомъ случаѣ, при извѣстіи о тяжкомъ преступленіи, указаннаго симптома почти всегда достаточно для устраненія предположенія о томъ, что виновный обыкновенный убійца по врожденному влеченію къ смертоубійству; въ этомъ случаѣ слѣдуетъ думать, что убійца—умалишенный или увлеченный страстью субъектъ.

О. (общій параличъ) въ 4 часа утра убилъ свою жену, спавшую рядомъ съ нимъ, и въ ту же минуту ударилъ себя самого тѣмъ же ножомъ [211]). Мэклинъ застрѣлилъ свою мать изъ ружья, затѣмъ взялъ ножъ, наточилъ его на камнѣ и оскопилъ себя, говоря, что онъ предпочитаетъ этого рода смерть—повѣшенію [212]). С. (алкоголикъ), разведенный съ женой, отправляется къ ней просить денегъ; получивъ отказъ, онъ зарѣзалъ ее ножемъ; дочь прибѣжала—онъ ее убилъ также, затѣмъ вышелъ въ бѣшенствѣ, побѣжалъ къ себѣ и зарѣзался бритвой [213]). Лор. встаетъ ночью, идетъ въ садъ, возвращается съ рѣзакомъ въ рукахъ, убиваетъ свою жену бѣшеными ударами, стремительно выходитъ изъ дому и бросается въ колодезь [214]).

Излишнимъ будетъ приводить большее число примѣровъ, которыхъ весьма много можно найти въ судебно-медицинскихъ отчетахъ и сочиненіяхъ по психической патологіи.

Другимъ весьма характеристичнымъ симптомомъ у душевно больныхъ убійцъ является *чувство облегченія*, испытываемое ими по совершеніи убійства,—чувство, совершенно отличное отъ удовлетворенія, ощущаемаго часто предумышленными убійцами послѣ сдѣланнаго преступленія.

Дѣйствительно, у предумышленныхъ убійцъ это чувство есть только чисто интеллектуальный феноменъ, заключающійся въ сознаніи насыщенія преступной страсти (мести, корысти и т. п.), въ чувствѣ безопасности при надеждѣ, въ случаѣ грабежа, воспользоватьья награбленными предметами. Напротивъ того, у душевно-больныхъ преступниковъ, при интеллектуальномъ элементѣ сознанія удовлетворенія роковой тенденціи, преобладаетъ собственно физіологическая сторона—чувство освобожденія отъ кошмара, отъ давленія, оказываемаго боязнью предъ опасностью, и въ особенности (въ случаяхъ медленнаго развитія идеи убійства)—отъ тяжкаго недомоганія и физическаго безпокойства, которое такъ часто предшествуетъ у сумасшедшихъ—преступнымъ взрывамъ.

Это явленіе, впрочемъ, замѣчается также, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ случаяхъ слабости воли или нерѣшительности, не достигающей степени патологическаго явленія: въ этихъ случаяхъ принятіе опредѣленнаго рѣшенія становится само по себѣ облегченіемъ, хотя бы впослѣдствіи обнаружились непріятныя послѣдствія рѣшенія и раскаяніе въ немъ.

«Въ случаяхъ убійства и покушенія на самоубійство, совершае-

мыхъ душевно-больными, характеристическимъ фактомъ является то, что больной освобождается отъ состоянія болѣзненнаго возбужденія и присущихъ ему устрашающихъ идей—единственно тѣмъ, что задуманное дѣло исполнено; субъектъ чувствуетъ себя облегченнымъ и успокоеннымъ, едва только волновавшая его страсть удовлетворена, и такимъ образомъ означенный актъ представляетъ кризисъ самой болѣзни» [215]).

Что касается до формъ душевнаго разстройства, въ которыхъ особенно часто замѣчается описываемый симптомъ—каковы: меланхолія, импульсивныя неотразимыя идеи, манія преслѣдованія, галлюцинаціи, алкоголизмъ и др., — то въ эпилепсіи всего чаще встрѣчаются примѣры того, какъ «исполненіе преступленія производитъ разряженіе нервныхъ силъ и вслѣдствіе этого—чувство облегченія, почти удовлетворенности» [216]); такъ что самое преступленіе совершается только съ цѣлью избавиться отъ угнетенія, ставшаго невыносимымъ.

Жакъ С. (перемежающаяся меланхолія) убилъ свою жену и по совершеніи преступленія «совершенно преобразился. Изъ мрачнаго и раздражительнаго онъ сталъ разговорчивымъ, иронизирующимъ, даже циничнымъ, вѣжливымъ человѣкомъ, такъ что былъ весьма предупредителенъ съ людьми, сошедшимися посмотрѣть на преступника. Можно было бы подумать, что онъ освободился отъ чего-то весьма тягостнаго, что онъ исполнилъ поставленную ему задачу» [217]). М. (манія преслѣдованія) убилъ В., съ которымъ онъ состоялъ въ противуестественныхъ отношеніяхъ, такъ какъ онъ говорилъ, что тотъ его всюду позоритъ (галлюцинаціи слуха). «Когда его посадили въ тюрьму, куда онъ заявился самолично, онъ почувствовалъ себя облегченнымъ, спокойнымъ, относительно даже счастливымъ, мало заботился о своей участи и значительно потолстѣлъ» [218]). Одна женщина (меланхоличная) признавалась, что всякій актъ насилія надъ ея дѣтьми или по отношенію къ ея родственникамъ доставлялъ ей большое облегченіе [219]). Пажэ (мелахоликъ) говорилъ: «До преступленія я ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только о томъ, чтобы исполнить задуманное и затѣмъ бѣжать; по совершеніи дѣла, я даже не взглянулъ на трупы (его собственныхъ дѣтей), но почувствовалъ значительное облегченіе, которое продолжалось, пока я не вошелъ въ лѣсъ» [220]). Фолькнеръ (религіозная мономанія) совершилъ убійство съ тѣмъ, чтобы быть осужденнымъ на смертную казнь. «Его сонъ былъ весьма спокоенъ въ теченіе всей ночи; онъ говорилъ, что необыкновенное безпокойство, испытывавшееся имъ въ продолженіе трехъ недѣль, прекратилось въ моментъ совершенія убійства» [221]).

Отсутствіе воспоминаній о подробностяхъ убійства также есть существенный симптомъ у душевно-больныхъ, въ особенности въ случаяхъ эпилепсіи и остраго отравленія алкоголемъ, хотя и при этихъ формахъ возможно болѣе или менѣе точное запечатлѣніе въ памяти совершившагося факта.

Нопо (эпилептикъ), который убилъ безъ всякаго мотива жениха своей сестры, ничего не помнилъ о случившемся послѣ произведеннаго имъ выстрѣла изъ ружья, когда онъ бросился съ ножемъ на тѣло убитаго [222]). Когда Пенко (эпилептикъ убійца) послали въ тюрьму обвинительный актъ, то читая изложеніе дѣла, онъ блѣднѣлъ и краснѣлъ ежеминутно, схватился руками за голову и сказалъ: «Вотъ въ чемъ меня обвиняютъ, но я рѣшительно ничего не помню объ этомъ» [223]). Клугъ, въ Берлинѣ, передаетъ, что одна крестьянка въ больницѣ, послѣ трудныхъ родовъ, въ сильномъ колненіи пыталась задушить новорожденнаго. Это состояніе ея продолжалось 4 часа; затѣмъ она успокоилась и, не имѣя никакого представленія о томъ, что было ранѣе, спрашивала у больничнаго смотрителя, отчего у нея взяли ея ребенка [224]). Марія W. (страдающая алкоголизмомъ) бросилась въ колодезь съ ребенкомъ; когда ее спасли, она разсказала, что вышла изъ дому съ ребенкомъ, потому что ей казалось, что ее зовутъ, но не зная, куда она идетъ; «затѣмъ я не знаю, что случилось, только когда я уже была въ колодезѣ, я очнулась и стала звать на помощь» [226]). Полицейскій коммиссаръ Sall. выходитъ изъ дому съ англичаниномъ д-ромъ Е., оба пьяные; передъ мэріей полицейскій закалываетъ англичанина кинжаломъ. Когда его стали допрашивать, онъ ничего не могъ припомнить. Впослѣдствіи онъ говорилъ: «Въ теченіе долгихъ безсонныхъ ночей моего заключенія я искалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я старался возобновить въ памяти какія либо подробности, но рѣшительно ничего не могъ вспомнить» [225]).

Въ томъ случаѣ, когда память о злодѣяніи сохраняется у душевно-больнаго убійцы,—нравственное чувство, которое могло и не отсутствовать, но только было подавлено, нерѣдко обнаруживается *съ относительною, одностороннею нравственною нечувствительностью*, которая наблюдается также и у предумышленныхъ убійцъ.

Но у этихъ послѣднихъ означенное психическое явленіе обусловливается, такъ сказать, перерывами единства въ ихъ нравственномъ мірѣ, вслѣдствіе чего воръ, напр., имѣетъ отвращеніе къ пролитію

крови, но не считаетъ кражу преступленіемъ, или наоборотъ, убійца считаетъ позоромъ для себя подозрѣніе его въ подлогѣ, напр., или въ изнасилованіи, но не видитъ безнравственнаго дѣянія въ смертоубійствѣ.

У душевно-больныхъ убійцъ частичная нравственная нечувствительность находится въ связи съ ихъ безумными идеями и обнаруживаетъ частичное разрушеніе, произведенное этими идеями въ нравственной организаціи больнаго.

Такимъ образомъ многіе убійцы умалишенные могутъ произвести нравственную оцѣнку совершенному ими дѣянію, такъ что у нихъ даже появляется (какъ у убійцы по увлеченію страсти)—настоящее раскаяніе.

Th. отправился провести ночь съ женщиной съ тѣмъ, чтобы ее убить; но онъ отказался отъ своего намѣренія, потому что находился въ большомъ, населенномъ домѣ и боялся, какъ бы его не арестовали, въ особенности же не хотѣлъ, чтобы его заподозрили въ убійствѣ съ цѣлью грабежа. Немного спустя онъ убилъ въ ресторанѣ молодую женщину, ему неизвѣстную; и послѣ этого настаивалъ на томъ, чтобы его не принимали за вора, хотя и не отрицалъ того, что онъ убійца [227]).

Гэ (манія преслѣдованія), зарѣзавшій супруговъ Ch. съ цѣлью ихъ ограбить, признавалъ, что совершенное имъ убійство было жестоко и несправедливо, но иначе судилъ о грабежѣ, «потому что» говорилъ онъ, «это мнѣ было нужно для того, чтобы избѣжать преслѣдованія моихъ враговъ» [228]).

М. (алкоголикъ) убилъ свою жену и ребенка; слѣдователю онъ сказалъ: «я сознаю тяжесть совершеннаго мною преступленія; если бы пришлось начинать вновь, я бы не сдѣлалъ этого, я раскаялся въ своемъ поступкѣ; я не былъ пьянъ, когда это дѣлалъ; во время разговора, который у меня былъ вечеромъ съ однимъ изъ моихъ сосѣдей, я думалъ о преступленіи, которое я хотѣлъ совершить; теперь будутъ говорить, что я негодяй» [229]).—Семинаристъ Р. (мономанія убійства, эпилепсія?), сидя въ тюрьмѣ, цитировалъ библію и говорилъ: «меня лишатъ жизни, потому что я убилъ» [230]).—Ле-Ру (манія преслѣдованія) признаетъ, что онъ заслужилъ казнь, назначенную для убійцъ; и когда ему замѣтили, что при этомъ его семейство впадетъ въ нищету по его винѣ, онъ отвѣтилъ: «это правда, но я заслужилъ кару и надо этому покориться» [231]).—L. убилъ одного человѣка, котораго онъ считалъ своимъ отравителемъ; когда его арестовали, онъ сознался и заявилъ, что его поступокъ заслуживаетъ

наказанія, «потому что никто не имѣетъ права прибѣгать къ самосуду» [232]).

В. во время допроса нѣсколько разъ останавливается, задыхаясь отъ слезъ, въ отчаяніи за судьбу своего семейства и выражая самую искреннюю привязанность къ убитому имъ сыну [233]).—Roll. (меланхоликъ) выстрѣлилъ изъ пистолета въ свою жену; тотчасъ же, въ отчаяніи, онъ бросился ее поддержать, призывая на помощь [234]). G. оплакивалъ смерть своихъ дѣтей, убитыхъ имъ, и не могъ понять, какъ онъ способенъ былъ на такое дѣло, все случившееся казалось ему сномъ, но онъ не считалъ себя невиновнымъ и просилъ объ осужденіи [235]). — Bard. зарѣзалъ свою жену и дѣтей; въ тюрьмѣ онъ оплакивалъ ихъ, искренно раскаиваясь. «Я постоянно думаю о нихъ» говорилъ онъ, «я вижу ихъ ночью, мнѣ кажется, что они стоятъ возлѣ меня; я такъ ихъ любилъ!» [236])—G. (эпилептикъ, безумный), нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убійства сына, смерть котораго была сочтена случайною, былъ охваченъ раскаяніемъ, впалъ въ меланхолію и покушался на самоубійство [237]).—Пажэ, въ тюрьмѣ говорилъ: «теперь я болѣе спокоенъ, чѣмъ до убійства моихъ дочерей; мое состояніе лучше, но сонъ мой не улучшается! Горе меня мучитъ; я буду сожалѣть о нихъ до самой смерти» [238]).

Существуетъ группа характеристичныхъ симптомовъ, общая обоимъ вышеуказаннымъ типамъ душевно-больныхъ убійцъ, относящаяся къ ихъ образу дѣйствій послѣ убійства и именно къ поведенію обвиняемыхъ на судѣ.

Заявленія, что они не сумасшедшіе, которыя обвиняемые поддерживаютъ во время разбора дѣла и на судѣ, иногда съ настойчивой энергіей, представляютъ для публики и даже для судей (не имѣющихъ психіатрическаго образованія и думающихъ, что римское и разныя другія права наилучшее руководство при опредѣленіи виновности человѣка)—лишній случай выразить свое недовѣріе экспертамъ медикамъ: имъ замѣчаютъ, что они становятся plus royaliste que le roi, такъ какъ признаютъ существованіе сумасшествія тамъ, гдѣ и самъ обвиняемый отрицаетъ его, хотя ему выгодно было бы поступать наоборотъ съ цѣлью добиться оправданія.

Классическая школа уголовнаго права утверждаетъ, что разстройство умственныхъ способностей—достаточная причина невмѣняемости или безнаказанности, т. е. препятствіе къ защитѣ мирныхъ гражданъ отъ лицъ, совершающихъ преступленія; поэтому понятно то

недовѣріе, съ которымъ публика и судъ относятся ко всякому заявленію о сумасшествіи обвиняемаго въ убійствѣ и т. п. Но тѣмъ не менѣе факты суть факты, и когда психіатръ доказываетъ существованіе душевной болѣзни, болѣе основательное недовѣріе должно возникнуть не по отношенію къ фактамъ, а по отношенію къ теоріямъ, находящимся въ противорѣчіи съ фактами, должна возникнуть мысль, что слѣдуетъ измѣнить теорію, такъ какъ факты дѣйствительности игнорировать нельзя. Развитіе подобныхъ взглядовъ и составляетъ задачу позитивной школы уголовной соціологіи.

Каковы бы ни были однако теоріи и юридическіе выводы, для того, кто опирается на болѣе надежныя данныя психіатріи,—именно эти отрицанія своей болѣзни, *несогласныя съ личнымъ интересомъ самихъ обвиняемыхъ*, и представляютъ характеристическій симптомъ умственнаго разстройства.

Это отрицаніе душевной болѣзни зависитъ, конечно, отъ весьма неяснаго представленія самихъ больныхъ, какъ и вообще всей публики, о характерѣ психическаго разстройства, а также и отъ общаго отвращенія къ этой болѣзни, о которой заявляютъ, какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и къ кому либо изъ членовъ семейства, гораздо рѣже, чѣмъ о какой нибудь другой болѣзни. Отрицаніе недуга болѣе часто въ тѣхъ формахъ психическаго разстройства, когда больной, не сознавая своего патологическаго состоянія, не сознаетъ въ то же время и значенія того, что онъ дѣлаетъ. Въ такихъ случаяхъ больной, вмѣсто того, чтобы приписывать свое преступленіе безумію, относитъ его къ своей злобѣ или подлости (въ случаяхъ импульсивныхъ неотвязныхъ идей), или, даже и сознавая преступность своего дѣянія, оправдываетъ его, напр., необходимостью самозащиты и т. п.

Мартенъ (манія преслѣдованія) убилъ В., явился въ полицію и едва его посадили въ тюрьму, какъ онъ написалъ одной своей знакомой дамѣ: «...... Слава Богу, я еще не сумасшедшій, несмотря на всѣ оскорбленія и огорченія, которыя я перенесъ». Экспертамъ онъ говоритъ два раза: «я не обманываю себя по отношенію къ ожидающей меня участи, но пусть лучше смерть или каторга, чѣмъ сумасшествіе!» [239]). Гэ (манія преслѣдованія), который убилъ и ограбилъ супруговъ Ch., «не допускалъ мысли, что онъ сумасшедшій, протестовалъ противъ того, чтобы его такъ называли, полагая, что все это— новое измышленіе его враговъ» [240]). Антуанъ (безумный), убійца брата своей жены, не обнаружилъ никакого волненія, когда врачи-эксперты говорили ему объ убитомъ; но когда ему сказали, что пришли освидѣтельствовать его какъ умалишеннаго, онъ вскричалъ:

«сами вы вѣроятно сумасшедшіе!» и упорно отрицалъ свою болѣзнь [241]). — Moul. на судѣ, на вопросъ президента, «отвѣчаетъ съ увѣренностью, что онъ не сумасшедшій и никогда имъ не былъ» [242]). — Священникъ L. (маніакъ), убившій своего брата, «отрицалъ съ одинаковымъ жаромъ и свою виновность и сомнѣніе въ цѣлости его умственныхъ способностей» [243]).—Гито, убійца Гарфильда, «не хотѣлъ, чтобы его считали сумасшедшимъ, и утверждалъ, что онъ только исполнилъ свою миссію» [244]); то же самое говорилъ и Пассананте, покушавшійся на жизнь короля Гумберта [245]).—Мисдеа (эпилептикъ), произведшій избіеніе своихъ товарищей, вскричалъ, когда сержантъ сказалъ, что ему надо надѣть горячечную рубашку: «горячечную рубашку надѣваютъ на сумасшедшихъ и на пьяныхъ, а я не пьянъ и не сумасшедшій; кромѣ того, у меня трое братьевъ, которые постараются за меня отомстить» [246]).—Семинаристъ R. (мономанія убійства—эпилепсія?) говорилъ судьѣ: «я знаю отвѣтственность, которая угрожаетъ мнѣ; я не сумасшедшій, такъ какъ я дѣйствовалъ предумышленно» [247]).

Иногда, напротивъ того, имѣя въ виду достигнуть своей безумной цѣли или избѣгнуть осужденія, душевнобольные, не сознавая своей дѣйствительной болѣзни, или *скрываютъ свое безуміе* или же *симулируютъ другую форму сумасшествія;* обыкновенно симулируются при этомъ наиболѣе очевидныя формы, къ которымъ именно по общему мнѣнію и сводятся виды психическаго разстройства, какъ-то: манія бѣшенства или слабоуміе съ безсвязною и безпорядочною рѣчью.

По этому поводу слѣдуетъ также вспомнить, что Ласень, а за нимъ Вилль доказываютъ, что симулированіе безумія уже само по себѣ служитъ признакомъ психическаго разстройства [248]), въ особенности же при истеріи, эпилепсіи, алкоголизма, наслѣдственныхъ невропатіяхъ. Притворное безуміе со стороны нормальнаго человѣка встрѣчается только въ исключительныхъ случаяхъ, и обыкновенно, говоритъ Вилль, «въ теченіе моей долголѣтней судебно-психіатрической практики я ни разу не встрѣтилъ случая симуляціи безумія у людей совершенно здоровыхъ духомъ».

Тэйлоръ, убійца своихъ четырехъ дѣтей и другой—женоубійца— «имѣли особый талантъ скрывать свои безумныя идеи (меланхолическія), которыя ихъ терзали». Подобнымъ же образомъ Н. (безумный), покушавшійся на жизнь своей матери, «въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

былъ сумасшедшимъ, а никто этого и не замѣчалъ». Въ первомъ своемъ докладѣ Касперъ объявилъ его вмѣняемымъ, но послѣ нѣсколькихъ другихъ обнаруженій (томъ рукописныхъ мемуаровъ съ порнографическими рисунками) нашелъ, что онъ умалишенный [249]). Одинъ чиновникъ въ продолженіе 5 лѣтъ скрывалъ развившуюся у него манію преслѣдованія и аккуратно исполнялъ свои обязанности; въ одинъ прекрасный день онъ убилъ своего начальника выстрѣломъ изъ пистолета. Въ его шкафу нашли четыре заряженныхъ револьвера и записки, изъ которыхъ обнаруживалось, что онъ считалъ себя отравленнымъ уже въ теченіе 5 лѣтъ [250]).

Одна меланхоличная женщина утопила своего ребенка вслѣдствіе нищеты; находясь подъ судомъ, она грубо симулировала нѣсколько формъ сумасшествія (истерію, манію, галлюцинаціи) [251]). Jaquierdo, убійца, притворяется глухонѣмымъ и поэтому ему не назначаютъ защитника; его осуждаютъ, но затѣмъ обнаруживается, что онъ сумасшедшій, а не глухонѣмой [252]). R. (манія преслѣдованія) убилъ женщину и на судѣ, съ цѣлью избѣжать наказанія, симулировалъ неопредѣленную острую манію, не сознавая своего настоящаго патологическаго состоянія [253]). А. Р. (безумный), убійца ребенка, симулировалъ амнезію случившагося [254]) и подобнымъ же образомъ S. (манія преслѣдованія) [255]). Chia., женоубійца, притворно продѣлывалъ безумныя выходки и на самомъ дѣлѣ былъ помѣшанный [256]).

Добровольное преданіе себя со стороны сумасшедшихъ убійцъ въ руки властей и ихъ пассивность при арестованіи также является симптомомъ, опредѣляемымъ ихъ психическими особенностями; эта черта также наблюдается и среди убійцъ по страсти и гораздо рѣже у предумышленныхъ убійцъ (assassins), обусловливаясь у нихъ только страхомъ болѣе тяжелой отвѣтственности.

Gir. (безумный) убилъ свою жену, бродилъ всю ночь и на утро самъ отдалъ себя въ руки жандармовъ [257]). Д. (меланхоликъ), выйдя на свободу изъ лѣчебницы для душевнобольныхъ, отправился къ любовнику своей жены и убилъ его; затѣмъ онъ, оставаясь въ той же комнатѣ, послалъ за жандармами, чтобы его арестовали [258]). Bisc. (манія преслѣдованія), въ замѣшательствѣ во время открытія убійства, никто не подозрѣвалъ въ совершеніи преступленія, но онъ сказалъ самъ: «да, убійца — я, и я самъ пойду заявить объ этомъ суду» [259]). Антуанъ В. (меланхоликъ) совершаетъ два смертоубійства и спокойно возвращается къ себѣ домой. Жандармы приходятъ

его арестовать и отводятъ въ тюрьму безъ малѣйшаго съ его стороны сопротивленія [260]). I. M., убивъ свою жену, тотчасъ же идетъ въ канцелярію суда, предъявляетъ ключъ отъ дома и разсказываетъ о своемъ преступленіи [261]). В. (наслѣдственное импульсивное помѣшательство) убиваетъ женщину и тотчасъ идетъ въ тюрьму, требуя, чтобы его заперли, такъ какъ «онъ совершилъ преступленіе» [262]). Одна молодая женщина является въ полицію и говоритъ, что она убила своего сына, раскрываетъ передникъ и показываетъ изуродованный маленькій трупъ [263]).

Однако же убійцы помѣшанные иногда, хотя и рѣже, *скрываются* и даже *устраиваютъ себѣ alibi* (какъ мы уже выше приводили примѣры, говоря объ ихъ предумышленности): это стараніе скрыться можетъ быть инстинктивнымъ и несознательнымъ актомъ (какъ при нѣкоторыхъ припадкахъ бѣшенства и эпилепсіи), но можетъ также опредѣляться сознательнымъ стремленіемъ избѣжать преслѣдованія или угрозъ со стороны сосѣдей и властей.

Bod. (манія преслѣдованія) зарѣзалъ своего пріятеля въ кабакѣ, говоря ему, чтобы онъ посмотрѣлъ на распятіе, которое онъ держалъ въ рукѣ: тотчасъ же выбѣжалъ изъ трактира и сталъ бродить по окрестностямъ, заставляя всѣхъ, кто ему встрѣчался, смотрѣть на распятіе, пока его не арестовали [264]). Mell. (эпилептикъ), тотчасъ по совершеніи убійства, бѣжалъ въ деревню и его арестовали на слѣдующій день [265]). V. (эпилептикъ) убилъ неизвѣстную ему дѣвушку и затѣмъ бѣжалъ «не сознавая, ни того, что онъ дѣлаетъ, ни того, что онъ сдѣлалъ» [266]). Р., не будучи въ состояніи жениться на дѣвушкѣ, имъ любимой, желаетъ смерти; не имѣя смѣлости лишить себя жизни, онъ убилъ неизвѣстную ему женщину и тотчасъ по совершеніи убійства скрылся, хотя и совершилъ преступленіе именно съ тою цѣлью, чтобы быть приговореннымъ къ смерти [267]).

В. переѣзжаетъ въ лодкѣ озеро Монтепульчано (въ Тосканѣ) и неожиданно сбрасываетъ свою жену въ воду; преслѣдуемый лодочниками, онъ кидается въ воду, доплываетъ до берега и убѣгаетъ, крича крестьянамъ, которые его догоняютъ, что это былъ несчастный случай, а не преступленіе [268]). Ренаръ (маніакъ) совершаетъ убійство, бѣжитъ и скрывается отъ преслѣдованія полиціи въ теченіе 13 мѣсяцевъ [269]). Англійскій художникъ Dadd. во время прогулки

зарѣзалъ своего отца бритвой, бѣжалъ во Францію, и долгое время никто не могъ его открыть [270]).

Послѣ ареста или добровольнаго заявленія о преступленіи, даже въ томъ случаѣ, когда никто и не подозрѣваетъ настоящаго виновника, помѣшанные убійцы признаются въ совершеніи преступленія или въ намѣреніи пролить кровь, продолжая свои разглашенія, о которыхъ я уже говорилъ; но иногда, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, они упорно отрицаютъ или самый поступокъ или преступное намѣреніе.

Br. (манія преслѣдованія) признался, что онъ купилъ ружье съ обдуманнымъ уже за недѣлю до того намѣреніемъ застрѣлить своего сосѣда, «такъ какъ онъ кралъ у него виноградъ» [271]). Гэ, убійца супруговъ Ch., сознался откровенно въ преступленіи; онъ поступалъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ ограбить убитыхъ и бѣжать въ Америку, чтобы избавиться отъ покушеній отравить его (больной считалъ себя жертвой своихъ враговъ) [272]). Th., убійца незнакомой ему дѣвушки, писалъ въ тюрьмѣ: «когда я служилъ у сливочника, въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца, я сильно желалъ убить служанку. Я устраивалъ такъ, что она приходила въ погребъ семь или восемь разъ, но ни разу я не могъ собраться съ духомъ.... Поступивъ затѣмъ служителемъ въ пансіонъ, я возымѣлъ мысль убить свою мать, и, кажется, эта мысль держалась во мнѣ дольше всѣхъ прочихъ и не давала моему уму ни минуты покоя.... Пробоpовшись съ самимъ собою въ теченіе 24 часовъ, я зарѣзалъ дѣвицу С.... Вотъ несчастіе, которое мнѣ предсказывалъ R. и другія лица: я убилъ несчастную женщину, которую даже совсѣмъ не зналъ, и теперь проведу 20 лѣтъ, а можетъ быть и цѣлую жизнь, на каторгѣ. Написано въ Mazas, въ ожиданіи приговора. Генри Th., предумышленный убійца» [273]). Англійскій художникъ Dadd., бѣжавшій во Францію послѣ убійства своего отца, однажды, сидя въ омнибусѣ, совершилъ покушеніе на убійство одного изъ проѣзжающихъ; когда его арестовали, онъ сказалъ свою фамилію и признался тутъ же въ отцеубійствѣ, о которомъ окружавшіе и не знали ничего [274]). Vern. (меланхоликъ) убилъ свою мачиху вслѣдствіе галлюцинаціи; никто не подозрѣвалъ его, однако послѣ похоронъ онъ признался въ преступленіи, разсказавъ о полученномъ имъ отъ неизвѣстныхъ голосовъ приказаніи убить свою мачиху [275]).

Признанія, о которыхъ выше шла рѣчь, въ особенности въ нѣкоторыхъ формахъ помѣшательства (импульсивной мономаніи, или лучше сказать — эпилепсіи, алкоголизма и др.) — передаются умалишенными преступниками съ приведеніемъ *характерныхъ выраженій*, которыя указываютъ болѣе или менѣе точно на особое состояніе ихъ организма въ моментъ болѣзненнаго припадка.

Rom. (импульсивная мономанія), убившій своего сосѣда, «чувствовалъ, что кровь бросилась ему въ голову». Volt. (меланхолія преслѣдованія), разсказывая о совершенномъ имъ преступленіи, говорилъ, что онъ былъ увлеченъ «своей обычной болѣзнію и приливомъ крови къ головѣ». Troll. (пеллагрозная меланхолія), женоубійца, въ день убійства чувствовалъ, что «у него голова тяжела какъ камень» [276]). Мисдеа (эпилептикъ), указывая на влеченія къ убійству, которыя имъ овладѣвали по временамъ, говорилъ: «у меня бываютъ капризы», или «у меня кружится голова» [277]). Точно также слабоумный Sbro. называлъ «капризомъ» совершенное имъ отцеубійство [278]). Пенко (эпилептикъ), признаваясь въ убійствѣ, сказалъ: «это не я сдѣлалъ, а моя голова» [279]). Агостино Р. (слабоумный) такъ разсказывалъ объ отцеубійствѣ: «у меня болѣла голова, я взялъ топоръ и панесъ ему ударъ» [280]). Ад. (алкоголикъ), братоубійца, не могъ ничѣмъ инымъ объяснить преступленія, какъ «затмѣніемъ (vapeur) въ головѣ» или тѣмъ, что у него «голова вся пылала», и затѣмъ онъ ничего не могъ вспомнить [281]).

Подобнаго рода выраженія Гисланъ называлъ патогномическими; Легранъ дю Солль отмѣтилъ, какъ характерныя для эпилептиковъ, выраженія въ родѣ слѣдующихъ: приливъ къ головѣ—кровь бросилась въ голову,—жаръ меня охватилъ,—мнѣ казалось, что я горю,—меня какъ будто толкнулъ кто-то,—голова у меня кружилась и т. п.

Послѣднимъ симптомомъ этого ряда явленій, относящихся къ образу дѣйствій умалишенныхъ убійцъ послѣ преступленія, представляется то, что, за исключеніемъ болѣе рѣдкихъ случаевъ, когда душевнобольные стараются приводить оправданія, признавая фактъ и намѣреніе убійства (помимо случаевъ мнимой самообороны при маніи преслѣдованія)—обыкновенно помѣшанные *не стремятся себя оправдать* и, даже напротивъ того, *приводятъ преступныя побужденія*, иногда обвиняя себя въ выдуманныхъ злодѣяніяхъ для того, чтобы увеличить свою виновность, въ особенности въ случаяхъ меланхоліи и убійства съ цѣлью самоубійства (посредствомъ смертной казни).

М., вслѣдствіе упрековъ своей матери, вышелъ стремительно изъ дому и убилъ трехъ лицъ; онъ помнилъ обо всемъ случившемся и настойчиво просилъ, чтобы его осудили [282]). R. (эпилептикъ) разсказалъ обо всемъ, имъ содѣянномъ, и не старался себя оправдать. Дѣтоубійца М. даже не подумала объяснить фактъ злодѣянія. G. (эпилептикъ и алкоголикъ) «признаетъ себя виновнымъ и проситъ о снисхожденіи» [283]).

Одинъ кузнецъ (эпилептикъ) неожиданно наноситъ ударъ молоткомъ своему товарищу; его арестуютъ, онъ объясняетъ дѣло мотивомъ мести, которой, какъ потомъ оказалось, вовсе не было [284]). Bard. убилъ свою жену и двухъ дѣтей; на допросѣ онъ привелъ какъ причину—ссору съ женой; но потомъ измѣнилъ показаніе и приписывалъ убійство ревности [285]).

Cad. (меланхоликъ) зарѣзалъ священника въ Авейронѣ; на допросѣ онъ заявилъ, что сдѣлалъ это изъ мести, такъ какъ тотъ отказалъ ему въ рукѣ своей племянницы [286]).

Алэнъ (меланхоликъ), убившій портнаго N. во время минутнаго припадка, на судѣ старался увеличить свою виновность, утверждая предумышленность преступленія съ цѣлью отомстить, что оказалось совершенно невѣрнымъ [287]). Гнезеръ убилъ ребенка съ цѣлью быть лишеннымъ жизни и ложно обвинялъ себя въ содоміи съ жертвой и въ убійствѣ съ той цѣлью, чтобы ребенокъ не разсказалъ объ этомъ; когда ему доказали, что его показанія невѣрны, онъ признался, что совершилъ преступленіе съ тѣмъ, чтобы быть приговореннымъ къ смертной казни [288]).

Для дополненія психологическаго очерка убійцы душевно-больнаго остается еще сообщить о послѣднемъ рядѣ психопатологическихъ симптомовъ, относящихся къ *особенностямъ жизни до и послѣ совершенія преступленія.* Что касается до біологическихъ симптомовъ, то такъ какъ въ настоящемъ очеркѣ я не могъ говорить о нихъ въ достаточной подробности, и такъ какъ они относятся болѣе къ статистическому и антропологическому изслѣдованію естественнаго генезиса преступленія, я сообщу здѣсь лишь наиболѣе характеристическіе случаи.

Наслѣдственные дефекты встрѣчаются очень часто какъ у предумышленныхъ убійцъ, такъ и у сумасшедшихъ, выражаясь въ различныхъ формахъ дегенераціи: умопомѣшательствѣ, идіотизмѣ, самоубійствѣ, преступленіи, алкоголизмѣ, нервныхъ разстройствахъ и проч.

Квіеста (эпилептикъ и алкоголикъ), лишившій жизни одиннадцать

человѣкъ, имѣлъ въ родствѣ по отцу: двоюроднаго брата, дядю, шесть другихъ родственниковъ — сумасшедшихъ; въ родствѣ по матери: 4 двоюродныхъ братьевъ умалишенныхъ, одного двоюроднаго брата отцеубійцу, а другаго самоубійцу [289]). У R. (меланхоликъ), 73 лѣтъ, отъ роду, убившаго свою невѣстку, былъ братъ, умершій въ пріютѣ для умалишенныхъ, другой братъ самоубійца, сестра страдала ипохондріей, 3 двоюродныхъ брата лишили себя жизни [290]). Пенко (эпилептикъ)—смертоубійца; дѣдъ его по отцу и отецъ были сумасшедшіе, братъ страдалъ конвульсіями, сестра была больна маніей бѣшенства и невропатіей, два двоюродныхъ брата сошли съ ума, одинъ лишилъ себя жизни, одинъ племянникъ былъ идіотъ, другой боленъ конвульсіями [291]). У братоубійцы I. бабка по матери умерла въ сумасшедшемъ домѣ, тетка по матери лишила себя жизни въ азилѣ, дядя по матери былъ меланхоликъ, одинъ братъ умеръ отъ туберкулезнаго менингита, другой страдалъ конвульсіями, мать была слабоумная [292]). Семинаристъ Жансонъ (эпилептикъ), который поджегъ семинарію, убилъ и ограбилъ одного изъ своихъ товарищей, имѣлъ семью такого рода: дѣдъ его былъ сумасшедшій, отецъ алкоголикъ, дядя и тетка—эпилептики, два двоюродныхъ брата паралачные, двое другихъ—помѣшанные, сестра душевно-больная, братъ слабоумный [293]). Солдатъ Мисдеа (эпилептикъ), произведшій избіеніе среди своихъ товарищей, имѣлъ двухъ дядей по отцу слабоумныхъ, третій дядя его былъ убійца, отецъ алкоголикъ, чрезвычайно раздражительный; дядя по матери разбойникъ, другой дядя по матери воръ, сама мать истеричная; четверо двоюродныхъ братьевъ идіоты или слабоумные, одинъ братъ алкоголикъ, другой братъ эпилептикъ, алкоголикъ, развратникъ, осужденный за нанесеніе ранъ; племянникъ Мисдеа развратникъ [294]).

Къ прецедентамъ наслѣдственнымъ у помѣшанныхъ убійцъ присоединяются также и личные, психопатическіе или даже преступнаго характера прецеденты.

Несмотря однако на подобнаго рода прецеденты, такихъ людей, въ силу того принципа классическаго уголовнаго права, что умалишенные не подлежатъ отвѣтственности, оставляютъ на свободѣ или заключаютъ въ пріютахъ на весьма непродолжительное время. Пріюты для душевно-больныхъ преступниковъ съ неопредѣленными сроками заключенія, устройство которыхъ предлагаетъ позитивная школа, были бы наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для предотвращенія значительнаго числа преступленій и проступковъ; подобнаго рода завс-

денія настоящій проектъ итальянскаго уголовнаго законодательства допускаетъ, но въ недостаточной мѣрѣ, такъ какъ и самый проектъ составленъ подъ вліяніемъ классическихъ теорій.

В. (слабоумный), покушавшійся на убійство своихъ родителей, былъ алкоголикомъ, и раньше у него былъ періодъ умопомѣшательства, такъ что онъ былъ извѣстенъ, какъ меланхоликъ (липеманіакъ) [295]). Женоубійца В. (манія преслѣдованія, бредъ величія) страдалъ часто рожистыми воспаленіями на лицѣ и головѣ, и послѣ послѣдняго повторенія болѣзни (незадолго до преступленія) у него проявились признаки остраго мозговаго заболѣванія и вслѣдъ за тѣмъ приступы бѣшенства. Дѣвица R., покушавшаяся убить свою мать и задушить бабушку, будучи 2 лѣтъ отъ роду, упала и ушиблась очень серьезно, такъ что мозговая система ея была повреждена, и у нея бывали эпилептическіе или эпилептовидные припадки [296]). Гито, убійца президента Гарфильда, провелъ жизнь въ разныхъ чудаческихъ предпріятіяхъ, проектахъ, намѣреніяхъ мести; три года до совершенія преступленія его объявили помѣшаннымъ [297]). Bouill. (меланхоликъ), перебившій своихъ дѣтей, уже нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ лѣчился въ больницѣ отъ маніи бѣшенства, при этомъ онъ страдалъ вообще безсонницей и видѣлъ ужасающіе сны [298]). Одинъ женоубійца (общій параличъ) 17 лѣтъ до совершенія преступленія страдалъ неврозомъ и гастралгіей, дрожаніемъ и шумомъ въ ушахъ; какъ послѣдствіе этой болѣзни у него остались нервныя разстройства, головныя боли, мгновенная глухота, головокруженіе; 4 мѣсяца до преступленія у него были галлюцинаціи и бредъ преслѣдованія [299]). Тиксье задолго до убійства трехъ лицъ страдалъ безсонницей, головными болями, галлюцинаціями, стѣсненіемъ въ груди, чрезвычайной слабостью [300]).

Среди указанныхъ личныхъ прецедентовъ есть одинъ, имѣющій спеціальное значеніе—это *алкоголизмъ*, столь часто встрѣчающійся среди предумышленныхъ убійцъ, но нерѣдко бывающій и у душевнобольныхъ преступниковъ. Алкоголизмъ даже самъ по себѣ, развившись до значительной степени остраго или хроническаго отравленія, можетъ быть причиной душевнаго разстройства, побуждающаго къ совершенію преступленій, въ особенности въ случаѣ совпаденія съ эпилепсіей или вообще съ той особенной мозговой раздражительностью, которая является слѣдствіемъ травматическихъ поврежденій, заболѣваній отъ солнечнаго зноя, наслѣдственной слабости организма и т. п. Алкоголизмъ развивается не только отъ злоупотребленія водками, но

также и отъ вина (хотя и въ слабѣйшей степени); на востокѣ ему служитъ соотвѣтственнымъ явленіемъ куреніе опіума, также обусловливающее внезапныя влеченія къ убійству, самоубійству и т. п., какъ и алкоголизмъ, особенно въ острой формѣ [301]).

Такъ же какъ и по отношенію къ фактамъ наслѣдственности я ограничусь здѣсь приведеніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе характеристичныхъ примѣровъ, оставляя до другаго случая статистическое и антропологическое изученіе упомянутыхъ естественныхъ и соціальныхъ причинъ преступности.

Женоубійца Д. (манія преслѣдованія) до совершенія преступленія не имѣлъ ни минуты покоя; преслѣдуемый смутными подозрѣніями и тревогой, онъ, кромѣ того, часто находился въ состояніи перевозбужденія вслѣдствіе злоупотребленія абсентомъ, которому онъ предавался. Одинъ свидѣтель показалъ, что обвиняемый пилъ абсентъ въ чрезмѣрномъ количествѣ; въ послѣдніе мѣсяцы онъ пилъ еще больше, не разбавляя ничѣмъ водки и поглощая ея около трети литра въ день [302]). — Квіеста, лишившій жизни одиннадцать человѣкъ, былъ алкоголикъ.—Лежандръ однажды вечеромъ почувствовалъ себя крайне разстроеннымъ, «какъ будто ему наносили удары по головѣ», неожиданно онъ два раза ударилъ своего сосѣда, крича: «Помогите! караулъ!» бросился затѣмъ на скотный дворъ, сталъ колоть вилами лошадь и убилъ свою мать, когда она къ нему подошла; съ нимъ произошелъ припадокъ остраго алкоголизма [303]).—Д-ръ В., смертоубійца, предавался пьянству и у него уже обнаруживались всѣ симптомы delirium tremens [304]).

Кромѣ того, многочисленные примѣры подобнаго рода случаевъ можно найти во всѣхъ курсахъ психіатріи и судебной медицины [305]).

Признаки, относящіеся къ *общему поведенію душевно-больныхъ убійцъ*, дополняютъ послѣднюю серію свойственныхъ имъ психологическихъ особенностей.

Весьма часто замѣчается, что до совершенія преступленія они вели *нормальный образъ жизни*, въ особенности въ случаяхъ, не связанныхъ съ эпилепсіей или хроническимъ алкоголизмомъ, что является, конечно, однимъ изъ наиболѣе характеристичныхъ симптомовъ.

Desb., убившій двухъ своихъ сослуживцевъ, подозрѣвая ихъ въ стремленіи лишить его мѣста, «заслужилъ себѣ уваженіе со стороны начальства, благодаря своему хорошему поведенію, тихому характеру и исполнительности въ возложенныхъ на него дѣлахъ» [306]).—Жанъ

Б., лишившій жизни свою мать и двоихъ сыновей безъ всякой причины, страдалъ эпилепсіей, «но въ предшествовавшей его жизни не было замѣчено ничего дурнаго» [307]). — «Относительно поведенія L. (манія преслѣдованія), убійцы М., имѣются только благопріятныя показанія: его честность, его образъ жизни всегда казались безупречными». — Братоубійца Луи Ж. былъ «всегда внимателенъ по отношенію къ своей матери, оказывалъ уваженіе своему брату, заботился объ интересахъ хозяина, отличался усердіемъ и аккуратностью въ своихъ занятіяхъ, велъ скромное существованіе на глазахъ своихъ родителей» [308]). — Арр., братоубійца, постоянно былъ безупречнаго поведенія; какъ отставной военный онъ имѣлъ свидѣтельство объ отставкѣ съ медалью и похвальнымъ отзывомъ по службѣ [309]).— Bla. (меланхоликъ), зарѣзавшій своихъ дѣтей, считался «человѣкомъ честнымъ, тихаго нрава, работящимъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія» [310]).—Rom. (импульсивная мономанія) «добръ, честенъ, ласковъ, услужливъ, вообще безупреченъ» [311]).—Д-ръ Р., обвиняемый въ убійствѣ, описывается какъ «человѣкъ достойный уваженія, пріятнаго характера» [312]).

Не менѣе характеристичнымъ признакомъ душевно-больнаго убійцы, находящимся въ извѣстномъ соотношеніи съ вышеописаннымъ симптомомъ—это измѣненіе въ образѣ жизни и характерѣ незадолго до совершенія преступленія.

Это измѣненіе является очевиднымъ слѣдствіемъ скрытаго патологическаго состоянія; часто оно сопровождается органическимъ разстройствомъ (въ формѣ приливовъ крови къ головѣ, головныхъ болей, рѣзи въ животѣ, безсонницы, раздражительности, прекращенія геморроидальнаго или другаго обычнаго кровотеченія и т. п.), что въ особенности бываетъ при нѣкоторыхъ видахъ психическихъ заболѣваній, какъ, напр., экзальтаціонный бредъ (манія) или депрессивный (меланхолія) съ иллюзіями органовъ чувствъ или галлюцинаціями, также при безуміи съ прогрессивнымъ параличемъ, послѣродовомъ психическомъ разстройствѣ, старческомъ слабоуміи и т. п.

Семинаристъ R. (мономанія убійства, эпилепсія?), перерѣзавшій горло своему товарищу, незадолго до преступленія совершенно измѣнился въ характерѣ; надзиратель въ семинаріи говорилъ о немъ, «что съ нѣкотораго времени онъ сталъ совсѣмъ не тѣмъ, какимъ былъ обыкновенно» [313]).—М. (алкоголикъ, манія преслѣдованія) въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ хорошимъ отцомъ семейства и мужемъ, уважаемымъ своими сосѣдями. За годъ до убійства характеръ его измѣнился; онъ сталъ небрежно относиться къ работѣ, ссорился

съ женой и однажды ночью пытался ее задушить [314]).— Морякъ М. вообще былъ спокойнаго характера, усерденъ въ работѣ, очень любилъ свою семью, отличался хорошей нравственностью, служилъ матросомъ нѣсколько лѣтъ; вдругъ, незадолго до совершеннаго имъ двойнаго убійства, ему опротивѣла работа, такъ что начальство стало имъ недовольно; это его поразило, и у него появилась манія преслѣдованія [315]).—G. (безумный, эпилептикъ), утопившій своего сына, впалъ въ мрачную меланхолію и сталъ меньше работать съ тѣхъ поръ, какъ его сынъ окривѣлъ на одинъ глазъ, поранивъ себя косой [316]).—La Drouin (меланхоличная), отравительница, за нѣсколько времени до преступленія, вслѣдствіе смерти одного изъ ея дѣтей, стала печальной и раздражительной, въ противоположность ея обычному характеру [317]).—Arr. всегда отличался хорошимъ поведеніемъ; каждую весну у него было кровотеченіе изъ носу; въ одну весну кровотеченія этого не было, и тогда-то онъ сталъ грустенъ, раздражителенъ, по ночамъ у него появились галлюцинаціи, и ночью именно онъ и убилъ своего брата [318]).—Прустъ, отцеубійца, за двѣ недѣли до катастрофы страдалъ болями въ головѣ, желудкѣ и пр., бросилъ работу и вообще совсѣмъ измѣнилъ характеръ [319]).—Gir. (меланхоликъ), за нѣсколько дней до того, какъ онъ зарѣзалъ своего пріятеля, началъ страдать безсонницей, вслѣдствіе какого-то дѣла съ его жертвою; больной сталъ раздражителенъ, мраченъ, получилъ отвращеніе къ своей семьѣ, у него появились головныя боли и постоянная жажда [320]).—Корнье, обыкновенно веселаго характера, вдругъ совершенно измѣнилась, впала въ печальное, молчаливое настроеніе и даже покушалась на самоубійство; въ послѣднее время передъ убійствомъ ввѣреннаго ей ребенка, ея меланхолія перешла въ постоянное остолбенѣніе. — Д-ръ Скэ передаетъ случай, произошедшій съ рабочимъ на копяхъ: онъ былъ раненъ упавшей земляной глыбой, причемъ ему повредило черепъ на 3 дюйма повыше внѣшняго угла лѣвой глазной орбиты. Онъ пришелъ въ сознаніе только четыре дня спустя и, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль, снова принялся за работу въ шахтѣ. Тутъ въ немъ замѣтили перемѣну характера. Раньше онъ былъ тихъ, любилъ общество, былъ добродушенъ, любилъ жену и дѣтей, а теперь сдѣлался привередливъ, молчаливъ, раздражителенъ, отказывался отъ общества своей жены. Его состояніе постепенно ухудшалось; часто онъ приходилъ въ раздраженіе и сыпалъ угрозами своей женѣ, дѣтямъ и сосѣдямъ; въ концѣ концовъ онъ сталъ буйнымъ маніакомъ, покушался на самоубійство и женоубійство, причемъ съ нимъ произошелъ цѣлый рядъ эпилептическихъ припадковъ. Его отправили

въ больницу. Тамъ ему сдѣлали трепанацію черепа и извлекли осколокъ кости, вдавившійся въ голову въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ ушибленъ. Немедленно послѣ операціи, состояніе больнаго улучшилось и мало по малу къ нему вернулся его обычный характеръ: онъ сталъ кротокъ, дѣятеленъ и услужливъ, всѣ семейныя привязанности въ немъ возстановились. Четыре года послѣ выхода его изъ больницы онъ еще пользовался полнымъ физическимъ и нравственнымъ здоровьемъ [321]).

У нѣкоторыхъ, однако, душевно-больныхъ убійцъ, какъ и у предумышленныхъ, но рѣже, наблюдается нормальной образъ жизни до преступленія, иногда соединенный съ бродяжествомъ (въ особенности у слабоумныхъ, эпилептиковъ, хроническихъ алкоголиковъ и имъ подобныхъ, дающихъ большое число рецидивистовъ въ бродяжествѣ); вмѣстѣ съ этимъ бываетъ связана и частая перемѣна занятій или профессіи, что (наряду съ рецидивизмомъ) служитъ характеристической чертой нѣкоторыхъ преступниковъ, въ особенности воровъ, мошенниковъ, грабителей по дорогамъ и т. п., являющихся настоящими дикарями среди нашей цивилизаціи.

Z. (слабоумный) выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ полицейскихъ; онъ былъ уже дважды осужденъ за подобный проступокъ и за неосторожный поджогъ. Онъ испробовалъ нѣсколько профессій безъ успѣха и кончилъ тѣмъ, что жилъ бродягой [322]).—Th. (скрытая эпилепсія) занимался сперва у фабриканта математическихъ инструментовъ, черезъ полгода онъ поступилъ на мѣсто у продавца религіозныхъ изображеній, пробылъ здѣсь 14 мѣсяцевъ и перешелъ въ магазинъ книгопродавца, затѣмъ въ скульптурное заведеніе, гдѣ онъ провелъ полгода; по прошествіи этого времени Th. отправился въ Гавръ, чтобы поступить въ матросы; пробылъ въ Гаврѣ 4 дня и вернулся въ Парижъ пѣшкомъ; здѣсь поступилъ на мѣсто въ кондитерскую, затѣмъ перешелъ въ молочную, оттуда опредѣлился служителемъ въ ресторанѣ, а послѣ служителемъ въ пансіонѣ; снова бѣжалъ въ Гавръ и опять вернулся въ Парижъ; его присудили къ трехмѣсячному аресту за неплатежъ денегъ въ ресторанѣ; отсидѣвъ это время, онъ поступилъ на службу въ зуавы при папѣ, но, спустя 14 мѣсяцевъ, бѣжалъ въ Парижъ и снова сталъ служащимъ въ ресторанѣ; потомъ онъ былъ переплетчикомъ, а затѣмъ воздѣлывалъ грибы въ Мёланѣ; черезъ нѣкоторое время онъ отправился въ Алжиръ въ зуавы, возвратился въ Парижъ и принималъ участіе въ коммунѣ; затѣмъ опять отправился въ Алжиръ, гдѣ вступилъ въ связь съ дѣвушкой, отъ которой имѣлъ ребенка; Th. хотѣлъ на ней жениться, но мать

дѣвицы не допустила брака; тогда онъ вернулся въ Парижъ и, немного спустя, убилъ въ ресторанѣ дѣвицу С., которая съ нимъ совсѣмъ не была знакома [323]). — Шаберъ (манія преслѣдованія), убійца д-ра R., котораго онъ совсѣмъ не зналъ, не могъ пристроиться нигдѣ ни къ какому дѣлу; отъ Марселя до Парижа, до Руана и до больницы для душевно-больныхъ въ Гаврѣ онъ жилъ въ постоянномъ скитаніи съ мѣста на мѣсто [324]). — Д-ръ S. (манія преслѣдованія), убившій среди бѣла дня совершенно ему неизвѣстную личность, былъ прежде раввиномъ, затѣмъ перешелъ въ христіанство и предался изученію права, давая частные уроки. Недовольный своею жизнью, онъ перебрался изъ Берлина въ Цюрихъ, а оттуда въ Америку; снова вернулся въ Швейцарію и наконецъ опять пріѣхалъ въ Берлинъ [325]). — Августинъ М. (эпилептикъ), съ 10-лѣтняго возраста уже бродяга и воръ, осужденный во время военной службы, «не могъ найти подходящей себѣ профессіи, онъ былъ сапожникомъ, портнымъ, наборщикомъ, затѣмъ снова сапожникомъ и опять портнымъ, постоянно въ непримиримой враждѣ съ товарищами по ремеслу» [326]).

Послѣднимъ симптомомъ, замѣчаемымъ иногда у душевно больныхъ убійцъ, это *совершеніе другихъ преступленій вслѣдъ за убійствомъ*.

Это обстоятельство находится въ естественной связи съ продолжительностью дѣйствія патологической причины, натолкнувшей сперва на убійство, и наблюдается въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда опасныхъ больныхъ отправляютъ въ неспеціальныя лѣчебницы, откуда ихъ выпускаютъ послѣ перваго сколько нибудь продолжительнаго періода кажущагося излѣченія, которое обыкновенно бываетъ только временнымъ послѣдствіемъ перемѣны среды, перехода отъ болѣе или менѣе безпорядочной жизни на свободѣ къ болѣе или менѣе полному одиночеству, при соотвѣтственномъ лѣченіи.

Д. (манія преслѣдованія), будучи уже подъ судомъ за убійство жены, тяжело ранилъ другаго арестанта бутылкой во время его сна, безъ всякаго внѣшняго повода. — М. нанесъ опасную рану своему отцу; когда его помѣстили въ пріютъ, онъ пытался убить тамъ доктора [327]). — Бисгрове (эпилептикъ), осужденный за убійство, былъ отправленъ въ пріютъ; тамъ, прогуливаясь со сторожемъ, онъ отсталъ немного отъ него и ударомъ камня въ голову свалилъ его съ ногъ, затѣмъ билъ его, пока не увидалъ, что тотъ умеръ, и бросился бѣжать. — Д-ръ Р. въ 1854 г. застрѣлилъ одного своего пріятеля, съ которымъ былъ на охотѣ; его оправдали, такъ какъ смерть была признана произо-

шедшей по неосторожности; въ 1859 г. онъ покушался убить свою тещу, его отправили въ больницу, онъ пробылъ въ ней 4 мѣсяца и, 20 дней спустя по выходѣ изъ нея, убилъ горничную [328]).—Доссеръ (манія преслѣдованія) былъ приговоренъ за предумышленное убійство къ каторжнымъ работамъ; немного спустя, ночью онъ тяжело ранилъ другаго арестанта камнемъ, завязаннымъ въ платокъ [329]).—Сынъ доктора (меланхоликъ), вышедши изъ больницы, въ одинъ прекрасный день ударилъ ножомъ своего отца; его снова отправили въ больницу, откуда его опять выпустили послѣ нѣкотораго времени; едва больнаго выпустили на свободу, онъ нанесъ тяжелую рану своему брату [330]).—N., уже два раза бывшій въ больницѣ, убилъ своего зятя; его осудили; во время заключенія по суду, онъ былъ на излѣченіи одно время въ больницѣ для душевно-больныхъ, откуда былъ возвращенъ въ тюрьму досиживать опредѣленный срокъ; отбывъ свое наказаніе, онъ совершилъ новое убійство изъ обдуманной заранѣе засады [331]).—Sgr. въ 1876 г. ранилъ ножомъ сестру и зятя; его отправили въ пріютъ, онъ пробылъ тамъ 5 мѣсяцевъ, и, выпущенный на свободу, совершилъ убійство.—Въ Парижѣ, нѣкто Гальчъ, игрокъ на биржѣ, тяжело ранилъ трехъ лицъ на Итальянскомъ бульварѣ; пять лѣтъ передъ тѣмъ онъ стрѣлялъ изъ револьвера по двумъ лицамъ въ Булонскомъ лѣсу; его отправили тогда въ пріютъ, откуда онъ былъ выпущенъ за нѣсколько мѣсяцевъ до новаго нападенія.—Pow. «могъ скрывать свое психическое разстройство, если то ему было необходимо и если условія, въ которыхъ онъ жилъ, не разстраивали его; вслѣдствіе этого, его нѣсколько разъ выпускали на свободу изъ больницы, пока онъ не совершилъ убійства во второй разъ» [332]).

Опуская въ настоящемъ очеркѣ значеніе представленныхъ нами данныхъ для практики судебныхъ приговоровъ надъ обвиняемыми въ убійствѣ и для принятія предохранительныхъ и репрессивныхъ мѣръ соціальной защиты, болѣе приспособленныхъ къ характеру опасности, представляемой антиобщественной организаціей нѣкоторыхъ субъектовъ,—картина психопатологическихъ симптомовъ, представленная мною, можетъ быть резюмирована въ нѣсколькихъ общихъ выводахъ.

I. Между обыкновенными предумышленными убійцами и душевнобольными преступниками различія въ психологическихъ особенностяхъ болѣе многочисленны, чѣмъ черты сходства. Даже въ томъ случаѣ, когда между ними есть аналогія въ нѣкоторыхъ психологическихъ

признакахъ, среди сумасшедшихъ можно отличить тѣхъ, кто представляетъ это сходство вслѣдствіе прирожденной дефективности (нравственное безуміе, эпилепсія, слабоуміе), обусловливающей, какъ и у преступниковъ, основную и постоянную ненормальность нравственной организаціи, — и тѣхъ, кто обнаруживаетъ признаки преступности только вслѣдствіе разстройства, наступившаго въ психической дѣятельности.

Относительно убійцъ по врожденной наклонности иногда нельзя бываетъ точно установить — преступники ли они въ дѣйствительности, или душевно-больные. Это промежуточные типы, которые по даннымъ симптоматологіи обнаруживаютъ ясныя доказательства внутренней связи между сумасшествіемъ и преступностью, какъ двумя видами вырожденія.

II. Иногда самыя обстоятельства, сопутствующія убійству, обнаруживаютъ психопатологическое состояніе виновнаго; но иногда, наоборотъ, нельзя съ перваго взгляда рѣшить, было ли совершено преступленіе обычнымъ убійцей, или душевно-больнымъ.

Относительно этого различія между душевно-больными и предумышленными убійцами мало характеристическихъ признаковъ, изъ которыхъ одного было бы достаточно для опредѣленія типа, подобно тому какъ, по словамъ Плутарха, иногда одинъ поступокъ въ жизни человѣка можетъ обнаружить его характеръ, или какъ Кювье было достаточно одной кости для опредѣленія цѣлаго скелета и образа жизни неизвѣстнаго животнаго.

Упомянутые характеристичные признаки — помимо, конечно, случаевъ симуляціи, составляющихъ другую, также интересную область психопатологіи — суть слѣдующіе: неотступная и импульсивная идея убійства, — сознаніе своего психическаго разстройства и принятіе предосторожности, чтобы не быть увлеченнымъ преступнымъ импульсомъ, — патологическое состояніе изступленія во время внезапнаго совершенія убійства, косвенное самоубійство или принесеніе жертвы какъ цѣль при убійствѣ, избіеніе дорогихъ больному лицъ безъ преступнаго намѣренія, безцѣльное лишеніе жизни нѣсколькихъ человѣкъ заразъ, немедленный за преступленіемъ сонъ при полномъ упадкѣ силъ, болѣе или менѣе полное отсутствіе воспоминанія о случившемся, покушеніе на самоубійство непосредственно вслѣдъ за преступленіемъ, искреннее и глубокое раскаяніе.

Изъ перечисленныхъ симптомовъ два послѣдніе свойственны также и убійцамъ по страстному увлеченію.

Эти признаки въ особенности важны для опредѣленія дѣйствительнаго

значенія симптомовъ, общихъ предумышленнымъ убійцамъ и душевнобольнымъ, такъ какъ, конечно, не всѣ убійцы-умалишенные представляютъ всѣ тѣ симптомы, которые я описалъ въ настоящемъ психологическомъ очеркѣ. Каждый субъектъ въ отдѣльности представляетъ ихъ въ неодинаковомъ количествѣ и болѣе или менѣе характеристичные.

III. За исключеніемъ случаевъ неотступной импульсивной идеи убійства съ сознаніемъ своей болѣзни, у сумасшедшаго (и въ этомъ случаѣ дѣло идетъ объ эпилептическомъ психозѣ, или же діагнозъ неполонъ) не существуетъ спеціальной формы *маніи* или *мономаніи* убійства, ни постоянной, ни преходящей, характеризуемой безсознательнымъ патологическимъ влеченіемъ къ убійству.

Эти нозологическія опредѣленія указываютъ только на недостаточность знаній или неполноту діагноза, а не на реально существующее психопатологическое явленіе.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ убійство является преступной случайностью или весьма опредѣленной формой психическаго разстройства (какъ, напр., слабоуміе, идіотизмъ, приступы маніи или меланхоліи, манія преслѣдованія, послѣродовое безуміе, сумасшествіе съ прогрессивнымъ параличемъ, явная эпилепсія, острый или хроническій алкоголизмъ и т. д.)—или же убійство является слѣдствіемъ эпилептическаго психоза, въ скрытой формѣ, связаннаго или нѣтъ съ алкогольнымъ возбужденіемъ, съ психическимъ эквивалентомъ обычныхъ головокруженій.

Именно этому эпилептическому психозу и слѣдуетъ приписать всѣ случаи странныхъ и непонятныхъ убійствъ, а также многія изъ связанныхъ съ неотступной импульсивной идеей.

IV. Съ соціальной точки зрѣнія преступность есть степень вырожденія болѣе глубокая и, слѣдовательно, болѣе опасная, чѣмъ сумасшествіе; преступники, вслѣдствіе прирожденныхъ противуобщественныхъ влеченій, опасны уже по самой своей природѣ, тогда какъ изъ умалишенныхъ только меньшинство внушаетъ опасеніе; большинство изъ нихъ при крушеніи умственныхъ способностей сохраняетъ первоначальные нравственные устои почти безъ измѣненія, такъ что больные или совершенно не склонны наносить вредъ, или же предпочитаютъ убійству самоубійство.

V. Убійство, имѣетъ ли оно соотвѣтственный и достаточный, реальный или иллюзорный мотивъ, или нѣтъ,—всегда является слѣдствіемъ ненормальнаго состоянія индивидуальной психической дѣятельности, причемъ это состояніе можетъ быть врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ, постояннымъ или преходящимъ.

---

[130] Blanche, Homicides commis par les aliénés, p. 116.
[131] Bottex, Rapport, Ann. med. psych., 1846, I, 422.
[132] Verga, Perizia, Arch. per le malattie nervose, 1876, p. 154.
[133] Morel, Ann. med. psych., 1855, p. 11.
[134] Tamburini e Seppilli, Studio di psicopatologia criminale, Reggio, 1883, p. 67.
[135] Krafft-Ebing, Lehrb. der Psychopathologie, стр. 275, 103.
[136] Legrand du Saulle, Encéphale, 1884, I, 90.
[137] Filippi, Perizia su F. Penco, Firenze, 1885, p. 30.
[138] Maudsley, Pathologie de l'esprit. Paris 1883, стр. 359.
[139] Auzony, Délire des affections, Ann. med. psych. 1858, p. 72.
[140] Blanche et Motet, Rapport, Encéphale, 1884, p. 349.
[141] Legrand du Saulle, Les épileptiques, Paris 1878, p. 108.
[142] Filippi, Perizia su F. Penco, Firenze, 1885, p. 30.
[143] Aubanel, Ann. med. psych., 1853, p. 117.
[144] Lentz, L'alcoolisme, Bruxelles, 1884, p. 186.
[145] Berti, Pazzia e omicidio, Venezia, 1876, p. 135.
[146] Motet, Ann. med. psych., 1885, p. 267.
[147] Esquirol, Malattie mentali.
[148] Taylor, Medecine légale, Paris, 1881, p. 705.
[149] Brierre de Boismont, Rapport, Ann. med. psych., 1866, II, 50.
[150] Legrand du Saulle, Les épileptiques, стр. 52.
[151] Ann. méd. psychol, 1875, II, 156.
[152] Esquirol, op. cit., стр. 460.
[153] Briand et Chandé, Medécine légale, Paris, 1863, p. 533.
[154] Leidesdorf, Malattie mentali, Torino, 1878, p. 689.
[155] Lombroso, Misdea, Torino, 1884, p. 14.
[156] Krafft-Ebing, op. cit., стр. 285.
[157] Fontant, Rapport, Ann. med. psychol., 1879, I, 435.
[158] Baume, Quelques materiaux apportés à la médecine légale des aliénés, Ann. med. psych., 1881, II, 273.
[159] Legrand du Saulle, op. cit., p. 72.
[160] Baume, Ann. med. psych., 1881, II, 277.
[161] Trélat, Ann. med. psych., 1863, II, 197.
[162] Blanche, op. cit., p. 149.
[163] Esquirol, Malattie mentali, стр. 608.
[164] Combes, Rapport, Ann. med. psych., 1876, II, 395.
[165] Blanche, op. cit., p. 35.
[166] Legrand du Saulle, La folie devant les tribunaux, Paris, 1872, p. 427.
[167] Hospital, Ann. méd. psych., 1878, I, 366.
[168] Legrand du Saulle, Les épileptiques, Paris, 1878, p. 157.
[169] Salemi Pace, Perizia, Pisani, 1881, p. 279.
[170] Launurien, Ann. méd. psych., 1860, p. 584.
[171] Berti, Pazzia e omicidio, Venezia, 1876, p. 172.
[172] Legrand du Saulle, op. cit., p. 81.
[173] Reid, Oeuvres, t. V. p. 217.
[174] Legrand du Saulle, Rapport, Ann. méd. psych., 1877, I. 195.
[175] Tardieu, La folie, Paris, 1872, p. 173.

176) Dagonet, Rapport, Ann. méd. psych., 1867, I, 434.
177) Laffitte, Rapport, Ann. méd. psych., 1878, I, 45.
178) Delasiauve, L'épilepsie, Paris, 1854, p. 502.
179) Kraff-Ebing, Friedrich's Blätter, 1883.
180) Legrand du Saulle, La folie devant les tribumaux. Paris, 1872, p. 426.
181) Aubanel, Ann. méd. psych., 1853, p. 185
182) Brunet, Ann. méd. psych., 1869, II, 23,
183) Mordret, Ann. méd. psych., 1878, II, 373.
184) Mordret. Ann. méd. psych., 1878, I, 248.
185) Junaioli, Perizia, Riv. sperim. di freniatria, 1881.
186) Aubanel, Ann. med. psych., 1849, p. 109, 252.
187) Billod, Rapport, Ann. mèd. psych., 1865, II, 220.
188) Hospital, Ann. méd. psych., 1880, II, 68.
189) Tardieu, La folie, Paris, 1872, p. 363.
190) Legrand du Saulle, Les épileptiques, Paris, 1878, p. 80.
191) Blanche, Homicides commis par les aliénés, Paris, 1878, p. 56.
192) Combes, Ann. med. psych., стр. 561.
193) Tebaldi, Perizia, Arch. ital. per le mal. nerv., 1873, p. 212.
194) Samt, Epileptische Irreseinformen, Arch. für Psychiatrie, 1875, IV, 2 и VI, 1.
195) Blanche, Homicides commis par les aliénés, Paris, 1878, pp. 64, 79.
196) Krafft-Ebing, op. cit. p. 74.
197) Ann. méd. psych., 1848, I, 109.
198) Billod, Ann. méd. psych. 1862, p. 39.
199) Blancbe, op. cit., p. 109, 117, 135, 149.
200) Herzen, La condizione fisica della coscienza, Atti dell'Academia dei Lincei, 1878, p. 10. Idem, Le Cerveau et l'activité cérébrale, Paris, 1887, p. 221.
201) Demazy, Rapport, Ann. méd. psych., 1867, II, 485.
202) Motet, Ann. méd. psych., 1885, p. 265.
203) Puglia, Archivio di psichiatria, V, 287.
204) Maudsley, Responsabilità nelle malattie mentali., стр. 151.
205) Griesinger, Traité des maladies mentales, p. 75, 317.
206) Legrand du Saulle, Les épileptiques, стр. 93, 144.
207) Despine, Psychologie naturelle, Paris, 1868, II, 494
208) Blanche, op. cit., p. 64.
209) Ann. méd. psych. 1855, p. 291
210) Falret, Ann. d'hyg. publ., 1869, p. 222.
211) Giraud, Ann. méd. psych., 1884, I, 423.
212) Iellowlees, Journ. of. mental science, 1876.
213) Ann. méd. psych., 1870, I, 184.
214) Ann. méd. psych., 1870, I, 359.
215) Griesinger, Traité des maladies mentales, p. 309.—Esquirol, p. 381.—Marcé, p. 382, etc.
216) Legrand du Saulle, op. cit., p. 49.
217) Hospital, Rapport, Ann. méd. psych., 1880, II, 68.
218) Legrand du Saulle, Rapport, Ann. méd. psych., 1877, I, 201.
219) Leidesdorf, Malattie mentali, Torino 1878, стр. 343.
220) Payen, Ann. méd. psych., 1862, p. 46.

[221]) Brierre de Boismont, Du suicide, Paris, 1865, p. 732.
[222]) Legrand du Saulle, Ann. méd. psych., 1883, II, 303.
[223]) Filippi, Perizia, Firenze, 1875, p. 19.
[224]) Berti, Pazzia e omicidio, Venezia, 1876, p. 114.
[225]) Krafft-Ebing, op. cit., стр. 275.
[226]) Lentz, L'alcoolisme, Bruxelles, 1884, p. 189.
[227]) Blanche, op. cit., стр. 108.
[228]) Dufour, Rapport, Ann. méd. psych., 1880, I, 396.
[229]) Blanche, op. cit., p. 148.
[230]) Aubanel, Ann. méd. psych., 1859, p. 54.
[231]) Launurien, Ann. méd. psych., 1860, p. 585.
[232]) Legrand du Saulle, Du délire de persécution, Paris, 1871, p. 196.
[233]) Brugi, Arch. ital. per le mal. nerv., 1885, p. 55.
[234]) Launurien, Ann. méd. psych., 1853, p. 152.
[235]) Krafft-Ebing, op. cit., p. 105.
[236]) Despine, Psychologie naturelle, Paris, 1868, II, 77.
[237]) Toselli, Perizia in Riv. sperim. di fren. 1879, p. 1.
[238]) Payen, Ann. méd. psych., 1862, p. 50.
[239]) Legrand du Saulle, Ann. méd. psych., 1877, I, 193, 198.
[240]) Dufour, Ann. méd. psych., 1880, I, 394.
[241]) Palmerini, Perizia, Cronaca del Manicomio di Siena, 1881, p. 128.
[242]) Aubanel, Ann. méd. psych., 1849, p. 251.
[243]) Salemi Pace, Pisani, 1881, p. 278.
[244]) Bonvecchiato, Un processo scandaloso, Venezia, 1884, p. 21.
[245]) Tamburini, Rivista sperim. di fren., 1879, p. 185.
[246]) Lombroso, Misdea, Torino, 1884, p. 14.
[247]) Aubanel, Ann. méd. psychol, 1859, p. 54.
[248]) Wille, Simulated Insanity, Medico-legal Journal, New-York, decemb., 1885.
[249]) Casper, Médecine légale, Paris, 1861, I, 323, 341.
[250]) Leidesdorf, Malattie mentali, Torino, 1878, p. 685.
[251]) Marandon, Encéphale, 1882, p. 47.
[252]) Taylor, Médecine légale, Paris, 1881, p. 924.
[253]) Berti, Pazzia e omicidio, Venezia, 1876, p. 47.
[254]) Junaioli, Perizia, p. 21.
[255]) Legrand du Saulle, Le délire des persecutions, Paris, 1871, p. 198.
[256]) Tenchini, Appendice all'Uomo delinquente di Lombroso, Torino, 1878, p. 593.
[257]) Morselli e Angelucci, Riv., sperim. di fren., 1880, p. 101.
[258]) Pereira, Discussion medico-legale, Ann. méd. psych., 1845, I, 66.
[259]) Aubanel, Ann. méd. psych., 1865, II, 368.
[260]) Berti, Pazzia e omicidio, Venezia, 1876, p. 52.
[261]) Ziino, Medicina legale, Napoli, 1881, p. 206.
[262]) Livi, Archivio ital. per le mal. nerv., 1872, p. 211.
[263]) Casper, Médecine légale, Paris, 1862, I, 411.
[264]) Medici, Arch. ital. per le mel. nerv., 1870, p. 342.
[265]) Bonfigli, Riv. sperim. di fren., IV, 472.
[266]) Falret, État mental des épileptiques, Paris, 1861, p. 46.
[267]) Briand et Chandé, Médecine légale, Paris, 1863, p. 535.

268) Livi, Arch. ital. per le mal. nerv., 1872, p. 152.
269) Ann. méd. psych., 1850, p. 103.
270) Moreau, Ann. méd. psych., 1844, I, 94
271) Fontant, Ann. méd. psych., 1879, I, 435.
272) Dufour, Ann. méd. psych., 1880, I, 386.
273) Blanche, Homicides commis per les aliénés, p. 103—105.
274) Moreau, Ann. méd. psych., 1844, I, 97.
275) Briand et Chandé, Médecine légales, Paris, 1863, p. 529
276) Berti, Pazzia e omicidio, Venezia, 1876, p. 25, 28, 279.
277) Lombroso, Misdea, Torino, 1884, p. 24, 55.
278) Tamburini, Studio di psicopatologia criminale, Reggio, 1889, p. 63.
279) Filippi, Perizia, Firenze, 1885, p. 8.
280) Aguglia, Arch. di psichiatria, 1885, VI, 208.
281) Livi, Riv. sperim. di fren., 1877.
282) Legrand du Saulle, Les epileptiques.
283) Blanche, Homicides commis par les aliénés, Paris, 1878, p. 79, 96. 112.
284) Legrand du Saulle, op. cit., стр. 54.
285) Despine, Psychologie naturelle, Paris, 1868, II, 74.
286) Marandon, Ann. méd. psych., 1878, II, 118.
287) Beaume, Ann. méd. psych., 1881, II, 277.
288) Casper, Médecine légale, Paris, 1862, p. 341.
289) Brierre de Boismont, Rapport, Ann. méd. psych. 1866, II, 60.
290) Giraud, Ann. méd. psych., 1884, I, 422.
291) Filippi, Perizia, Firenze, 1885, p. 11.
292) Blanche, Homicides etc., p. 131.
293) Morel, Ann. de hyg. publ., 1869, p. 201.
294) Lombroso, Misdea, Torino, 1884, p. 89.
295) Giraud, Ann. méd. psych., 1884, p. 433.
296) Blanche, op. cit. p. 31, 85.
297) Bonvecchiato, Un processo scandaloso, Venezia, 1884, p. 12.
298) Bottex, Ann. méd. psych., 1846, p. 425.
299) Manouvrier, Ann. méd. psych., 1882, VII, 181.
300) Hospital, Ann. méd. psych., 1862, p. 124.
301) Pellereau, Médecine légale de l'île Maurice, Ann. méd. psych., 1883, I, 222.
302) Blanche, op. cit., p. 60.
303) Payen, Ann. méd. psych. 1871, I. 385.
304) Berti, op. cit., p. 132.
305) См. между прочимъ, Krafft-Ebing, Trattato di malattie mentali, Torino 1886, II. 380; Lentz, L'alcoolisme, Bruxelles, 1884,—Vétault, Étude médico-légale sur l'alcoolisme, Paris, 1888.—Baer, Der Alkoholismus, Berlin, 1878.—Wyrouboff, De l'ivrognerie en Russie, Revue positive, Paris, 1877.
306) Tardieu, La folie, Paris, 1873, p. 423.
307) Dufour, Rapport, Ann. méd. psych., 1884. I, 387.
308) Blanche, Homicides commis par les aliénés, Paris, 1878, p. 49, 132.
309) Ann. méd. psych. 1855, p. 291.
310) Casper, Médecine légale, Paris, 1862, I, 332.
311) Berti, op. cit., p. 43.
312) Maudsley, Responsabilità nelle malattie mentali, Milano 1875, p. 200.

313) Aubanel, Ann. méd. psych., 1849. p. 53.
314) Baldini, Riv. sperim. di fren. 1886, p. 337.
315) Lelli, Riv. sperim. di fren. 1879, p. 405.
316) Morselli, ibid., 1879, p. 4.
317) Giraud, Ann. méd. psych., 1848, p. 348.
318) Ann. méd. psych., 1855, p. 291.
319) Payen, Ann. méd. psych., 1857, p. 104.
320) Paradès, Ann. méd. psych., 1853, p. 453.
321) Skae, Journal of mental science, XIX, 552. — Maudsley, Pathologie de l'esprit, Paris, 1883, p. 243.
322) Giraud, Ann. méd. psych., 1854, I, 433.
323) Blanche, op. cit., p. 15, 125.
324) Blanche et Motet, Rapport, Encéphale, 1884, p. 435.
325) Casper, Médecine légale, Paris, 1862, I, 358.
326) Lombroso, Misdea, Torino, 1884, p. 87.
327) Blanche, op. cit., p. 65, 55.
328) Maudsley, Responsabilità nelle malattie mentali, p. 176, 201.
329) Biffi, Arch. ital. par le mal. nerv., 1876, p. 5.
230) Miraglia, Bollettino del manicomio Fleurent, Napoli, 1877, p. 68.
231) Palmerini, Cronaca del manicomio di Siena. 1881, p. 110.
233) Maudsley, op. cit., p. 202.

Энрико Ферри.

ФАКТЪ И ПРАВО ВЪ ВОПРОСѢ О РАЗЛУЧЕНІИ СУПРУГОВЪ ПО ДѢЙСТВУЮЩЕМУ У НАСЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ.

I.

Изъ года въ годъ на страницы нашей гражданской и уголовной хроники заносится рядъ правонарушеній и преступленій въ области «союза брачнаго» и «правъ семейственныхъ». Слѣдить за этою хроникою довольно трудно; до сихъ поръ еще она не имѣетъ своего спеціальнаго и систематическаго органа; разбросавшись «въ живописномъ безпорядкѣ» по всѣмъ безъ исключенія повременнымъ изданіямъ, и юридическимъ и неюридическимъ, она комплектуется и опредѣляется произволомъ корреспондента, вкусомъ репортера, взглядомъ редактора, а всего чаще—простымъ случаемъ. Получается нѣчто пестрое, неполное, поверхностное. Въ тѣхъ процессахъ, которые взяты темою настоящей статьи, этотъ недостатокъ особенно чувствителенъ: самое свойство ихъ требуетъ извѣстной точности въ наблюденіи, извѣстнаго единства въ освѣщеніи и не выноситъ фельетонизма—формы, наиболѣе часто выпадающей на ихъ долю. Затѣмъ, и сфера наблюденія, помимо своей случайности, съуживается обычнымъ закрытіемъ дверей для доброй половины этого рода дѣлъ.

Не такъ стоитъ дѣло на западѣ. Французская юридическая литература, напр., *съ половины прошедшаго вѣка* обладаетъ нѣсколькими спеціальными сборниками, образовавшимися послѣдовательно изъ спеціальныхъ же судебныхъ періодическихъ журналовъ, исключительно посвященныхъ хроникѣ разбираемыхъ судами дѣлъ; время отъ времени эти періодическія изданія пересматриваются, объединяются въ стройной системѣ и снабжаются толковыми указателями, не только

по извѣстнымъ общимъ рубрикамъ, но и по природѣ разрѣшаемыхъ судами юридическихъ вопросовъ. Съ подобнымъ источникомъ подъ руками, не мудрено ознакомиться всецѣло, скоро и безошибочно съ исторіею развитія, путемъ борьбы между дѣйствующимъ правомъ и вводимыми въ жизнь идеалами, колоссальнаго вопроса объ условіяхъ расторжимости брака и разлученія супруговъ, который для насъ стоитъ пока грознымъ сфинксомъ на рубежѣ трехъ великихъ областей—религіи, этики и права, сплотившихся вокругъ посильнаго рѣшенія его.

Однако, и при всей вышеобъясненной бѣдности нашихъ доморощенныхъ источниковъ въ дѣятельности судовъ по данному вопросу довольно рельефно выяснились два теченія.

Почти вслѣдъ за введеніемъ мировыхъ судебныхъ учрежденій первые въ нихъ дѣятели оказались (въ провинціи особенно) осажденными массою дѣлъ, прямо или косвенно возникавшихъ изъ брачныхъ правовыхъ отношеній въ крестьянской и мѣщанской средѣ. Какимъ то непостижимымъ инстинктомъ (иной причины рѣшительно не существовало) уразумѣвъ свои человѣческія права предъ лицомъ новоявленнаго «праваго и милостиваго» судьи, избитыя и искалѣченныя жены, и старыя и молодыя, ринулись въ только что открытыя камеры мировыхъ судей съ жалобами на своихъ мужей; отголоски «бабьихъ стоновъ», огласившихъ эти камеры, нашли себѣ мѣсто и на страницахъ «Юридическаго Вѣстника» въ превосходномъ, полномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи г. Лудмера. Мужья были чистосеречно удивлены, въ первый разъ услышавъ отъ мироваго, что «бабъ нонѣ бить уже нельзя». Огромный процентъ вчинаемыхъ такими «стонами» дѣлъ заканчивался миролюбивымъ соглашеніемъ: мужъ освѣдомленный ограниченіемъ своей бичующей власти, давалъ подписку не бить жену, а послѣдняя отказывалась отъ своего «права» на отдѣльный видъ или, наоборотъ, мужъ соглашался на выдачу отдѣльнаго вида, а жена освобождала его отъ присужденнаго наказанія. Тамъ, гдѣ миръ не достигался, выдавался этотъ «отдѣльный видъ» уже по судебному рѣшенію. Такъ обстояло дѣло до кассаціоннаго сенатскаго разъясненія, наложившаго veto на подобные приговоры суда. Но какъ бы то ни было, былъ констатированъ практикою фактъ громаднаго юридически-бытоваго значенія: *избіенія женъ почти прекратились безъ всякаго протеста или реванша со стороны ограниченныхъ въ своей власти мужей.* Въ этомъ фактѣ намъ привелось быть и дѣятелемъ и свидѣтелемъ.

Кассаціонное разъясненіе сдѣлалось переломомъ эпохи этого перваго теченія, давъ мѣсто другому — совершенно иного уже порядка.

Въ немъ наша судебно - уголовная хроника, за послѣднее время въ особенности, намѣтила, и также не менѣе рельефно, два параллельныхъ развѣтвленія: насильственное закрѣпленіе брачнаго союза тамъ, гдѣ онъ, естественно разрываясь вопіющими преступленіями, оказывался канонически и юридически непогрѣшимымъ, и, наоборотъ, расторженіе этого союза тамъ, гдѣ онъ, вполнѣ отвѣчая идеалу семейной добродѣтели, грѣшилъ формальностями своего заключенія. Нѣсколько характерныхъ процессовъ и той и другой категоріи, попавъ въ печать, прошли предъ глазами внимательныхъ читателей. Эти процессы особенно замѣчательны своею вопіющею параллелью: въ нихъ съ двухъ противоположныхъ полюсовъ вопроса - сфинкса билась жизнь въ своей предсмертной агоніи, сдавленная вѣковыми фикціями двухъ отвлеченныхъ нормъ. Закрѣпленіе въ первомъ случаѣ и расторженіе во второмъ провозглашалось судами во имя религіи и закона; а потому естественно возникало сомнѣніе — не призваны ли имена эти всуе?

Въ этомъ *сомнѣніи* — великая заслуга этихъ процессовъ: они поставили вопросъ ясно, ребромъ, разоблачили всю живую суть его и вскрыли подъ этими регулировавшими его рѣшеніе монументальными фикціями безпредѣльную область сплошной муки и безъисходнаго страданія; они должны расшевелить и самаго холоднаго наблюдателя.

II.

Слишкомъ многосторопенъ, безспорно, этотъ вопросъ сфинксъ, чтобы современное человѣчество могло сознать и порѣшить его *во всемъ объемѣ* затрогиваемыхъ имъ до крайности сложныхъ и чувствительныхъ сферъ; но въ этомъ еще далеко не причина для пассивнаго къ нему равнодушія, или для мнительнаго безсилія въ частичныхъ исправленіяхъ, то и дѣло подсказываемыхъ самою жизнію и требующихся безотложно. Эти жизнію указываемыя частичныя исправленія не могутъ ли послѣдовать и безъ всякаго колебанія воплощаемой догматикою идеи нерасторжимости брака, однажды благословленнаго церковью? Позволительно ли при этомъ смѣшивать двѣ совершенно различныя формы подобнаго воплощенія: принудительное сожительство во что бы то ни стало, и идейную нерасторжимость брака, какъ таинства? Пусть послѣдняя остается неприкосновенною, пусть первая попытка семейнаго благополучія будетъ и послѣднею, но пусть прекратятся тѣ повседневныя, повсечасныя и физическія и нравственныя

муки, истязанія и неволя, въ которыхъ томится пожизненная жертва своей, или чужой вольной ошибки, и на которыя ни одна церковь въ мірѣ не дастъ своего благословленія, если только она вѣрна завѣту того, кто училъ о любви къ ближнему паче себя, кто утолялъ человѣческія страданія, чье иго было сладко, и бремя легко... можетъ ли подобный «брачный союзъ», выродившись въ сплошное преступленіе, пользоваться и покровительствомъ закона положительнаго? Практика давно порѣшила эти вопросы,—безпорядочно, произвольно, частично, но порѣшила, и это—*фактъ*, съ которымъ невозможно не считаться. Люди, обладающіе большими денежными средствами, избавляются отъ бѣды консисторіями и «свидѣтелями»; въ исключительныхъ обстоятельствахъ высшая администрація выдаетъ «виды на отдѣльное жительство», наконецъ, съ согласія сторонъ бракъ расторгается фактически, и ни церковь, ни государство такому согласію, если оно не скрѣплено актомъ или обязательствомъ никогда не мѣшаютъ. Но за всѣми этими исключительными случаями стоитъ масса *точно такихъ же*, для которыхъ доступное избраннымъ избавленіе отъ бѣды оказывается физически невозможнымъ. Жертвы ихъ ищутъ защиты въ «равномъ для всѣхъ и каждаго» законѣ, и не находятъ ея! Отчего?—только оттого, что у однихъ нѣтъ большихъ денежныхъ средствъ, другія не обрѣтаются «въ исключительныхъ обстоятельствахъ», а третьи безсильны сломить капризъ своего мучителя, или купить у него свою свободу: мужья первой эпохи мироваго суда давали вышеупомянутыя подписки и соблюдали ихъ *лишь въ виду открытой перспективы «отдѣльнаго вида» для жены*. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи о ломкѣ законоположеній, или нарушеніи догматовъ, потому что дѣло идетъ только о распространеніи *существующей* защиты на всѣхъ, въ ней *одинаково* нуждаюдающихся.

«Супруги *обязаны* жить вмѣстѣ» (103 ст. X т. св. зак.), *но обязаны потому только*, что «мужъ *обязанъ* любить свою жену, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи» (ст. 106). «*Всѣ* обязанности, безусловно возложенныя на мужа и жену, *неразрывно связаны* съ такою же безусловною обязанностью супруговъ жить вмѣстѣ»—такъ толкуетъ эту последнюю статью кассаціонное рѣшеніе сената по дѣлу Вагнеръ (1868 г., № 461). Но вотъ обрывается эта «неразрывная связь», вмѣсто «любви», «согласія», «уваженія», «защиты» и т. д. водворяется такъ называемый «семейный адъ»—и что же? Обязанность совмѣстнаго жительства всетаки должна продолжаться? Ни приведенный законъ, ни при-

веденное истолкованіе его, не рѣшаютъ, очевидно, этого вопроса въ положительномъ смыслѣ; *вѣрнымъ имъ можетъ оказаться только отвѣтъ отрицательный;* не предусмотрѣнъ, не указанъ, слѣдовательно, лишь выходъ изъ этой коллизіи. Но отсюда произвольно будетъ утверждать, что выходъ такой *запрещенъ*. Его и нашла себѣ житейская, обычаемъ освященная и властями терпимая практика, гдѣ и какъ — мы только что указали выше. Но бѣда въ томъ, что эта житейская практика, невольно уступая тщетно «гонимой природѣ», ввела ее не въ широкую для каждаго открытую «дверь», а въ узкое «окно», — создалось, однимъ словомъ, такое положеніе вещей, при которомъ оказывается настоятельно необходимымъ нормировать эту не всѣмъ, Богъ вѣдаетъ почему, доступную область дальнѣйшими законоположеніями въ смыслѣ того положительнаго отвѣта, который несомнѣнно обусловленъ существующими и ими очень прозрачно подсказанъ.

И въ интересахъ религіи и въ неразрывно съ ними связанныхъ интересахъ общественной этики гораздо безопаснѣе узаконить *для всѣхъ* то, что молчаливымъ, но *гласнымъ и открытымъ* согласіемъ допускается *для нѣкоторыхъ*, и что, кромѣ того, въ сущности, не стоитъ въ противорѣчіи ни съ той, ни съ другой. Такое рѣшеніе вопроса, само собою разумѣется, далеко не всеобъемлющее, принципіальное, но за то имѣющее для себя готовую практическую почву,— слѣдовательно, осторожное и удобопріемлемое, не шокирующее религіознаго массоваго воззрѣнія, не колеблющее существующаго закона, а лишь органически восполняющее недомолвку въ данной редакціи его. Оно, положимъ, не истребитъ зла въ корнѣ, но сократитъ его размѣры, дастъ хотя какую либо возможность борьбы съ нимъ и успокоитъ много человѣческихъ существованій, водворяя сколько нибудь сносный modus vivendi тамъ, гдѣ теперь наблюдается одинъ сплошной безъисходный «семейный адъ», самовольно и самовластно зиждущійся на омертвѣвшихъ въ неподвижномъ параличѣ нормахъ нашего состарѣвшагося, частью разрушеннаго, частью пока скрипящаго и пересматриваемаго X тома.

Эти нормы, позабытыя и обойденныя жизнію, по отношенію къ брачному праву представляютъ какую-то странную смѣсь духовнаго элемента «святости брака» съ самыми грубыми потребностями животной природы человѣка. Нерасторжимость этой «святости» поставлена въ прямую и непосредственную зависимость отъ проявленій половой сферы одного изъ супруговъ: неспособность отправлять ее функціи, физическая или случайная (ссылка и безвѣстное отсут-

ствіе), и нарушеніе супружеской ихъ монополіи разрушаютъ эту «святость» съ момента констатированнаго нарушенія. Между тѣмъ, пожизненное поруганіе и терзаніе души человѣческой, сплошныя мученія и истязанія тѣла не колеблятъ «святаго союза», а пользуются и прикрываются его защитой. И это *тогда*, когда на сосѣдней фабрикѣ, напр., «рабочему предоставляется требовать расторженія договора» въ случаѣ единичнаго «малѣйшаго посягательства хозяина, его семействъ, или лицъ, коимъ ввѣренъ надзоръ за рабочими», на его личную и тѣлесную неприкосновенность (см. 21 ст. закон. о найм. раб. на фаб. и зав.); въ крестьянскомъ же семейномъ обиходѣ, гдѣ подобныя неистовства всего болѣе свирѣпствуютъ, заключеніе брака, главнымъ образомъ, мотивируется потребностью заручиться именно такою «рабочею силою». Одна грозящая возможность лишиться этой рабочей силы вслѣдствіе безчеловѣчнаго съ нею обращенія непремѣнно, какъ это было доказано опытомъ, остановитъ для многихъ и очень многихъ всякую попытку къ нарушенію ея человѣческихъ правъ. Пусть только то, что фактически дѣлается администраціею, терпится и молчаливо разрѣшается закономъ для немногихъ,—дѣлается легально судомъ для всѣхъ, въ одномъ и томъ же положеніи обрѣтающихся.

Противъ законности и настоятельности такого вторженія судебной власти въ сферу семейственную и самые ярые фанатики «неприкосновенности домашняго очага» не въ состояніи представить сколько нибудь основательныхъ возраженій. Прежде всего подобное вторженіе будетъ отвѣчать лишь призыву страдающей стороны; а разъ является жертва посторонней эксплоатаціи, безсильная вырваться изъ оковъ ея, законъ, а за нимъ судъ, обязаны идти къ ней на помощь, въ какой бы обстановкѣ, въ какихъ бы условіяхъ ни проявлялась эта эксплоатація. Затѣмъ современная практика то и дѣло даетъ примѣры подобнаго вторженія то административной, то судебной власти,—вторженія, вызываемаго нерѣдко не мученіями, отъ которыхъ каждое живое существо по неволѣ ищетъ спасенія, а совершенно иными и болѣе сносными причинами. Судебная власть вторгается для закрѣпленія несчастнаго брака и для разрушенія счастливаго—она не виновата въ томъ, она пока не можетъ поступать иначе; но тѣмъ не менѣе значеніе подобнаго вторженія не нуждается въ объясненіяхъ, его разрушительное стремленіе безспорно, его гибельныя послѣдствія именно для святости семейнаго начала внѣ всякаго сомнѣнія, а о разбиваемыхъ имъ существованіяхъ и говорить нечего. Почему же не дать мѣсто такому вторженію того же суда, которое, не колебля ни одного изъ началъ, традиціонно фигурирующихъ въ брачномъ со-

юзѣ, устраняетъ въ немъ лишь то, что діаметрально противоположно церковью и закономъ установленной природѣ его, что кощунственно оскорбляетъ святость его и что въ корнѣ подрываетъ идейную нерасторжимость его?

Подобное вторженіе, и именно свѣтской судебной власти, въ сферу освящаемыхъ церковью брачныхъ отношеній представляется до того естественнымъ, что мы находимъ его въ исторіи существующимъ и очень авторитетнымъ даже въ тѣ эпохи, когда, съ одной стороны, ему противились интересы церковнаго владычества, а съ другой—принципы личной свободы, «правъ человѣка». Такъ во Франціи въ половинѣ XVIII столѣтія, когда господство церкви до того преобладало въ государственномъ строѣ, что въ *свѣтскихъ* судахъ, въ высшей ихъ парламентской инстанціи составъ трибунала на половину включалъ въ себя представителей *духовной* власти, мы видимъ прокурорскій надзоръ снабженнымъ особыми полномочіями въ сферѣ брачныхъ и семейственныхъ правовыхъ отношеній: обиженная сторона обращалась къ его содѣйствію; прокуроръ обязывался испытать всѣ средства уладить дѣла обоюднымъ миролюбивымъ соглашеніемъ, а при неуспѣхѣ въ томъ вносилъ дѣло въ судъ отъ своего имени, «во всемъ заступая истца, чтобы не шокировать понятное чувство женской стыдливости, или избѣжать щекотливыхъ разоблаченій, тяжелыхъ для репутаціи семьи», какъ значилось въ мотивахъ къ усвоенному тогдашними судами порядку разсмотрѣнія бракоразводныхъ и семейныхъ дѣлъ не иначе, какъ по иниціативѣ прокурорскаго надзора и при дѣятельномъ его участіи какъ «представителя государственнаго закона и общественной нравственности». Въ концѣ XVIII столѣтія, когда мѣсто церковнаго авторитета заняли идеи личной свободы и «правъ человѣка», это вмѣшательство тѣмъ не менѣе продолжалось: «суды такимъ путемъ, значилось въ тѣхъ же мотивахъ, получали изъ семейныхъ дѣлъ только такія, въ которыхъ примирительныя попытки не достигали своей цѣли, а при томъ получали ихъ въ очищенномъ, такъ сказать, видѣ отъ опасной для судейскаго безпристрастія личной, или страстной окраски, неразлучной съ веденіемъ процесса самими сторонами». Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ, что какъ церковный авторитетъ, въ католичествѣ чрезвычайно щекотливый и неподатливый, такъ и свободолюбивые принципы, достигавшіе своего апогея, одинаково мирились съ неизбѣжностью подобнаго вторженія и одинаково признавали его компетенцію въ той именно формѣ, въ которой она проявлялась въ эпоху борьбы *двухъ сразу противуположныхъ ей началъ*.

Если эта борьба не коснулась сущности явленія, то потому, что вторженіе это было вмѣстѣ съ тѣмъ и *защитою*. Въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ каждое лицо пользуется правомъ защиты отъ злодѣяній другаго; вредные члены общества удаляются изъ его среды по суду, или по приговорамъ обществъ, избавляющихся такимъ путемъ отъ причиняемыхъ имъ страданій, получающихъ возможность спокойнаго и безопаснаго существованія. Этимъ всеобщимъ правомъ не пользуется у насъ одна лишь терзаемая мужемъ жена. Для нея брачный союзъ приравнивается ограниченію правъ, налагаемому только на виновныхъ и только за вину; хуже того—она объявляется внѣ закона, къ ней приставляется пожизненный мучитель съ пожизненнымъ правомъ мучить ее,—положеніе, въ которомъ не находились даже тягчайшіе изъ преступниковъ древняго міра; объявленные внѣ закона, они могли на случай опасности укрываться въ храмахъ; для терзаемой жены нѣтъ и такого храма: мужъ при содѣйствіи власти найдетъ ее и тамъ и получитъ обратно.

Какъ хотите, подобное безправное положеніе является диссонансомъ въ современномъ законодательствѣ и грѣхомъ на христіанскомъ обществѣ.

III.

Законы, возразятъ намъ, ограждаютъ и жену наказаніями мужа за жестокое съ нею обращеніе. Да, но только во мнѣніи тѣхъ, кому не приходилось во очію примѣнять ихъ на дѣлѣ. Эти очень хорошо знаютъ, что такое «огражденіе» не болѣе, какъ фикція, не способная успокоить даже дремлющую совѣсть. Пока неистовствующій мужъ не «учинилъ дѣянія», лишающаго его всѣхъ правъ состоянія, жертва его въ лучшемъ случаѣ можетъ пользоваться лишь кратковременнымъ отдыхомъ, послѣ котораго обыкновенно сугубо расплачивается за это: озлобленный и развращенный тюрьмою мужъ сторицею вымещаетъ на ней же свое наказаніе. Сколько женъ, узнавъ отъ судьи, что мужъ рано или поздно воротится домой, берутъ назадъ свои жалобы, и сколько женъ, этотъ порядокъ однажды извѣдавшихъ, предпочитаютъ страдать молча!.. Возможность того, или инаго возвращенія непокаявшагося и неисправленнаго преступника въ среду, его исторгнувшую, парализуетъ естественное чувство самозащиты. Конокрадъ, поджигатель, воръ держатъ нерѣдко въ кабалѣ цѣлую округу, цѣлый районъ своей дѣятельности, замыкаютъ уста смѣлѣйшему свидѣтелю, вынуждаютъ пострадавшаго таить свое горе, взимаютъ стра-

ховой сборъ или получаютъ выкупъ. Если цѣлыя *общества* могутъ находиться въ такой терроризаціи, то что же можно сказать о частной, робкой и уже забитой единичной инціативѣ женщины—рабы?...

Безсильный въ своей репрессіи, уголовный законъ въ данномъ случаѣ безсиленъ и въ квалификаціи, вмѣняющей дѣяніе. Недостатокъ этотъ обусловливается не кодификаціонными несовершенствами свода, а бытовыми особенности своеобразной среды, противостоящими его воздѣйствію. Никакой уголовный кодексъ не въ состояніи отразить въ себѣ всю ту, нерѣдко разнообразную до виртуозности сферу мученій, какую приходится терпѣть женѣ-работницѣ подъ кровомъ брачнаго союза—договора. Еще благодаря сенатскому толкованію, расширившему область «жестокаго обращенія» включеніемъ въ нее дѣяній, въ отдѣльности сносныхъ, но въ своей длящейся совокупности нестерпимыхъ, судъ оказался нѣсколько свободнѣе въ вмѣняемости этого преступленія; но по отношенію къ данному вопросу это толкованіе должно идти еще далѣе: субъективность положенія жертвы, ея сравнительная слабость, правовое и обычное всеоружіе ея мучителя, не случайнаго, а постояннаго и неразлучнаго, и т. п. осложненія далеко выдвигаютъ содержанія понятія о жестокомъ обращеніи между супругами за предѣлы общей сферы этого преступленія,—гораздо дальше, чѣмъ стремится къ тому кодексъ, увеличивая вину подсудимыхъ данной категоріи, и за этими предѣлами всегда останется масса ненаказуемыхъ, съ перваго взгляда мелочныхъ, но способныхъ отравить и убить жизнь свою неумолимою, безъисходною непрерываемостью дѣйствій, и не физическихъ только, но и моральныхъ: жестоко ошибаются тѣ, кто думаютъ, что нервная воспріимчивость къ нравственнымъ впечатлѣніямъ подавлена въ данной средѣ грубостью натуры, нечувствительностью, неразвитымъ самосознаніемъ, привычкою, наконецъ. Далеко не то наблюдается на дѣлѣ. Мы знаемъ нѣсколько самоубійствъ, вызванныхъ однимъ лишь неосновательнымъ подозрѣніемъ въ позорящемъ поступкѣ, и массу случаевъ, въ которыхъ одно сгоряча брошенное слово приводило оскорбленную въ отчаяніе, язвило ея самолюбіе болѣе любой физической раны, а суровый, нахмуренный взглядъ, въ которомъ ни разу не мелькнула для нея искорка любви, или состраданія, и злобно сомкнутыя уста, не знавшія «ласковаго слова», вызывали самыя горькія жалобы — «ужъ лучше бы онъ побилъ меня!»... Полноправный властелинъ-мужъ можетъ язвить свою подкабальную жену поминутными попреками, «помыкать, какъ собакою», осыпать бранью и побоями, томить работою, однимъ словомъ—продѣлывать надъ «подругою жизни» безот-

вѣтственно все то, за что по отношенію къ послѣднему изъ батраковъ своихъ онъ поплатится или наказаніемъ или расторженіемъ договора.

Сокрушить этотъ «семейный адъ» не въ силахъ уголовная репрессія; тутъ возможно лишь одно спасеніе жертвы—устраненіемъ ея мучителя, или угрозою именно этого исхода. Далеко не всѣ, конечно, раздѣляютъ только что высказанное убѣжденіе: густое, еле проницаемое для посторонняго ока покрывало окутываетъ со всѣхъ сторонъ то, что творится въ этомъ аду. Споконъ вѣковъ основался онъ въ *«темномъ* царствѣ», не способномъ ни сознать его, ни изгнать изъ среды своей; мужская половина этого царства твердо вѣритъ въ непререкаемость права «учить свою жену;» а потому затыкаются уши, какъ только раздается жалобный вопль ея, отворачиваются очи, какъ только мелькнетъ передъ ними занесенный надъ ея головою кулакъ; въ это «домашнее дѣло» никому «встрѣвать не охота», потому что точно такое же «домашнее дѣло» имѣется у каждаго свое, а кто, сердобольный, и вздумаетъ сунуться въ чужое, тотъ за это «здорово поплатится» самъ. Только передъ лицами, причастными судебному дѣлу, разверзается по временамъ это покрывало, но и то передъ тѣми только, кто, кромѣ полагающагося по 119 ст. «внутренняго убѣжденія совѣсти», обладаетъ и сердцемъ, отзывчивымъ къ чужому горю. Тѣ знаютъ, что такое творится въ этому аду, отчего творится и какъ творится; зная это, они обязаны говорить о томъ, говорить, пока наконецъ не услышится голосъ ихъ. Темное же царство будетъ молчать.

Его понятія о личной и тѣлесной неприкосновенности, воспитанныя не вымершими еще крѣпостными преданіями, дики и своеобразны до чрезвычайныхъ размѣровъ, граничащихъ съ полнѣйшею безчувственностью. Эти понятія очень наглядно выясняются въ вердиктахъ провинціальныхъ присяжныхъ, поголовно изъ крестьянъ. безъ всякой посторонней интеллигентной примѣси. Безпощадность къ потерпѣвшему, къ потерпѣвшей и того больше, поистинѣ изумительна. Изъ прошлой своей практики мы помнимъ, напримѣръ, такое обвиненіе на судѣ: разсвирѣпѣлый мужъ разбилъ женѣ топоромъ голову, разбилъ въ дребезги; несчастная черезъ нѣсколько часовъ умерла въ ужаснѣйшихъ мукахъ; врачи въ своемъ заключеніи уподобили эту голову «мѣшку, наполненному осколками костей;» присяжные (поголовно изъ крестьянъ) констатировали легкіе побои безъ сознанія посягательства на жизнь съ непредвидимымъ смертельнымъ исходомъ!... «Остались дѣти, дворъ, надѣлъ—имъ нуженъ домохозяинъ, иначе семья

ляжетъ на мірскую шею, а покойницу не вернуть» — вотъ мотивъ. О болѣе невинныхъ инцидентахъ и говорить нечего. Тотъ же самый составъ, неумолимый, напр., въ возмездіи за кражу (отъ вора *всѣ* страдаютъ), круто повертывается въ другую сторону, разъ идетъ дѣло о женѣ, побитой мужемъ. Этому мужу не надобенъ и защитникъ—онъ сидитъ, готовый, въ каждой изъ 12 рѣшающихъ головъ.

IV.

Разъ только дрогнуло и отступило это темное царство, когда со введеніемъ новаго суда, внезапно въ безмолвіи трущобъ его разнесся громкій и дружный окрикъ «руки прочь!»... но позабыто теперь и время это.

Почти мгновенно разлившійся тогда въ этой темнотѣ свѣтъ, «аки молнія въ нощи», открылъ передъ нами громадную, невиданную и неожиданную перспективу, въ своихъ типическихъ очертаніяхъ до сихъ поръ намъ хорошо памятную. Эти очертанія воспроизводятъ фактическую сторону спорнаго вопроса, взятаго темой настоящей статьи, а потому будетъ нелишнимъ подѣлиться ими съ читателемъ:

Пьяница мужъ тащитъ изъ дому все, что успѣла припасти заботливая жена; не рѣдко онъ срываетъ обтрепанную кацавейку, подъ которою дрожитъ въ нетопленной горницѣ больной и испуганный ребенокъ, и уноситъ ее въ кабакъ. Жена, естественно, вступается: и вотъ начинается избіеніе. Трезвый онъ бьетъ жену за то, что та коритъ его, не даетъ денегъ или вещей для того, чтобы напиться; пьяный бьетъ уже безъ всякаго повода, бьетъ до тѣхъ поръ, пока, обезсиленный, не завалится гдѣ нибудь спать на полу. Проснется утромъ, надо опохмѣляться, и опять таже каторга. Сегодня, какъ вчера, завтра—какъ сегодня, и такъ всю жизнь. Жертва, разумѣется, часто оказывается съ проломленной головой, выбитымъ глазомъ, или вывихнутой рукой, случается выкидышъ и т. п. Вступаетъ въ дѣло власть; за время слѣдствія раны подживаютъ, поврежденія залѣчиваются, виновный отдѣлывается краткосрочнымъ заключеніемъ, или арестомъ, возвращается домой, и опять начинается та же прежняя, безъисходная, безпросвѣтная, пожизненная каторга, пока измученную жертву не снесутъ на погостъ. Еслибъ и строже было наказаніе, страхъ не сдерживаетъ этого вѣчнаго палача: казни свои онъ совершаетъ всегда въ раздраженіи, «осатанѣлый», или пьяный, съ подавленнымъ самосознаніемъ, безъ заботы о завтрашнемъ днѣ.

Нерѣдко послѣ всевозможныхъ истязаній мужъ изгоняетъ жену

изъ дому, ночью, въ морозъ, въ непогоду—все равно. Ни родственники, ни сосѣди не рѣшаются пріютить у себя измѣнницу, боясь мести мужа. Послѣдній, не выдавая женѣ паспорта, лишаетъ ее и возможности поступить на мѣсто. И вотъ, усталая, избитая, голодная, иззябшая, она кое какъ дотащится до мироваго—«дѣвайте меня, куда знаете, идти дальше я не могу, да и некуда»... Мировому остается или дать ей убѣжище у себя, или гнать силою; водворить къ мужу *«на основаніи 103 ст.»* нельзя: какъ только сотскій «сдастъ» ее ему на руки, онъ тотчасъ же опять выгонитъ ее, или опять примется за истязанія...

Затѣмъ, чуть не каждый мировой судья можетъ припомнить изъ обширной коллекціи своихъ дѣлъ о буйствѣ и нарушеніи тишины случаи, въ которыхъ эта 103 ст., не уязвляющая мужа, оказывается крайне уязвляющею для жены. Вооруженный ею, онъ заставляетъ трепетать предъ своею властью не только жену, но и цѣлый домъ, цѣлое семейство людей, ни ихъ «брачному союзу», ни этой, яко бы его охраняющей статьѣ уже совершенно непричастныхъ. Нянькой у ребенка, прислугой у больной, экономкой при хозяйствѣ живетъ, напр., особа, имѣющая гдѣ-то мужа. И ребенокъ, и больная до того привыкли къ ней и привязались, что она стала для нихъ необходимостью; весь домъ держится ею, хозяева заняты, или непрактичны—безъ нея все пойдетъ вверхъ дномъ,—однимъ словомъ это не прислуга, а другъ и благодѣтель. Мужъ давнымъ давно бросилъ ее, превосходно утѣшается въ разлукѣ, живетъ въ свое удовольствіе, какъ говорится; но часто оказывается въ необходимости поддерживать это удовольствіе всѣми и всякими сподручными способами. И вотъ, пропившись, онъ вспоминаетъ про жену, является въ домъ, гдѣ та служитъ, требуетъ къ себѣ, встрѣчаетъ, разумѣется, всеобщій отказъ и грозитъ не возобновлять женинъ паспортъ, срокъ которому уже на исходѣ. Предлагаются всевозможные компромиссы; чтобъ удержать необходимую имъ жену, дѣйствительно прекрасную женщину, хозяева готовы дать мѣсто и мужу. Но это оказывается невозможнымъ: онъ самъ вовсе не желаетъ этого, вовсе не стремится возстановить сожительство,—онъ первый выгонитъ жену отъ себя, если та, потерявъ мѣсто, или здоровье, вздумаетъ искать себѣ законнаго пріюта у мужа: вся его цѣль — сорвать какъ можно больше денегъ, такъ наз. «отступнаго» и съ жены, и съ хозяевъ; а потому, водворившись въ домѣ, онъ съ перваго же дня напивается «до положенія ризъ», буянитъ, бросается на людей съ ножемъ, наполняетъ весь домъ ужасомъ, хозяева не спятъ по ночамъ, баррикадируютъ двери,

дѣти плачутъ по избитой нянькѣ, больная охаетъ безъ сидѣлки, семья остается безъ обѣда, если объектъ 103 ст. состоитъ кухаркой и т. д. и т. д. Весь домъ, однимъ словомъ, оказывается въ плѣну у буяна и въ концѣ концовъ уплачиваетъ полагающейся ему по сей статьѣ оброкъ. Такія нашествія повторяются изъ года въ годъ, если этотъ оброкъ выплачивается съ недоимками или съ пропускомъ назначенныхъ сроковъ.

Во множествѣ процессовъ, собранныхъ здѣсь въ своихъ типическихъ очертаніяхъ, связующимъ звеномъ той цѣпи, которая подъ чуждымъ ей символомъ брачнагό вѣнца возлагается на невѣсту, является народное воззрѣніе крестьянина на жену, не какъ на «подругу жизни», а какъ на работницу, которая должна или отбывать «барщину», или «ходить по оброку». Къ этому народному воззрѣнію привходитъ и выработанная обычаемъ доктрина, низводящая преступленіе въ необходимое для домашняго обихода орудіе. «Жена должна ходить въ струнѣ, иначе въ домѣ порядка не будетъ». Сознательность преступности притупляется воспитательными началами деревни: съ ранняго дѣтства будущій «измыватель» ежедневно созерцаетъ, какъ пьяный родитель «учитъ» мать; вступая въ бракъ, онъ прежде всего и еще въ церкви слышитъ «жена да боится мужа»,—изреченіе, которое изъ всего свадебнаго ритуала крѣпче всего прочаго западаетъ въ голову, санкціонируя видѣнные примѣры и разрѣшая ихъ будущее подражаніе. Предпринимаемое въ началѣ по принципу, входитъ мало по малу въ привычку; наконецъ дѣлается уже потребностью: имѣя надъ собою разнообразныхъ «распорядителей судебъ», очень чувствительно проявляющихъ свою власть, «измыватель» терпѣливо все это воспринимаетъ, заряжается, такъ сказать, злобой, которую надо куда нибудь и изливать; подвластнымъ существомъ оказывается жена, она всегда подъ руками, всегда на глазахъ, всегда чѣмъ нибудь виновата, а потому и предназначается удобнѣйшимъ вмѣстилищемъ для воспринятія накопленной во внѣ злобы—воспринятія, превращающаго цвѣтущую дѣвушку на пятый или шестой годъ замужества въ разбитую и немощную старуху. Итакъ, за спиною видимаго мучителя стоитъ цѣлая фаланга мучителей невидимыхъ, безличныхъ очень часто, и весь итогъ этого преемственнаго давленія всею тяжестью своею обрушивается на неповинную женину голову, искупляющую всѣ эти чужія вины. Продуктомъ ихъ является, конечно, и самъ видимый мучитель, и въ этомъ отношеніи онъ до извѣстной степени не виноватъ, такъ какъ очень возможно, что безъ этихъ невидимыхъ сообщниковъ онъ и перестанетъ мучить. Образо-

ваніе, экономическія улучшенія, смягченіе нравовъ и т. п. блага до извѣстной степени сократятъ теперешнее раздолье, но каково ждать этой помощи, то мерцающей, то гаснущей гдѣ-то вдали, тому существу, которое расплачивается и будетъ расплачиваться за все и за всѣхъ своею собственною шкурой!... Въ сферѣ же семейнаго благополучія даже и эти блага, какъ извѣстно, очень и очень часто не даютъ ожидаемой помощи...

Гдѣ же найти средство обуздать или исправить мучителя и спасти жертву?

Оно найдется, какъ только онъ перестанетъ вѣрить въ свою надъ нею, то законную, то фактическую, полноправность, въ свою полнѣйшую безнаказанность, въ невозможность лишиться работницы, или оброка, ею добываемаго. Мы видѣли, что разъ онъ уже переставалъ вѣрить въ это и легко исправлялся.

V.

Изложивъ фактическую сторону вопроса, обратимся теперь къ его правовой сферѣ и разсмотримъ, насколько это *практикою одобренное* средство представляется *легальнымъ* съ точки зрѣнія гражданскихъ законоположеній, опредѣляющихъ существо брачнаго союза.

Юридическими авторитетами всѣхъ оттѣнковъ и направленій одинаково констатируется безсиліе государственной власти *принудить* супруговъ къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ этими законоположеніями обязанностей съ цѣлью водворить миръ и согласіе въ брачномъ союзѣ, однажды ихъ утратившемъ, такъ какъ для достиженія одного лишь внѣшняго его декорума требуется непрерывность наблюденія съ постояннымъ вмѣшательствомъ въ домашнюю и семейную сферу. Безсиліе это, наконецъ, признано и кассаціоннымъ толкованіемъ: въ рѣшеніи сената 1872 г., № 407, разъяснено, что «мужа, отказывающагося принять жену къ себѣ на жительство, *нѣтъ возможности принудить къ исполненію 103 ст. X т. 1 ч.*», а есть только возможность «присудить ей содержаніе въ мѣрѣ, соотвѣтствующей его средствамъ». Изъ приведенныхъ выше случаевъ, а случаи эти—*типическіе*, очевидно, что эта статья, давая поводъ къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ супружескими правами, лишена всякаго практическаго значенія, какъ охрана идеальной неразлучности супруговъ; но и внѣ этихъ случаевъ, 103 ст. остается столь же безцѣльною: супруги, ненавидящіе другъ друга, зачастую «живутъ вмѣстѣ» подъ одною кровлей, но «на разныхъ половинахъ», годами

не видаются, не скрываясь прелюбодѣйствуютъ, и, наоборотъ, жизнь знаетъ массу физически-разлученныхъ по жительству супруговъ, лишь изрѣдка видающихся, но боготворящихъ другъ друга, другъ другу вѣрныхъ и другъ о другѣ горячо заботящихся. Такимъ образомъ христіанскій идеалъ брака вовсе не стоитъ въ зависимости отъ узаконяемаго «совмѣстнаго жительства», которое можетъ фактически не существовать, нисколько не колебля значенія этого идеала въ самомъ реальномъ значеніи его воплощенія.

Затѣмъ самъ законъ въ его исполненіи, въ одобренномъ имъ обычаѣ то и дѣло требуетъ, или допускаетъ нарушеніе этой введенной въ него продолженіемъ 1863 г. 103 статьи:

«Супруги обязаны жить вмѣстѣ, посему 1) строго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ; 2) при переселеніи, при поступленіи на службу или при иной перемѣнѣ постояннаго мѣста жительства мужа жена должна слѣдовать за нимъ»... Мужъ призывается къ исполненію воинской повинности, «поступаетъ на службу», идетъ въ походъ. Какъ исполнитъ онъ возложенную на него закономъ обязанность совмѣстнаго жительства? Не окажется ли журналъ воинскаго присутствія о зачисленіи его на службу актомъ воспрещеннымъ, какъ клонящимся къ самовольному разлученію супруговъ? Волостной старшина на основаніи положенія о крестьянахъ отдаетъ женатаго недоимщика въ сторонніе заработки, жена остается въ деревнѣ, и что же—будетъ ли приказъ старшины, разлучающій супруговъ, такимъ строго воспрещеннымъ актомъ? Рабочій поступаетъ на фабрику; ему бы и хотѣлось взять съ собою жену, да у хозяина нѣтъ для нея мѣста; заключается контрактъ; но развѣ какой либо судъ объявитъ его недѣйствительнымъ, какъ строго воспрещеннымъ 103 ст.? Машинистъ, всю жизнь проводящій на локомотивѣ, слуга, которому хозяинъ не дозволилъ имѣть при себѣ жену, и т. п. лица,—какъ они и жены ихъ исполнятъ эту свою обязанность первыхъ жить вмѣстѣ, а вторыхъ—повсюду слѣдовать за мужемъ? Мужъ остается дома въ деревнѣ, «самовольно» выдаетъ женѣ письменное разрѣшеніе на полученіе вида, она получаетъ паспортъ, поступаетъ на мѣсто въ городѣ, супруги разлучаются по «акту», однако этотъ актъ всѣми и всюду трактуется какъ легальный, больше—какъ обязательный: безъ него волостное начальство не выдаетъ женѣ паспорта, и никто никогда не признаетъ подобный актъ воспрещеннымъ.

Этихъ отступленій такъ много, что отъ 103 ст. о «самовольномъ разлученіи» на самомъ дѣлѣ остается лишь «самовольное» антиобще-

ственное и антихристіанское право мужа помыкать своей женой, какъ пѣшкой и издѣваться надъ святою нерасторжимостью брака. Но рѣзче всѣхъ этихъ отступленій стоитъ признаваемое закономъ, и на этотъ разъ уже прямое право жены не слѣдовать за мужемъ, если онъ «жестоко обращается съ нею, или явно развратнаго поведенія». Для осуществленія этого даруемаго приложеніемъ къ 103 ст., по прод. 63 г. § 2 права требуется лишь наличность обстоятельства, ничего общаго съ брачнымъ союзамъ не имѣющаго, ему совершенно посторонняго и чисто случайнаго,—требуется, чтобы этотъ жестокій или развратный супругъ ссылался по приговору общества, или въ административномъ порядкѣ, т. е., если такой невыносимый для жены супругъ живетъ въ ладахъ съ своимъ обществомъ, или съ администраціею и переѣзжаетъ по собственной волѣ въ массовыхъ переселенческихъ передвиженіяхъ гораздо дальше мѣста, назначаемаго другому точно такому же для пребыванія, истязуемая страдалица—жена обязана безпрекословно слѣдовать за нимъ, а право отказа наступаетъ для нея лишь тогда, когда онъ оказывается неудобнымъ *не въ семейномъ*, а въ общественномъ, или административномъ отношеніи, при чемъ, какъ это совершенно ясно, онъ можетъ по отношенію къ женѣ являться идеальнымъ мужемъ и безупречнымъ семьяниномъ... Слѣдовательно, осуществленіе права жены на разлученіе вслѣдствіе жестокаго съ нею обращенія или развратнаго поведенія мужа приведенный законъ ставитъ въ зависимость отъ явленія, *съ разумомъ этого права ничего общаго не имѣющимъ.* Дозволеніе женѣ на такое разлученіе дается съѣздомъ мировыхъ судей (Мн. Гос. Сов. 28 декабря 1871 г.), волостнымъ судомъ, или судомъ 1 инстанціи съ утвержденія губернатора—тамъ, гдѣ не введены еще судебные уставы. *Не такъ ли же точно* поступала судебно-мировая юстиція первыхъ годовъ своей дѣятельности, остановленной кассаціоннымъ толкованіемъ *только потому*, какъ это очевидно вытекаетъ изъ вышеизложеннаго, что обвиняемые передъ нею мужья, невыносимые для женъ, оказывались терпимыми въ общественныхъ, или административныхъ интересахъ?

Это кассаціонное толкованіе опирается на 103 ст., нѣкогда неприступную твердыню, обращенную затѣмъ и жизнію и самимъ же закономъ въ дырявое рѣшето. Камня на камнѣ не осталось отъ этой твердыни за исключеніемъ того, который держитъ у себя за пазухой негодяй—мужъ, чтобы пугать имъ спасающуюся отъ него по чужимъ людямъ жену. Пора вырвать у него и этотъ послѣдній камень, лишивъ его права держать свою жертву при себѣ, водить ее всюду за

собою, требовать назадъ, изъ всякаго убѣжища, куда бы она ни задумала спастись, и пользоваться при этомъ неумѣлымъ и противозаконнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ властей, широко оказываемымъ ему усвоенною практикою, какъ это видно изъ интересной замѣтки И. М. Волкова о паспортахъ замужнихъ женщинъ (Юрид. Вѣстн., декабрь 1888 г., стр. 649).

Это кассаціонное толкованіе идетъ, затѣмъ, даже дальше закона, расширяя запретную область «клонящихся *къ самовольному* разлученію *актовъ*» включеніемъ въ нее и *рѣшеній суда*, уже совершенно несовмѣстимыхъ съ представленіемъ о какомъ-либо «*самоволіи*», и съ «*актами*» вообще ничего общаго не имѣющихъ: «по духу нашихъ гражданскихъ законовъ, гласитъ это толкованіе, никакое судебное рѣшеніе не можетъ имѣть основаніемъ дѣйствіе или возложеніе обязательства, клонящагося къ самовольному, какъ сказано въ законѣ (ст. 103, X т. 1 ч.) разлученію супруговъ» (касс. рѣш. гражд. деп. 1872 г. № 407). Затѣмъ изъ ст. 76 того же тома ясно, что воспрещаются въ данномъ случаѣ «*предварительные, произвольные между супругами* акты, клонящіеся къ *разрыву* супружескаго союза;» слѣдовательно, если и приравнивать «судебное рѣшеніе» къ «акту», то признавать его воспрещеннымъ 103 ст. всетаки окажется невозможнымъ въ виду того, что такой «актъ» предполагается ею исходящимъ не отъ судебной власти, а отъ личнаго произвола самихъ супруговъ, безъ формальнаго акта, какъ это мы видѣли, однако не воспрещеннаго.

Всѣ эти соображенія неизбѣжно ведутъ къ тому заключенію, что если разлученіе супруговъ *по судебному рѣшенію* въ данной области правъ закономъ прямо не предусмотрѣно (хотя допущенное имъ *исключеніе*, обусловленное случайнымъ явленіемъ, *носитъ на себѣ характеръ несомнѣнно принципіальный*), то положительно имъ и не воспрещено. Подобная недомолвка, если и не указываетъ на прямое и внѣспорное право суда опредѣлять выходъ изъ этого непостижимаго конфликта, то тѣмъ не менѣе указываетъ на неизбѣжность дополнительнаго разъясненія, *только не въ кассаціонномъ, а въ законодательномъ* порядкѣ. Наконецъ мировыя сдѣлки, полагавшія, какъ это было указано выше, предѣлъ преступнымъ посягательствамъ, «имѣли основаніемъ» не «*самовольное*», а *законное* право мужа давать разрѣшеніе женѣ на полученіе вида на жительство, право, открыто и непререкаемо, всегда и всѣми признаваемое; сдѣлки эти подчиняли частный произволъ судебному рѣшенію, которое необходимо въ особенности тамъ, гдѣ жизнь, несмотря на всѣ попытки, не укладывается въ за-

конодательныя нормы и вызываетъ къ посредству суда между ею и этими нормами. Дѣлалось это судомъ совершенно параллельно тому, что дѣлалось *и до сихъ поръ дѣлается* администраціею, обращающею, сверхъ того, *право* это *въ обязанность* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мучитель-супругъ отказывается осуществить его добровольно. Мы уже видѣли, что прямое и положительное воздѣйствіе власти въ цѣляхъ сохранить тѣ pia desideria, обязательность которыхъ нашъ X томъ считаетъ «неразрывнымъ» съ обязанностью совмѣстнаго жительства и которыя составляютъ по всеобщему юридическому убѣжденію сущность брачнаго союза, внѣ ихъ *естественно* разрушающагося,—для практики безусловно недосягаемо; тѣмъ настоятельнѣе является необходимость обратиться къ косвеннымъ и отрицательнымъ мѣрамъ того же воздѣйствія, первое мѣсто среди которыхъ занимаетъ разлученіе супруговъ, соединяемыхъ фиктивнымъ союзомъ, естественно уже разрушеннымъ, съ оставленіемъ на виноватомъ мужѣ обязанности содержать жену, если она того потребуетъ, какъ покидающую мужа не по доброй волѣ, не по капризу или прихоти, а по той «необходимой оборонѣ», по тому «принужденію отъ превосходящей неодолимой силы», которыя устраняютъ даже для виновнаго въ содѣянномъ «преступленіи» всякую отвѣтственность передъ закономъ. Угроза *такого* разлученія остановитъ многія посягательства, а тамъ, гдѣ это окажется недостаточнымъ, придетъ на помощь судъ и освободитъ жертву по рѣшенію своему, освободитъ *условно*, *временно*, *съ возможностью возврата и примиренія*, *а потому не „разлучитъ то, что соединено Богомъ“*.

Праздными за симъ окажутся и обычныя возраженія, усматривающія въ доступности разлученія поводъ къ частымъ, произвольнымъ или прихотливымъ разрывамъ брачнаго союза, опаснымъ для прочности семейныхъ началъ. Въ данныхъ условіяхъ разлученіе не можетъ быть ни доступнымъ каждому того домогающемуся, ни заманчивымъ въ своей перспективѣ: основанія къ разлученію будутъ взвѣшены и констатированы судомъ при существующихъ уже гарантіяхъ новаго судебнаго процесса въ возможной непогрѣшимости провѣрки жалобы и постановленнаго рѣшенія; а одинокаго существованія, безъ надежды восполнить его вторымъ бракомъ и лишь съ проблематическими шансами возстановить существующій при исправленіи прежняго супруга, будетъ искать только тотъ, кто поставленъ злымъ рокомъ въ печальную необходимость выбрать изъ двухъ золъ наименьшее. Заранѣе можно сказать, что не только никто не достигнетъ цѣли ходатайства безъ основательнаго права на то, но никто и не заявитъ его суду безъ крайней въ томъ, иначе неразрѣшимой необходимости.

Кому не извѣстенъ тотъ позорный путь, къ которому эта необходимость по неволѣ прибѣгаетъ теперь, устраивая при содѣйствіи подкупныхъ свидѣтелей, специалистовъ-ходатаевъ и взятокъ комедію «прелюбодѣянія» съ безповоротнымъ уже *расторженіемъ* брачнаго союза. Съ допущеніемъ *разлученія* не обусловливаемаго, какъ теперь, льготными изъятіями и случайными обстоятельствами, общество избавится отъ этой позорной комедіи, получивъ болѣе легальный, болѣе приличный, открытый путь, не нуждающійся въ союзѣ съ златомъ и преступленіемъ для достиженія своей цѣли. Любовь, согласіе и свобода воли, неразлучные спутники брачнаго союза, освящающіе его, по ученію церкви, въ таинство, всегда будутъ и его единственными охранителями; всякая въ этомъ отношеніи принудительная попытка дастъ въ итогѣ противуположныя цѣли своей явленія. Съ этимъ непреложнымъ закономъ человѣческой природы никакая борьба не мыслима. Исторія развитія брачнаго института до нынѣ существующихъ нормъ, являющая рѣдкую картину безпрерывныхъ, неразрѣшимыхъ пререканій церкви съ государствомъ, философіи съ правомъ, жизни съ догматомъ, при всей необычайной пестротѣ своей, даетъ всюду и всегда одно указаніе: чѣмъ стѣснительнѣе оказывались заключеніе брачнаго союза и выходъ изъ него, тѣмъ больше вокругъ признаваемаго сожительства группировалось союзовъ не признаваемыхъ съ незаконными рожденіями, и тѣмъ дальше само оно въ существѣ своемъ удалилось отъ своего святаго идеала; а въ наблюдаемой современности всего чаще, всего торжественнѣе и радостнѣе празднуетъ свои серебрянныя и золотыя свадьбы германская семья, наименѣе стѣсненная внѣшними узами своей нерасторжимости.

Полагаемъ, что этихъ фактовъ достаточно, чтобы успокоить вышеуказанныя опасенія quasi-моралистовъ за судьбы семейнаго союза, якобы угрожаемыя допущеніемъ разлученія по суду при вышеизложенныхъ условіяхъ его.

Итакъ, вызванный жизнію, практикуемый администраціею и кассаціонно-воспрещенный для суда обычай не только не стоитъ въ противорѣчіи съ духомъ нашихъ гражданскихъ законовъ, но и не колеблетъ толкуемой въ его предѣлахъ буквы ихъ. Намъ остается доказать, что равнымъ образомъ, онъ не стоитъ въ противорѣчіи съ понятіемъ церкви о существѣ брачнаго союза, на которомъ законы эти основаны, и съ народнымъ воззрѣніемъ на его нерасторжимость, ради котораго нерѣдко оспаривается возможность допущенія у насъ разлученія супруговъ.

VI.

Ученіе церкви о нерасторжимости брака исходитъ изъ слѣдующаго Евангельскаго текста:

Отвѣчая на фарисейскій вопросъ о силѣ Моисеева закона, разрѣшающаго *каждому того пожелавшему мужу* давать своей женѣ разводную, Христосъ сказалъ: «Что Богъ сочеталъ, того человѣкъ да не разлучаетъ. Моисей *по жестокосердію вашему* позволилъ вамъ *отпускать* (**пустити**) женъ своихъ; сначала же было не такъ. Но Я говорю вамъ, кто отпуститъ жену свою не за прелюбодѣяніе и *женится на другой*, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на отпущенной прелюбодѣйствуетъ. И если жена отпуститъ мужа своего и *выйдетъ за другаго* — прелюбодѣйствуетъ». (Матѳ. V, 28, 31, 32, XIX,3—12, Марк. X, 2—12, Лук. XVI, 18).

Что же воспрещаетъ это поученіе? Оно воспрещаетъ «жестокосердому» мужу «отпускать» свою жену для того, чтобы взять себѣ «другую», т. е. воспрещаетъ мужу мѣнять своихъ женъ *по своему собственному произволу*, ради прихоти, ради чувственнаго разнообразія. Возможно ли, слѣдовательно, найти что либо общее между этимъ «жестокосердымъ» по отношенію къ жертвѣ личнымъ произволомъ и предоставляемыхъ по суду спасеніемъ этой жертвы отъ ея мучителя безъ права ея вступленія въ новый бракъ,—слѣдовательно, безъ «прелюбодѣянія»? Вѣдь только эту цѣль и преслѣдуетъ разлученіе, разрѣшаемое всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями западной Европы, между прочимъ православною Греціею, и въ видѣ исключенія, но исключенія, несомнѣнно, принципіальнаго свойства, допущенное у насъ.

1-е посланіе къ Коринѳянамъ (гл. VII, 9 и 27) апостола Павла прямо разрѣшаетъ разлученіе при условіи послѣдующаго безбрачія: «если же она разведется, пусть остается безбрачною», «соединенъ ли ты съ женою, не ищи развода, развелся ли съ нею—не ищи жены».

Умолчаніе о *мотивахъ разлученія* и въ первомъ и во второмъ случаѣ ясно указываетъ на то, что если на Евангельскомъ ученіи и можно до извѣстной степени основывать принципъ нерасторжимости брака, то положительно невозможно съ одной стороны распространять дѣйствіе этого принципа на разлученіе, мотивированное преступленіемъ, лишающимъ брачный союзъ его святости, а съ другой—выводить изъ этого ученія обязательность совмѣстнаго жительства супруговъ во чтобы ни стало; разлученіе же устраняетъ изъ сферы брачныхъ правъ *только эту обязательность*, да и то лишь временно и условно. Этимъ путемъ оно лишь очищаетъ идею брака, какъ таин-

ства, „*неразрывно и исключительно связаннаго*", по толкованію Тридентскаго Собора 1542 г. „*въ своей сущности и матеріи съ обоюднымъ соглашеніемъ воли*" и, слѣдовательно, теряющаго такой свой характеръ, когда вмѣсто «обоюднаго соглашенія воли» являются кабакъ и насиліе. Не разлученіе супруговъ въ такомъ выродившемся союзѣ, а замѣну одного брака другимъ воспрещаетъ Евангельское ученіе, и неизмѣримая бездна отдѣляетъ стремленіе разорвать брачныя узы, съ цѣлью обновленія чувственнаго аппетита, отъ стремленія вырваться изъ непрерывной цѣпи душевныхъ и физическихъ мукъ, заживить свои, то и дѣло бередимыя раны, вздохнуть спокойнѣе... Въ первомъ случаѣ человѣкъ ищетъ наслажденія, во второмъ—*только спасенія.* Не Тотъ, кто звалъ къ Себѣ «всѣхъ труждающихся и обремененныхъ», обѣщая имъ упокоеніе, не Имъ основанная церковь «да врата адовы не одолѣютъ ю», отказываютъ въ немъ, а тѣ каноническія и гражданскія узаконенія, которыя, расходясь съ Его ученіемъ, подсказаны эгоистическимъ преобладаніемъ сильнѣйшаго пола надъ поломъ слабѣйшимъ, являющимся, какъ это извѣстно, единственною жертвою ложно-понятой, выступившей за предѣлы свои, идеи безусловной нерасторжимости брака внѣ ея низшей половой сферы.

Эти, рожденныя ею, узаконенія сравнительно недавняго происхожденія: до второй половины XVI столѣтія церковь еще не выработала твердыхъ и окончательныхъ нормъ въ вопросѣ о сущности брачнаго союза, а первыя попытки введенія на западѣ формы гражданскаго брака являются *въ эпоху преобладанія церковнаго воззрѣнія*, гораздо ранѣе періода революціоннаго. Извѣстный знатокъ гражданскаго и каноническаго права К. П. Побѣдоносцевъ такъ опредѣляетъ значеніе и силу этихъ позднѣйшихъ узаконеній: «Иныя изъ нихъ состоялись независимо отъ церковнаго закона, другія—по выводамъ изъ церковнаго закона, быть можетъ невѣрнымъ и ошибочнымъ, можетъ быть и по такимъ предметамъ, въ коихъ церковный законъ не связываетъ законодателя. Критика этихъ постановленій тогда только можетъ быть вѣрная и плодотворная, когда каждое изъ нихъ будетъ разобрано само по себѣ, въ связи съ историческими и общественными условіями» (Курсъ гражданскаго права, стр. 74). Къ числу подобныхъ постановленій принадлежитъ и 103 ст. X т. 1 ч., разсматриваемая «сама по себѣ и въ связи съ историческими и общественными условіями».

Общественный критеріумъ этого закона достаточно выясненъ предшествующимъ изложеніемъ; что же касается до историческаго его генезиса, то таковой въ не менѣе явственныхъ очертаніяхъ опредѣ-

ленъ на страницахъ того же курса слѣдующимъ образомъ: «По введеніи христіанства въ Россіи приняты были въ употребленіе церковью правила Кормчей книги о расторженіи брака и о разводахъ, а дѣла брачныя и разводныя отнесены къ вѣдомству церковнаго суда. Однако, церковь долго еще вела борьбу *съ народнымъ обычаемъ неформальнаго брака и развода произвольнаго.* Обычай этотъ былъ *особенно распространенъ между людьми низшихъ сословій*, по своему положенію удаленныхъ отъ церковной іерархіи и отъ выгодъ законности всякаго рода. Супруги оставляли другъ друга, не стѣсняясь постановленіями церковнаго закона, тѣмъ болѣе, что и самый этотъ законъ *не имѣлъ совершенной ясности и опредѣлительности* для церковныхъ судей, такъ какъ законы о разводѣ, помѣщенные въ нашихъ Кормчихъ книгахъ, *не были вполнѣ согласны ни между собою, ни съ каноническими постановленіями.* При рѣшеніи дѣлъ *возникали недоумѣнія*, и указы греческихъ императоровъ соединялись иногда безразлично съ строгими каноническими правилами. Въ высшихъ сословіяхъ прежде всего обнаружилась потребность опредѣлить формальные признаки законности брака и развода; *но и здѣсь совѣсть частныхъ лицъ и общественное мнѣніе довольствовались долгое время тѣмъ, что разводъ происходилъ съ разрѣшенія простаго священника, духовнаго отца*, хотя по правиламъ юрисдикція въ дѣлахъ разводныхъ принадлежала только высшей іерархіи. *Духовные отцы безъ затрудненія писали и выдавали разводныя письма*, причемъ по невѣдѣнію, или по злоупотребленію не могло быть строгаго церковнаго разсужденія *о законномъ поводѣ* къ разводу. Уже въ XVIII столѣтіи, именно въ 1730 и потомъ *въ 1767 году* нужно еще было *сенатскими* указами оглашать повсюду рѣшительное запрещеніе священно-и церковно-служителямъ писать разводныя письма». (К. гр. пр. стр. 87—88).

Вотъ какъ обстояло у насъ дѣло со введенія христіанства и вплоть до 2-й половины прошедшаго вѣка съ вопросомъ о расторженіи брака. То уже самое видимъ мы и по отношенію къ разлученію супруговъ. «Разлученіе отъ стола и ложа не допускается по нашимъ церковнымъ законамъ. Но изъ старой церковно судебной практики видно, что въ XVIII столѣтіи и въ первыхъ годахъ нынѣшняго, по нѣкоторымъ бракоразводнымъ дѣламъ *консисторіи, хотя не видѣли причинъ къ разводу, но за явнымъ несогласіемъ между супругами дозволяли имъ жить впредь до примиренія отдѣльно* «въ надлежащемъ цѣломудріи», съ тѣмъ, что, покуда не примирятся, ни тому, ни другому не дозволяется вступать въ другой бракъ, т. е. «оставаться имъ навсегда

безбрачными», по выраженію приговоровъ. Еще употреблялось для этого понятія выраженіе «быть имъ въ единствѣ [1]), а въ другой бракъ не вступать». *Такія рѣшенія утверждаемы были и святѣйшимъ синодомъ.* Въ выпискахъ подъ такими рѣшеніями приводились обыкновенно Посл. Коринѳ. VII, 10 и 11, и Кормч. 102 пр. Карѳаг. Соб.» (тамъ же стр. 95).

Вышеизложенная практика, прекращенная лишь съ 1805 года, возобновилась, какъ это мы видѣли, въ нѣсколько иной, болѣе упорядоченной формѣ, съ первыхъ же годовъ введенія у насъ «праваго, милостиваго и для всѣхъ равнаго» суда, но, продержавшись не долгое время, пала передъ встрѣченнымъ, неодолимымъ, кассаціоннымъ препятствіемъ,—пала, но не умерла: она живетъ, хотя и съ слабыми признаками жизни, въ дѣйствующемъ законѣ для тѣхъ несчастныхъ браковъ, въ которыхъ нетерпимый долѣе супругъ оказывается, кромѣ того, неудобнымъ обществу, или администраціи. «Такъ въ первый разъ (замѣчаетъ по этому поводу К. П. Побѣдоносцевъ въ своемъ курсѣ) явилась у насъ *законная* возможность женѣ, безъ расторженія брака и семейныхъ правъ, уклониться отъ сожительства съ мужемъ. Льгота эта, первоначально узаконенная для лицъ податнаго сословія, распространена впослѣдствіи и на случаи удаленія изъ мѣста жительства административнымъ порядкомъ и по особымъ Высочайшимъ повеленіямъ, а равно и на ссылаемыхъ по суду съ лишеніемъ не только всѣхъ, но даже и особыхъ правъ, лично и по состоянію присвоенныхъ» (тамъ же стр. 105).

Слѣдя за этою исторіею вопроса, мы видимъ, что право, фактически осуществляемое при содѣйствіи духовенства въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, право, утверждаемое св. синодомъ, право рельефно выразившее собою народное воззрѣніе на нерасторжимость брака, лишь въ позднѣйшее время превращается въ *исключительную* льготу, мало по малу снова расширяемую и *по принципіальной сути своей* несомнѣнно требующую всеобщаго распространенія. Мы видимъ за тѣмъ, что законъ, воспрещающій «*льготу*» эту для всего остальнаго громаднаго большинства, то и дѣло нарушается *законными же* потребностями государства имѣть войско, получать подати, покровительствовать промышленности и заработку, когда помѣхою этимъ потребностямъ оказывается обязательность «совмѣстнаго жительства супруговъ». Почему же такая, то и дѣло *законно нарушаемая и всетаки законная* обязательность является чѣмъ то непреложнымъ,-когда она союзъ брачный обращаетъ въ союзъ съ преступленіемъ, *закономъ же*

[1]) Въ одиночествѣ.

подъ страхомъ наказанія воспрещеннымъ?—А вѣдь *только борясь съ этимъ законами воспрещеннымъ преступленіемъ*, мировые судьи выдавали, а администрація до сихъ поръ выдаетъ, отдѣльные виды терзаемымъ мужьями женамъ. Прочность семейнаго союза, основанная на «мирѣ и согласіи», а не на принужденіи, съ «добрымъ и честнымъ воспитаніемъ дѣтей», безъ истязаній ихъ матери, безъ обращенія ея въ безмолвную рабу пьянаго или свирѣпаго самодура, составляетъ такую же государственную потребность, какъ и оборона, подати, заработки и промышленность.

Принужденіе, какъ это мы видѣли, претворяется жизнію лишь въ преступную эксплуатацію и совершенно безсильно для какихъ бы то ни было благоожидаемыхъ послѣдствій. «*Свободное сознаніе и соглашеніе въ бракѣ*, замѣчаетъ цитированный нами авторъ (стр. 89),—*существенное условіе дѣйствительности союза*». Церковь, не прибѣгая къ принужденію, можетъ пользоваться несравненно сильнѣйшимъ факторомъ охраненія прочности этого союза: она можетъ поддерживать «существенное условіе его дѣйствительности» единственно свойственнымъ ей Евангельскимъ путемъ проповѣдей, увѣщаній, примиреній и предупрежденій. Въ сельскихъ приходахъ, гдѣ священникъ всегда знаетъ образъ жизни повѣнчанныхъ имъ прихожанъ своихъ, близко стоитъ къ ихъ быту, такой путь въ особенности легокъ и цѣлесообразенъ. Тамъ, гдѣ такой путь не приведетъ къ желаемой цѣли, на помощь жертвѣ долженъ являться судъ. Его вмѣшательство не будетъ противнымъ ни церковнымъ постановленіямъ, вѣрнымъ духу Евангельскаго ученія, ни гражданскимъ законамъ, разумомъ своимъ его не воспрещающимъ, ни, наконецъ, воспитаннымъ исторіею народнымъ воззрѣніямъ.

Резюмируя предшествующее изложеніе, мы получаемъ рядъ слѣдующихъ, мотивированныхъ въ немъ, основныхъ тезисовъ:

1) Обязательное по 103 ст. X т. 1 ч., по прод. 1863 г. Св. зак., совмѣстное жительство супруговъ есть продуктъ не каноническаго, а свѣтскаго гражданскаго права, не имѣющій ни какихъ либо корней въ прошедшемъ, ни какого либо значенія въ настоящемъ.

2) Не охраняя прочности брачнаго союза въ фактѣ, законъ этотъ служитъ лишь орудіемъ ничего общаго съ институтомъ брака не имѣющей и преступной эксплоатаціи одного супруга другимъ.

3) Въ своей правовой концепціи законъ этотъ обязательность сожительства ставитъ въ прямую и непосредственную зависимость отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на супруговъ 106 и 107 ст. того же тома.

4) Оказавшись внѣ этого условія, онъ открываетъ совершенно свободный путь для дальнѣйшей законодательной обработки вопроса.

5) Не противорѣчащее, вслѣдствіе того, духу законовъ, временное, условное и не произвольное разлученіе супруговъ выродившагося въ преступленіе брачнаго союза, согласное съ Евангельскимъ ученіемъ и на немъ основными постановленіями церкви о нерасторжимости брака, какъ таинства, явится не чуждымъ народному воззрѣнію нововведеніемъ, а лишь распространеніемъ того, что пока составляетъ допущенную закономъ и практикою исключительную и случайную льготу.

6) Не прямо разрѣшаемая законами, но положительно ими и не воспрещаемая практика первыхъ годовъ мироваго суда дала самые благопріятные результаты безъ какихъ бы то ни было «колебаній», или протестовъ.

7) Сенатское толкованіе, остановившее эту практику, въ юридическомъ отношеніи несостоятельно, какъ основанное на обобщеніяхъ, не оправдываемыхъ духомъ закона и фактически неосуществимыхъ.

8) Уголовная репрессія въ общемъ порядкѣ судопроизводства безсильна въ охранѣ страдающей въ бракѣ стороны и лишь обостряетъ эти страданія въ послѣдовательной прогрессіи рецидивовъ.

9) Такъ какъ разлученіе не расторгаетъ освящаемаго церковью брака, мотивируется преступленіемъ общаго характера и касается сферы гражданскихъ правъ, стоящихъ внѣ всякой зависимости отъ постановленій церкви, то такое разлученіе можетъ опредѣляться лишь свѣтскимъ судомъ.

Процессуальныя нормы и подробности такого суда не входятъ въ нашу задачу, ограниченную изслѣдованіемъ принципіальной и бытовой стороны вопроса, какъ матеріала, который можетъ пригодиться для новаго гражданскаго уложенія: ему, по глубочайшему убѣжденію нашему, предстоитъ въ этомъ отношеніи не трудная, на половину жизнію и даже закономъ рѣшенная задача—упорядочить и санкціонировать явленіе дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, выработанныхъ практикою, вѣрныхъ общему духу и разуму существующихъ узаконеній, а отчасти допущенныхъ даже и буквою ихъ въ формѣ ничѣмъ не оправдываемаго исключенія.

П. Н. Обнинскій.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ СИБИРИ.

(*Окончаніе*) *).

VIII.

О внѣшней обстановкѣ народныхъ школъ мы можемъ судить только по тѣмъ фактамъ, которые доходили до свѣдѣнія мѣстной сибирской прессы, такъ какъ никакихъ другихъ непосредственныхъ данныхъ по этому вопросу не существуетъ. Несмотря на случайный и отрывочный характеръ газетнаго матеріала, въ общемъ онъ даетъ довольно вѣрную и рельефную картину обстановки сельской школы—увы, картину весьма неприглядную. Почти во всякой газетной замѣткѣ или корреспонденціи, гдѣ только рѣчь идетъ о народной школѣ, встрѣтишь указанія на то, что помѣщенія училищъ ни мало не удовлетворяютъ своему назначенію.

Подъ училище отводится обыкновенно какой нибудь общественный домъ, а каковъ онъ, подходитъ ли по величинѣ, внутреннему расположенію и своимъ гигіеническимъ условіямъ для школы—объ этомъ никто и не подумаетъ. Положимъ, учитель весьма заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ и ему квартира отводится при училищѣ, но голосъ учителя въ этомъ отношеніи почти не имѣетъ значенія. Если домъ наемный, то въ интересахъ общественниковъ платить за него возможно меньше, и только на эту сторону дѣла и обращается главнымъ образомъ ихъ вниманіе. Да и гдѣ въ деревнѣ найти свободнымъ большой благоустроенный домъ! Хорошій домъ всегда принадлежитъ крестьянину, болѣе или менѣе состоятельному, который строилъ его лично для себя и

*) См. «Юридич. Вѣстн.» 1889 г., № 9.

своей семьи; съ какой стати отдастъ онъ его внаймы подъ училище! Если даже волость богата, не жалѣетъ денегъ на содержаніе школы и жертвуетъ иной разъ порядочную сумму денегъ на пріобрѣтеніе собственнаго дома для училища, то и въ такихъ случаяхъ очень рѣдко получается въ результатѣ что нибудь путное. Среди волостной администраціи всегда выищется ловкачъ, который, пользуясь своимъ вліяніемъ на ходъ общественныхъ дѣлъ, съумѣетъ навязать обществу какую нибудь принадлежащую ему развалину, или возьметъ на себя постройку училища и выстроитъ такъ, что выйдетъ и дорого и гнило.

Томской губерніи особенно посчастливилось въ отношеніи свѣдѣній о внѣшней обстановкѣ училищъ, что, впрочемъ, весьма естественно, если вспомнить, что въ Томскѣ издаются двѣ мѣстныхъ газетки.

На частномъ учительскомъ съѣздѣ въ Томскѣ, 26 іюля 1881 г. было констатировано, что школьныя помѣщенія въ общемъ крайне неудовлетворительны («Сиб. Газ.», № 23—1881 года).

«Г. управляющій томскою казенною палатой, читаемъ мы въ циркулярѣ томскаго исправника отъ 23 сент. 1881 г., за № 122, по поводу заявленій гг. штатныхъ смотрителей и сельскихъ учителей, сообщилъ мнѣ, что многія сельскія училища ввѣреннаго мнѣ округа помѣщаются въ холодныхъ, сырыхъ квартирахъ или въ грязныхъ и неудобныхъ церковныхъ сторожкахъ... Обо всемъ этомъ я въ короткое время службы въ Томскомъ округѣ составилъ себѣ уже достаточное понятіе, убѣдившись, что дѣло народнаго образованія стоитъ здѣсь на столь нетвердой почвѣ, что остается только, выразивъ прискорбіе, начать изысканіе мѣръ не къ тому уже, чтобы увеличить въ округѣ число училищъ, но привести въ должный видъ и благоустройство хотя тѣ, которыя открыты и существуютъ».

Изъ Каинскаго округа пишутъ:

«Помѣщенія училищъ большею частью ветхи, тѣсны, сыры, холодны и грязны. Отопленіе неисправно; нерѣдко случается, что училище не топится дня по три, почему и приходится освобождать учениковъ отъ классныхъ занятій» («Сиб. Газ.» 83 г., № 46).

Изъ села Карасукскаго, Барнаульскаго округа:

«Домъ училища старъ и близокъ къ разрушенію, зимой очень холоденъ. Почти всѣ ученики собрались, нужно бы заниматься, да училище не топлено: волостное правленіе дровъ не даетъ. Утромъ соберутся ученики, придетъ учитель, прочитаютъ: «Преблагій Господи!», померзнутъ, померзнутъ да и разойдутся, почти не занявшись». («Сиб. Газ.» 83 г., № 43)

Изъ села Таскаево Верхнекаинской волости:

«У насъ построили новое зданіе для училища. Стѣны промерзаютъ, потолки и полы совсѣмъ разсохлись—отовсюду дуетъ... Тѣснота въ школѣ такова, что ученики не могутъ помѣститься во время ученія за партами и размѣщаются, кто гдѣ вздумаетъ, кто стоя пишетъ, кто на полу сидитъ». («Сиб. Газ.» 84 г., № 52).

Далѣе:

«Въ селѣ Михайловскомъ, Маріинскаго округа, зданіе училища хотя и новое, но построено такъ плохо, что земля большими кусками падаетъ сквозь громадныя щели въ потолкѣ на полъ, на парты и головы учениковъ, изъ чего можно заключить, что заливки потолка не было и зимою въ училищѣ холодно». «Тундинское и Троицкое училища также построены крайне плохо. Въ деревняхъ Дороховой и Тюменевой классныя комнаты находятся въ кухняхъ, гдѣ во время самыхъ занятій происходитъ стряпня. Въ Александровскомъ училищѣ стѣны такъ плохи, что сквозь нихъ проникаютъ лучи солнца. Въ Воронопашенскомъ всю зиму окна стояли съ ординарными рамами и почти безъ стеколъ, при чемъ отопленіе давалось только до Пасхи. Малопесчанское помѣщается въ церковной сторожкѣ; классная комната не имѣетъ печи и страшно низка. Помѣщенія Мазаловскаго и Теплорѣченскаго училища до невозможности тѣсны и низки. («Сиб. Вѣстн.» 86 г., № 57).

Почти во всѣхъ этихъ училищахъ входныя двери отворяются прямо въ классную комнату, во многихъ вмѣсто кирпичныхъ печей стоятъ маленькія желѣзныя. Особыхъ отхожихъ мѣстъ нигдѣ не имѣется.

Въ Восточной Сибири положеніе вещей нисколько не лучше, чѣмъ въ Томской губ. Вотъ, напр., какими красками описываетъ корреспондентъ помѣщеніе училища въ селѣ Бейскомъ, Минусинскаго округа:

Помѣщеніе Бейскаго училища никуда негодное. Полы ординарные и настолько расщелились, что надо ходить по нимъ съ осторожностью, чтобы не попасть ногою въ щель и не получить увѣчья. Печка въ училищѣ не топится года два, три, потому что трубу размыло дождемъ; полъ подъ нею отъ той же причины выгнилъ, сгнили также и стѣны. Вмѣсто кирпичной печки поставлена желѣзная, отъ которой однако мало толку, тѣмъ болѣе, что въ дровахъ ощущается постоянный недостатокъ. Входная дверь до того ветха, что сквозь щели можетъ пролетѣть птичка (!). Классной мебели всего на 12 человѣкъ, остальнымъ приходится устраиваться на полу по-турецки». («Сиб. Газ.» 82 г., № 39).

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ:

«Школа въ Витимѣ, Киренскаго округа, самая жалкая, какія я когда либо видѣлъ, пишетъ другой корреспондентъ, такая же школа и въ

Мухтуѣ. Въ послѣдней не было ни мебели, ни учебныхъ пособій, къ тому же она еще была не протоплена и въ классной комнатѣ стояла такая стужа, что учитель дрожалъ какъ въ лихорадкѣ» (Сиб. Газ.» 82, № 26.

«Усольское училище (Иркутскаго округа)—это покрившееся зданіе, у котораго прогнили не только полы и потолки, но даже мѣстами плохи и стѣны. Во время дождя трудно найти мѣсто, гдѣ бы не капало; зимой на высотѣ человѣческаго роста + 6—7% R., на полу въ холодное время вода мерзнетъ. Зимой всѣ ученики сидятъ въ шубахъ, учитель также надѣваетъ весь имѣющійся у него запасъ теплой одежды». («Сибирь» 85 г., № 41).

«Въ селѣ Улятуевскомъ, Забайкальской области, волостной старшина продалъ подъ училище свой весьма плохенькій домишко за 800 р. Рамы только однѣ наружныя, печи плохія, отовсюду дуетъ. Мѣстный священникъ предлагалъ свой весьма хорошій домъ за 900 р., съ тѣмъ условіемъ, чтобы деньги эти пошли на школу, но волостной старшина съумѣлъ повернуть дѣло по своему». («Сиб. Газ.» 85 г., № 7).

«Верхне-Куларское училище устроено очень плохо: однѣ стрѣлы, да стѣны, по выраженію корреспондента. («Сиб.» 82 г., № 45).

«Въ Якутской области школьныя помѣщенія тѣ же юрты, только немного просторнѣе обыкновенныхъ; по большей части въ нихъ двѣ, очень рѣдко три комнаты; одна для классныхъ занятій, другая для учителя. Построены онѣ плохо и въ морозы, сплошь и рядомъ доходящіе здѣсь до 40° R, въ нихъ бываетъ очень холодно. Русскихъ печей нѣтъ и потому всѣ школы отопливаются камельками, которые даютъ очень мало тепла. Окна малы и вмѣсто стеколъ зимой въ нихъ вставляютъ куски льда. Отъ сырости и чада въ классѣ царствуетъ постоянный полумракъ» («Сибирь» 82 г., № 18 и «Вост. Обозр.» 86 г., № 4).

Во многихъ школахъ оказывается большой недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и письменныхъ принадлежностяхъ. Иногда весь запасъ учебныхъ пособій заключается въ нѣсколькихъ истрепанныхъ и разрозненныхъ экземплярахъ «Роднаго Слова». Напр., въ Теплорѣченскомъ училищѣ Томской губ. въ теченіе 2 лѣтъ не было ни книгъ, ни бумаги, ни грифельныхъ досокъ («Сиб. Газ.» 1885 года, № 36). Изъ Штатскаго училища той же губерніи также жалуются на недостатокъ учебныхъ пособій («Сиб. Вѣстн.» 1886, № 37).

Въ Олонскомъ училищѣ, Иркутской губ., нерѣдко случалось, что въ школѣ не бывало ни чернилъ, ни мѣла, ни линеекъ (Сибирь, 1885 г., № 6).

IX.

Общіе расходы по содержанію училищъ представляются въ слѣдующемъ видѣ [1]):

[1]) Въ Томской губерніи цифры относятся къ 1 Янв. 1886 г., по В. Сибири

Источники содержанія.

Губерніи.	Крестьяне.	Инородцы.	Казна.	Част. средст.	Поч. блюстит.	Итого.
Томская . . .	53,699 р.	—	—	1,497	—	55,196
Енисейская. .	13,708 р.	1,126	930	797	—	16,561
Иркутская. . .	19,439 р.	6,673	1,695	3,330	889	32,026
Забайкальская.	16,023 р.	3,737	7,095+4,010	620	—	31,485
Якутская. . .	400 р.	11,520	—	—	—	11,920

Изъ этой таблицы видно, что почти вся тяжесть содержанія училищъ падаетъ на крестьянство. Только въ одной Забайкальской области казна на этотъ предметъ отпускаетъ 11,105 р., немножко больше 1/3 всей суммы. Въ Томской и Якутской области она не даетъ ни копѣйки, въ Енисейской губ. на ея иждивеніи находится только одна школа при Троицкомъ солеваренномъ заводѣ въ Канскомъ округѣ [2]).

Въ Иркутской губер. матеріальная сторона школьнаго дѣла находится въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи. Средній бюджетъ училища по губерніи равнялся въ 1881 г.—712 рублямъ. Въ Балаганскомъ округѣ—867 р. и въ Киренскомъ—581 р. Минимальный бюджетъ для школы по губерніи, падающій на Киренскій округъ, былъ 355 р.

Въ Енисейской губ. средній бюджетъ былъ 447 руб.; въ Минусинскомъ округѣ онъ составлялъ 504 р. и въ Енисейскомъ—285 р. Затѣмъ слѣдуетъ Забайкальская область, въ которой 1 школа обходится въ 423 руб. Въ сравнительно лучшихъ условіяхъ находится Селенгинскій округъ, гдѣ средній бюджетъ училища достигалъ 480 р.; послѣднее мѣсто занимаетъ Баргузинскій округъ, гдѣ онъ равнялся всего 335 р.

На содержаніе нѣкоторыхъ школъ Селенгинскаго и Верхнеудинскаго

къ 1 Янв. 81 г. Въ 1884 г. съ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губ. сходило на этотъ предметъ 36,878 р., въ Енисейской губ. 16,474 р. и въ Забайкальской обл. 28,203, изъ которыхъ 6,580 р. на 3 двухклассныхъ училища, т. е. почти тѣ-же самыя суммы, какъ и въ 1881 г. По Якутской области нами приведены общія суммы, отпускаемыя какъ на содержаніе училища, такъ и на содержаніе пансіонеровъ, ибо только такія и проставлены въ «Памятной Книжкѣ» Вост. Сибирскаго учеб. округа, откуда мы заимствовали эти свѣдѣнія.

2) Министерство Народ. Просвѣщ. ежегодно препровождаетъ 2,000 р. въ распоряженіе гл. инспектора училищъ В. Сибири на вспомоществованіе школамъ и учителямъ.

окр. отпускается отъ 100 до 200 руб. въ годъ. Въ Якутской области содержаніе одной школы стоитъ всего 412 р.

Средній бюджетъ школы въ Томской губ.—345 руб.; въ Кузнецкомъ округѣ—483 и въ Каинскомъ 228 р.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о школьныхъ бюджетахъ сгруппированы нами въ слѣдующей таблицѣ [3]):

ОКРУГА.	Среднее.	minimum.	maximum.	ОКРУГА.	Среднее.	minimum.	maximum.
Кузнецкій	483	—	—	Балаганскій	867	420	1,340
Бійскій	363	—	—	Верхоленск.	737	530	960
Маріинскій	351	—	—	Иркутскій	731	460	1.000
Томскій	348	—	—	Нижнеудинск	633	540	785
Барнаульск.	299	—	—	Киренскій	581	355	1,000
Каинскій	228	—	—				
				Селенгинскій	480	150	696
Минусинск.	504	150	760	Нерчин.-Завод.	478	300	1,400
Канскій	503	240	760	Троицкосав.	444	350	643
Ачинскій	414	255	500	Нерчинскій	428	392	462
Красноярск.	381	200	760	Читинскій	412	250	774
Енисейскій	285	189	420	Акшинскій	399	280	442
				Верхнеудинскій	341	100	650
Якутскій	412	214	744	Баргузинскій	335	300	385

Сборы на содержаніе школъ обыкновенно идутъ со всей волости. Всѣ сельскія общества, входящія въ составъ данной волости, обязательно участвуютъ въ раскладкѣ по содержанію училища. Вслѣдствіе этого обстоятельства въ нѣкоторыхъ округахъ Томской губ. и коегдѣ въ Восточной Сибири выработался довольно своеобразный способъ комплектованія училищъ, а именно каждое сельское общество обязано поставить для школы одного ученика. Такъ какъ въ этомъ случаѣ большинству учениковъ поневолѣ приходится жить внѣ дома, то общества выдаютъ отцамъ ихъ нѣкоторую сумму на содержаніе «рекрутовъ» образованія.

Въ Барнаульскомъ округѣ обыкновенно платятъ отъ 15 до 30 р., въ Якутской области отъ 50 до 100 руб.

Подобный способъ пополненія училищъ совершенно не достигаетъ

[3]) При вычисленіи среднихъ бюджетовъ школъ мы выключали нѣкоторыя училища, черезчуръ отличныя по суммѣ содержанія отъ общаго уровня. Такъ въ Забайкальской обл. выключили Александровское и Ундинское двухклассныя училища, а въ Енисейской губ.—Троицкое.

цѣли и на практикѣ ведетъ къ крайне ненормальнымъ явленіямъ. Для большинства крестьянъ посылка дѣтей въ школу на сторону крайне обременительна; и вотъ въ училище посылаются совсѣмъ крохотные ребятишки, которые не могутъ помочь дома по хозяйству, сплошь и рядомъ практикуется «наемка» дѣтей, въ особенности среди раскольничьяго населенія, которое вообще враждебно относится къ образованію, предлагаемому правительствомъ. На съѣздѣ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ Томской губ., бывшемъ въ февралѣ 1884 г., былъ констатированъ слѣдующій, весьма грустный фактъ: въ число учениковъ одной школы былъ помѣщенъ совершенный идіотъ, который, какъ оказалось, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переходилъ изъ одного училища въ другое, избавляя тѣмъ самымъ разныя общества отъ постановки новыхъ рекрутовъ просвѣщенія. Мѣстная волостная аристократія посылаетъ своихъ сыновей въ школу гуртомъ, отнюдь не стѣсняясь ихъ возрастомъ, чтобы такимъ образомъ обезпечить ихъ пропитаніе.

Въ инородческихъ училищахъ Иркутской губ. и Якутской области ученики содержатся на общественный счетъ, и такъ какъ ученическихъ квартирахъ при школахъ почти нигдѣ нѣтъ, то мальчики отдаются на содержаніе съ торговъ. Подряды эти обыкновенно берутся людьми зажиточными и мѣстными властями и затѣмъ въ свою очередь сдаются за гораздо меньшую плату людямъ неимущимъ. Можно себѣ представить, что приходится испытывать бѣднымъ ребятишкамъ при такой постановкѣ дѣла.

X.

Въ Томской губ. въ 1881 г. изъ 3,515 учащихся въ сельскихъ школахъ окончило курсъ 304 чел., выбыло до окончанія его 822 ч., что составляетъ $8,_6$% и $22,_4$% общаго числа учащихся.

Для всѣхъ начальныхъ училищъ Восточной Сибири, включая сюда и городскія, мы имѣемъ слѣдующія данныя, выраженныя нами въ процентахъ:

1880 г.	оконч. кур. съ	5,9%,	выб. до оконч.	27,6%
1881 г.	» » »	5,6%	» »	25,9%
1882 г.	» » »	6,1%	» »	—
1883 г.	» » »	7,5%	» »	25,2%
1884 г.	» » »	6,5%	» »	20,7%
1885 г.	» » »	7,6%	» »	20,7%

Процентное отношеніе окончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ Томской губ. въ полтора раза больше, чѣмъ во всѣхъ начальныхъ училищахъ Восточной Сибири. По отношенію къ окончившимъ курсъ въ сельскихъ школахъ разница эта должна быть еще значительнѣе, такъ какъ процентъ окончившихъ въ городскихъ училищахъ всегда нѣсколько выше, чѣмъ въ сельскихъ.

Распредѣленіе окончившихъ курсъ и выбывшихъ до окончанія его по губерніямъ и округамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ [4]):

Губерніи и округа.	Число учащихся.	Число вышедшихъ: до окон. курса.	по окон. курса.	% первыхъ.	% вторыхъ.
Томскій	883	220	74	24,9	8,4
Маріинскій	763	176	57	23,1	7,5
Каинскій	432	83	59	19,1	13,6
Барнаульскій	420	70	45	16,7	10,7
Кузнецкій	301	86	26	28,6	8,6
Бійскій	359	111	17	30,9	4,7
Горнозавод. школы	327	76	27	23,2	8,3
по губерніи	3,515	882	304	22,4	8,6
Красноярскій	201	36	14	17,9	7,0
Канскій	244	55	21	22,5	8,6
Ачинскій	172	27	7	15,7	4 1
Минусинскій	464	59	3	12,7	0,6
Енисейскій	109	12	0	11,0	0,0
по губерніи	1,190	189	46	15,9	3,9
Иркутскій	1,030	166	70	16,1	6,8
Балаганскій	661	191	45	29,0	6,8
Верхоленскій	235	49	1	20,8	0,4
Нижнеудинскій	377	96	17	25,5	4,8
Киренскій	264	47	9	17,8	3,4
по губерніи	2,567	549	142	21,4	5,5
Забайкальск. обл.	2,330	512	154	22,0	6,6
Якутская обл.	317	58	42	18,3	13,2

Въ Томской губ. первое мѣсто по успѣхамъ занимаетъ Каинскій окр., гдѣ окончившихъ курсъ считалось 13,6%, послѣднее же без-

[4]) Для Томской губерніи цифры взяты за 1881 г., для Вост. Сибири за 1884 г. Къ сожалѣнію, только по Томской и Енисейской губ. онѣ относятся исключительно къ сельскимъ школамъ, по Иркутской губ. и двумъ областямъ по всѣмъ одноклассньмъ и приходскимъ училищамъ вообще.

порно Бійскій, такъ какъ окончившихъ въ немъ числилось 4,₇%, почти вдвое меньше средняго по губерніи, а выбывшихъ до окончанія 30,₉%—больше, чѣмъ въ каждомъ изъ остальныхъ округовъ.

Въ Енисейской губ. процентъ окончившихъ курсъ слишкомъ вдвое меньше, чѣмъ въ Томской губ.

Въ 1884 г. въ 40 сельскихъ школахъ съ 1,190 учащимися окончившихъ курсъ считалось 46; въ 7 одноклассныхъ городскихъ съ 351 учениками—64. Въ 1881 г. успѣхи учащихся въ сельскихъ школахъ были еще неудовлетворительнѣе—такъ изъ 1,203 учениковъ во всѣхъ одноклассныхъ приходскихъ школахъ окончило курсъ всего 65 чел.

Въ Иркутской губ. въ 1884 г. окончившіе курсъ въ сельскихъ школахъ составляли около 4,₅%. Мы такъ думаемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Въ 1880—81 учебн. году въ 7 городскихъ начальныхъ училищахъ съ 301 учен. окончило курсъ 64, а въ 33 сельскихъ изъ 950 только—61 чел. Такимъ образомъ изъ общаго числа окончившихъ курсъ на долю городскихъ училищъ приходится 51,₂%. Въ 1881—82 уч. г. въ городскихъ школахъ окончило курсъ 62 чел., а въ сельскихъ всего 50, т. е. 55,₄% и 44,₆%. Принимая число учащихся въ сельскихъ школахъ губерніи въ 1881 году около 1,500 и окончившихъ курсъ около 70, получаемъ какъ разъ 4,₆%.

Итоги народнаго образованія въ Иркутской губ. по округамъ видны изъ прилагаемой таблицы:

$18^{80}/_{81}$ уч. г.	Число школъ, гдѣ были окон. курсъ.	Число учащихся.	Числ. являв. къ испытан.	Число оконч. курсъ.	$18^{81}/_{82}$ уч. г.	Число школъ, гдѣ были окон. курсъ.	Число учащихся.	Числ. являв. къ испытан.	Число оконч. курсъ.
Иркутскъ	4	171	50	49	Иркутскъ	4	174	52	48
его округъ . .	11	301	21	15	его округъ. . .	6	165	23	22
Балаганскъ. . . .	1	26	3	3	Балаганскъ. . . .	1	45	4	4
его округъ. . .	10	378	24	24	его округъ . .	4	135	13	13
Верхоленскъ. . .	1	45	4	4	Верхоленскъ. . .	—	—	—	—
его округъ . .	7	158	19	14	его округъ. . .	—	—	—	—
Нижнеудинскъ . .	1	59	11	8	Нижнеудинскъ . .	1	47	13	10
его округъ. . .	4	97	6	4	его округъ . .	3	71	9	6
Киренскъ	—	—	—	—	Киренскъ	—	—	—	—
его округъ. . .	1	16	5	4	его округъ . .	3	45	10	9

Въ Якутской обл. вліяніе городскихъ училищъ на общій процентъ окончившихъ курсъ особенно рѣзко, такъ какъ число послѣднихъ

очень невелико, а изъ 18 одноклассныхъ училищъ области 5 приходится на города.

Изъ отчетовъ главнаго инспектора училищъ Вост. Сибири видно, что обученіе якутъ въ школахъ идетъ крайне неуспѣшно. Русская рѣчь какъ то плохо дается якуту; правильное чтеніе съ надлежащимъ произношеніемъ и удареніемъ весьма рѣдко можно услышать въ школѣ, пониманіе же и мало-мальски связный пересказъ прочитаннаго встрѣчаются еще рѣже. Это очень легко объясняется тѣмъ, что якуты не видятъ большой надобности въ изученіи русскаго языка, ибо всѣ, начиная съ должностныхъ лицъ и кончая торговцами говорятъ съ ними по-якутски, и якутенку приходится слышать русскую рѣчь исключительно во время занятій въ школѣ.

Изученіе Закона Божія тоже идетъ весьма плохо, только по чистописанію и ариѳметикѣ и замѣчаются болѣе или менѣе удовлетворительные результаты.

Вотъ картинка съ натуры, иллюстрирующая успѣхи народной школы въ Якутской области.

— Знаешь ли Бога, вѣруешь ли въ него, спрашиваетъ ревизоръ ученика.

— Знаю и видѣлъ, отвѣчаетъ послѣдній.

— Когда видѣлъ?

— На прошедшей недѣлѣ проѣхалъ.

— Куда?

— Должно-быть, въ городъ.

Изумленный ревизоръ обращается къ учителю съ просьбой объяснить ему отвѣты мальчика и послѣ краткихъ переговоровъ на якутскомъ діалектѣ выясняется, что мальчишка на прошедшей недѣлѣ видѣлъ исправника, проѣзжавшаго мимо улуса въ городъ.

Вызывается другой ученикъ.

— Что у тебя во рту, спрашиваетъ ревизоръ. Ученикъ подходитъ къ экзаменатору, разѣваетъ ротъ и указывая на языкъ, говоритъ по якутски: «бу-баръ, вотъ что». (Сиб. 82 г., № 18).

XI.

Незначительные успѣхи народной школы зависятъ отъ многихъ причинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ въ самыхъ условіяхъ жизни массы крестьянства и могутъ быть устранены только вмѣстѣ съ измѣненіемъ этихъ условій, другія не имѣютъ съ ними непосредственной связи и поэтому болѣе преходящія по своему существу.

Начиная съ ранней весны, обыкновенно съ половины апрѣля, ребятишки мало по малу перестаютъ посѣщать школу, такъ какъ съ этого времени наступаетъ пора полевыхъ работъ, въ которыхъ и они принимаютъ самое дѣятельное участіе. Все мужское населеніе деревень днюетъ и ночуетъ въ полѣ на работѣ, дома остаются бабы да малолѣтки. И самому ребенку, привыкшему къ воздуху и труду, какъ то не сидится въ школѣ въ такое горячее время, его неотразимо манитъ къ себѣ жизнь на пашнѣ, полная труда и своеобразныхъ удовольствій; онъ такъ глубоко проникнутъ всей важностью предстоящихъ работъ, свое участіе въ нихъ онъ считаетъ настолько естественнымъ и необходимымъ, что все остальное, между прочимъ и школа, отодвигается на задній планъ. Объ отцахъ и говорить нечего; ихъ взглядъ на участіе дѣтей въ полевыхъ работахъ еще серьезнѣе. Если бы даже ребенокъ и захотѣлъ продолжать ученье въ школѣ, то отцы никогда этого не позволятъ. Начать съ того, что имъ дѣйствительно нужна помощь дѣтей, такъ какъ и для ребятъ въ это время найдется цѣлая уйма крайне необходимой и болѣе или менѣе соотвѣтствующей ихъ возрасту и силамъ работы; съ другой стороны, только при такомъ порядкѣ вещей можетъ выработаться изъ мальчика заправскій работникъ, съ огромной привычкой къ физическому труду и умѣньемъ сдѣлать всякую крестьянскую работу хорошо, а не какъ нибудь, и это мужикъ понимаетъ, какъ нельзя лучше.

Въ весьма значительной степени сокращается продолжительность учебнаго года—что, разумѣется, опять дурно отзывается на успѣхахъ учениковъ—благодаря тому обстоятельству, что лѣтнія каникулы растягиваются мѣсяцевъ на пять, и болѣе, такъ что ученики позабываютъ многое изъ пройденнаго и учителю приходится волей неволей тратить много времени на повтореніе задовъ. Оффиціальное начало новаго учебнаго года опять таки не совпадаетъ съ фактическимъ началомъ классныхъ занятій; оффиціально школы должны открываться съ извѣстнаго числа, назначеннаго учебнымъ начальствомъ, въ дѣйствительности же ученье начинается гораздо позже, такъ какъ большинство учениковъ поступаетъ въ школу только по окончаніи полевыхъ работъ.

Не одновременное поступленіе учениковъ въ училище ведетъ за собой то, что учителю вмѣсто обычныхъ трехъ отдѣленій, сплошь и рядомъ приходится заниматься съ пятью, шестью группами, такъ какъ поступившіе спустя долгое время послѣ начала классныхъ занятій не могутъ уже догнать своихъ товарищей, и ихъ необходимо выдѣлить въ особую группу или даже нѣсколько группъ, если они

не находятся въ одномъ отдѣленіи. Ясно, что занятія съ такимъ числомъ отдѣленій должны крайне затруднять учителя и въ большей или меньшей степени, смотря по его опытности и умѣнію распоряжаться своимъ временемъ, неблагопріятно отзываться на успѣхахъ дѣтей. Желая устранить подобную неурядицу, министерство народнаго просвѣщенія предложило учителямъ относить начало классныхъ занятій ко времени окончанія полевыхъ работъ. Это распоряженіе однако очень мало измѣняетъ сущность дѣла, такъ какъ крестьяне кончаютъ свои земледѣльческія работы не въ одно время, одни управляются раньше, другіе позже, и ученики всетаки поступаютъ въ школу въ разные сроки.

Дожидаться, пока соберутся всѣ ученики—нельзя, такъ какъ, не занимаясь обученіемъ освободившихся ребятишекъ, учитель рискуетъ навлечь на себя массу нареканій со стороны крестьянъ. И дробленіе учащихся на пять, шесть отдѣленій продолжаетъ существовать по прежнему. Манкированіе учениками уроковъ признается главн. инспекторомъ училищъ одной изъ самыхъ важныхъ причинъ малоуспѣшности учащихся. Въ свою очередь это является, по его мнѣнію, прямымъ послѣдствіемъ небрежнаго отношенія къ школѣ, какъ самихъ дѣтей, такъ и ихъ родителей.

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. главнаго инспектора относительно крайне неблагопріятнаго вліянія подобныхъ пропусковъ, число которыхъ въ году весьма значительно, мы полагаемъ, что онъ ошибочно объясняетъ причину этого печальнаго вліянія. Въ самомъ дѣлѣ, хотя зимнія работы не такъ спѣшны и сложны, какъ лѣтнія, хотя онѣ и не требуютъ постояннаго, усиленнаго труда всѣхъ членовъ семьи, тѣмъ не менѣе и зимой сплошь и рядомъ отцамъ встрѣчается необходимость въ помощи сыновей подростковъ. И вотъ ученикъ то и дѣло отрывается отъ своихъ занятій въ школѣ, чтобы помочь отцу сдѣлать что нибудь по хозяйству; сегодня надо ѣхать съ отцемъ въ лѣсъ по дрова, черезъ нѣсколько времени мальчишка помогаетъ ему вывозить сѣно домой, тамъ смотришь, еще что нибудь подвернется и т. д. Иногда же ребенокъ и радъ бы пойти въ школу и работы дома нѣтъ никакой, да идти не въ чемъ, сказывается нехватка въ какихъ нибудь необходимыхъ принадлежностяхъ незатѣйливаго мужицкаго туалета: нѣтъ валенокъ или теплой одежды.

XII.

Въ ряду причинъ, имѣющихъ вредное вліяніе на состояніе учебнаго дѣла въ деревнѣ,—но не связанныхъ непосредственно съ усло-

віями крестьянской жизни, первое мѣсто занимаетъ крайне неудовлетворительный составъ учительскаго персонала. Такъ, во всѣхъ начальныхъ училищахъ Восточной Сибири, включая сюда и городскія, въ 1880 году—изъ 209 преподавателей и преподавательницъ только 68 окончило курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, что составляетъ всего $32,_5\%$; имѣющихъ званіе начальныхъ учителей и учительницъ считалось 82, или 39%, и наконецъ, не имѣющихъ этого званія, т. е. не имѣющихъ даже права преподавать въ начальныхъ школахъ 59 или $28,_3$. Такъ какъ въ Восточной Сибири есть двѣ учительскихъ семинаріи, одна въ Красноярскѣ, другая въ Иркутскѣ, то естественно было бы ожидать, что составъ учителей съ теченіемъ времени будетъ улучшаться, тѣмъ болѣе, что возрастаніе числа школъ идетъ чрезвычайно медленно. Къ сожалѣнію, печальная дѣйствительность не оправдываетъ и такихъ, казалось бы, вполнѣ основательныхъ надеждъ. Въ 1881 году число учителей первыхъ двухъ категорій абсолютно и относительно уменьшилось, именно: окончившихъ курсъ въ въ семинаріи было всего 58, или $27,_6\%$, имѣющихъ званіе начальныхъ учителей и учительницъ считалось 71, или $33,_8\%$, число же не имѣющихъ этого званія возросло до 81, или $38,_5\%$.

Въ однихъ только сельскихъ школахъ Восточной Сибири въ 1880 г. окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ было 55, т. е. $30,_9\%$, имѣющихъ званіе начальныхъ учителей 74, т. е. $41,_6\%$, и не имѣющихъ его 49, или $27,_5\%$.

Какіе могутъ быть успѣхи въ школѣ, когда такой значительный процентъ учителей не только не обладаетъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ и знакомствомъ съ новѣйшими методами преподаванія, но даже не можетъ похвастаться твердымъ знаніемъ русской грамоты?

Небрежное отношеніе законоучителей къ своему дѣлу вліяетъ на успѣхи школы въ такомъ же направленіи. Всякій законоучитель прекрасно знаетъ, что какъ бы ни сошелъ у него экзаменъ по закону Божію, онъ всетаки останется на своемъ мѣстѣ и по прежнему будетъ преподавать въ школѣ, получая за это свое, правда не Богъ знаетъ какое, вознагражденіе, обыкновенно отъ 25 до 100 руб. въ годъ. Не станетъ же въ самомъ дѣлѣ епархіальное начальство переводить его за такую бездѣлицу въ другое село. Предоставленные вполнѣ самимъ себѣ, законоучители очень рѣдко добросовѣстно ведутъ преподаваніе, что, разумѣется, не мало зависитъ отъ характера ихъ прямыхъ обязанностей, очень часто непредвидѣнныхъ и неотложныхъ. Въ школу являются они изрѣдка и обыкновенно не въ назна-

ченное для этого время. Учителямъ приходится оставлять свои занятія и уступать свое мѣсто священнику; мальчики, не ожидая его, не приготовляютъ своихъ уроковъ по Закону Божію — при такихъ условіяхъ трудно ждать сколько нибудь сносныхъ успѣховъ по этому предмету.

Нѣкоторые законоучители поступаютъ еще проще: они совсѣмъ не ходятъ въ школу. Въ мѣстныхъ газетахъ очень часто попадаются извѣстія въ такомъ родѣ: «мѣстный священникъ по прежнему не считаетъ нужнымъ посѣщать школу», или «несмотря на внушеніе свыше, законоучитель почти не занимается въ школѣ преподаваніемъ Закона Божія». Во многихъ школахъ, вопреки положенію, преподаваніе Закона Божія лежитъ фактически на тѣхъ же учителяхъ, которые, не получая за это никакого вознагражденія, ведутъ свое дѣло спустя рукава.

Крайне несостоятельная организація инспекціи народныхъ училищъ тоже имѣетъ нѣкоторое значеніе въ этомъ отношеніи.

Въ Томской губерніи и по всей Восточной Сибири, за исключеніемъ Забайкальской области, во главѣ надзора за ходомъ учебнаго дѣла стоятъ директора губернскихъ гимназій или прогимназій; ближайшими и единственными помощниками ихъ являются штатные смотрители уѣздныхъ училищъ. На цѣлую губернію приходится одинъ директоръ училищъ и нѣсколько инспекторовъ, смотря по числу уѣздныхъ училищъ въ губерніи. Такъ какъ все это люди занятые, у которыхъ исполненіе прямыхъ обязанностей отнимаетъ много времени, то весьма естественно, что контроль надъ педагогической дѣятельностью сельскихъ учителей сводится почти къ нулю. О директорахъ училищъ нечего и говорить; сельскія школы никогда не видятъ ихъ, даже не всѣ городскія начальныя училища удостоиваются ихъ посѣщенія; дѣятельность инспекторовъ тоже немногимъ плодотворнѣе. Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей ихъ является присутствіе при окончательныхъ экзаменахъ въ сельскихъ школахъ и выдача окончившимъ курсъ ученикамъ свидѣтельствъ на льготу по воинской повинности; но даже и на это у инспекторовъ не хватаетъ ни времени, ни средствъ: имъ никогда не удается хотя бы по разу въ годъ побывать во всѣхъ сельскихъ училищахъ подвѣдомственнаго имъ района. Это обстоятельство прямо вліяетъ на число окончившихъ курсъ, ибо частенько ученики выбываютъ изъ училища, не дождавшись посѣщенія инспектора, а затѣмъ на слѣдующій годъ не являются на окончательныя испытанія, а если и являются, то обыкновенно не выдерживаютъ ихъ.

Впрочемъ, было бы несправедливо обвинять въ этомъ исключи-

тельно однихъ штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, такъ какъ на посѣщенія сельскихъ школъ имъ полагается всего 60 р. въ годъ, на которые, въ Сибири особенно, далеко не уѣдешь.

Хотя въ Забайкальской области и имѣется особый инспекторъ начальныхъ училищъ, но что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ для такой громадной области, какъ Забайкальская, при почти полномъ отсутствіи путей сообщенія? Даже при желаніи добросовѣстно выполнять свои обязанности, инспекторъ училищъ рѣшительно не въ состояніи сдѣлать это, такъ какъ подобная работа значительно превышаетъ силы одного человѣка. Къ тому же областной инспекторъ вмѣстѣ съ тѣмъ завѣдуетъ женскою читинской прогимназіей и состоитъ непремѣннымъ членомъ воинскаго правленія по всѣмъ дѣламъ, касающимся школьнаго дѣла въ области.

Отсутствіе надлежащаго контроля ведетъ къ тому, что учителя имѣютъ полную возможность манкировать исполненіемъ своихъ обязанностей и вести дѣло преподаванія спустя рукава.

Само собой разумѣется, что это не можетъ не отражаться на успѣхахъ народной школы въ дурную сторону.

XIII.

Выше мы уже коснулись того, насколько подготовленными къ преподавательской дѣятельности являются учителя народныхъ школъ въ Сибири; разсмотримъ теперь этотъ вопросъ болѣе обстоятельнымъ образомъ.

Въ Енисейской губ. нѣтъ ни одного учителя, не имѣющаго права на преподаваніе въ начальныхъ школахъ; 74% получили спеціальное образованіе въ мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ. Въ Иркутской губ. дѣло обстоитъ значительно хуже. Окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ считалось 38%, имѣющихъ званіе начальныхъ учителей и учительницъ 43% и не имѣющихъ таковаго 19%. Въ Забайкальской области учителей, окончившихъ курсъ въ семинаріяхъ, числилось только 14%, имѣющихъ званіе начальныхъ учителей 34% и не имѣющихъ его 52%. Въ Якутской области учителя, получившіе спеціальное образованіе, составляли 15%, всѣ остальные имѣли право на преподаваніе въ начальныхъ школахъ. Къ сожалѣнію, степень образовательнаго ценза учителей и учительницъ Томской губ. намъ неизвѣстна—по всей вѣроятности, онъ, однако, нѣсколько выше, чѣмъ вообще по Восточной Сибири. Мы думаемъ такъ потому, что учительницы въ Томской губ. составляютъ 43% общаго

числа преподавателей и почти всѣ онѣ кончили курсъ женскихъ прогимназій и гимназій. Въ Восточной Сибири учительницъ вообще гораздо меньше, чѣмъ въ Томской губ., въ Иркутской губ. ихъ считалось 19%, въ Забайкальской области 14%, а въ Енисейской губ. и Якутской области ихъ вовсе не было.

Личный составъ преподавателей народныхъ училищъ до такой степени плохъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Восточной Сибири, что не удовлетворяетъ даже очень скромныхъ требованій самихъ крестьянъ. Въ 1882 г. учебное начальство обратилось къ волостнымъ сходамъ Киренскаго округа съ предложеніемъ объ увеличеніи жалованья учителямъ по крайней мѣрѣ до 360 руб. въ годъ. Приводимъ выдержки изъ волостныхъ приговоровъ, составленныхъ въ отвѣтъ на это предложеніе. ...«Мѣстное населеніе, видя пользу для себя, безъ сомнѣнія приметъ мѣры, зависящія отъ него, къ болѣе выгодному обезпеченію учителей въ матеріальномъ отношеніи, конечно, смотря по тому, насколько поднимется образованіе молодыхъ людей съ настоящимъ ихъ образованіемъ и какъ отнесутся къ дѣлу сами преподаватели» (Петропавловская волость). ...«Несмотря на нашу бѣдность и безъ того уже стѣсненные разными расходами по малонаселенности нашей и другимъ причинамъ, мы вполнѣ сознаемъ необходимость и пользу образованія дѣтей нашихъ и никогда не прочь платить на дѣло образованія такую сумму, которая вполнѣ удовлетворяла бы нуждамъ и потребностямъ школы, но только въ такомъ случаѣ, если учитель вполнѣ будетъ оправдывать свое назначеніе. Если на нынѣшнемъ сходѣ и убавлено жалованье учителю О..., то собственно потому, что онъ полуграмотный и совершенно неспособный на дѣло образованія юношества. Въ этомъ мы убѣдились изъ того, что мальчики, 10—11 лѣтъ, въ теченіе пятилѣтней службы О... не только не пріучены хорошо писать, но и свободно читать» (Карапчанская вол.). «Населеніе не охотно отдаетъ дѣтей своихъ въ училище, а болѣе старается обучать ихъ при своихъ домахъ; что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ назадъ тому мы не видимъ отъ своихъ дѣтей подвиговъ грамотности, обучающихся въ училищѣ, а обучающіеся при домахъ родителей болѣе оказываются грамотными; о причинахъ къ этому объяснить не можемъ» (Нижнеимемская вол.). ...«Въ теченіе какихъ нибудь 3—4 мѣсяцевъ частные преподаватели успѣвали дать обучающимся познаній столько, сколько въ приходскомъ училищѣ такіе же мальчики достигали не ранѣе года. Очевидно, это слѣдствіе выбора недостаточно подготовленныхъ учителей. Во всякомъ случаѣ крестьяне не согласятся увеличить жалованья, пока не убѣдятся въ доста-

точной грамотности ихъ дѣтей» (Макаровская вол. Вост. Обозр. 1883 г. № 26).

Выдержки эти въ высшей степени ярко обрисовываютъ симпатичное отношеніе крестьянъ къ школѣ. Объ индифферентизмѣ нѣтъ и помина; напротивъ, видно, что крестьяне очень интересуются результатами обученія своихъ дѣтей и не прочь, по мѣрѣ силъ и возможности, увеличить жалованье учителю, лишь бы только вышелъ изъ этого какой нибудь толкъ.

Благодаря плохому составу преподавателей, сплошь и рядомъ случается, что казенная школа пустуетъ и обученье ребятъ идетъ на домахъ частнымъ образомъ. Можно судить о томъ, насколько пригодны для своего дѣла учителя въ родѣ киренскихъ, если крестьяне предпочитаютъ имъ какого нибудь грамотѣя-поселюгу.

Экономическое положеніе народныхъ учителей въ Сибири не очень завидное. Мы уже видѣли, насколько неудовлетворительны школьныя помѣщенія въ гигіеническомъ отношеніи. Одна комната, въ училищномъ помѣщеніи, очень рѣдко двѣ, и отводится обыкновенно учителю подъ квартиру. Отопленіе поставляется обществомъ натурой и при томъ крайне неаккуратно. Въ Иркутской губ. и Якутской об. всѣ учителя безъ исключенія имѣютъ квартиры при училищахъ; въ Енисейской губ. 58% учителей не имѣютъ даровыхъ квартиръ, а въ Забайкальской об. 20%. Очень часто случается, что наименѣе обезпеченные учителя какъ разъ не имѣютъ квартиръ; въ Енисейской губ., напр., не имѣютъ, между прочимъ, квартиръ три учителя, получающіе 114, 120 и 180 руб. въ годъ, въ Забайкальской об. четыре съ годовымъ окладомъ въ 100, 150, 163 и 175 руб. Въ Нерчинскомъ и Нерчинско-заводскомъ округахъ учителямъ выдаются на руки квартирныя деньги, въ размѣрѣ отъ 12 до 70 руб. въ годъ, смотря по степени щедрости крестьянскихъ обществъ. Степень экономической обезпеченности, или вѣрнѣе, необезпеченности народныхъ учителей въ В. Сибири видна изъ прилагаемой таблицы.

ОКРУГА.	Среднее жалов. учителю.	Maximum.	Minimum.
Красноярскій	203	300	100
Канскій	283	360	180
Ачинскій	225	300	120
Минусинскій	286	360	150
Енисейскій	211	300	160
Итого по губ.	254	360	100
Иркутскій	315	400	180
Балаганскій	310	450	180
Верхоленскій	398	500	240
Нижнеудинскій	328	360	300
Киренскій	368	655	245
Итого по губ.	335	655	180

ОКРУГА.	Среднее жалов. учителю.	Maximum.	Minimum.
Верхнеудинскій	218	300	100
Селенгинскій	248	360	120
Читинскій	243	300	170
Баргузинскій	300	300	300
Акшинскій	300	300	300
Троицкосавскій	310	360	300
Нерчинскій	304	360	300
Нерчинско-Заводск.	342	700	300
Итого по обл.	284	700	700
Якутскій	235	300	180
Олекминскій	284	284	284
Витюйскій	300	300	300
Итого по обл.	259	300	180

Въ Иркутской губ. матеріальное положеніе народныхъ учителей наиболѣе обезпеченное, хотя всетаки благодаря дороговизнѣ на продукты первой необходимости и всѣ привозные товары его нельзя считать вполнѣ удовлетворительнымъ. Среднее жалованье по губерніи равнялось 335 руб. въ годъ; только въ Иркутскомъ и Балаганскомъ округахъ были учителя съ содержаніемъ 180 руб. въ годъ. Далѣе слѣдуетъ Забайкальская об., гдѣ учительское жалованье въ среднемъ составляло 284 руб. въ годъ. Въ Верхнеудинскомъ, Селенгинскомъ и Читинскомъ округахъ положеніе учителей менѣе обезпеченное, чѣмъ въ остальныхъ пяти; нѣкоторые изъ учителей получаютъ отъ 100 до 170 руб. въ годъ, въ прочихъ же округахъ minimum жалованья равнялся 300 руб. Въ Енисейской губ. трудъ учителей вознаграждается еще скуднѣе, чѣмъ въ Забайкальской об. Красноярскій, Енисейскій и Ачинскій окр. находятся въ сравнительно худшихъ условіяхъ, чѣмъ Канскій и Минусинскій; во всѣхъ округахъ имѣются учителя, получающіе совершенно нищенское содержаніе. Въ Якутскомъ окр. есть школа, гдѣ учитель получаетъ 180 руб. и это при такой страшной дороговизнѣ, какая существуетъ въ Якутской об. Въ Томской губ. учителя и учительницы получаютъ отъ 200 до 250 руб. въ годъ.

Само собой разумѣется, что невозможно требовать отъ человѣка, получающаго какихъ нибудь 100—200 руб. жалованья за такой не-

легкій трудъ, какимъ несомнѣнно является трудъ учительскій, чтобы онъ все свое время отдавалъ школѣ. Невозможно уже потому, что учителю въ такомъ случаѣ приходится заработывать деньги еще какими нибудь приватными занятіями. Если учитель въ ладахъ съ волостнымъ начальствомъ, то еще довольно легко можетъ найти кое-какую письменную работу въ волости, если же не въ ладахъ, такъ и живи, какъ знаешь, впроголодь, на одно жалованье. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ учитель получаетъ очень маленькое жалованье, наиболѣе достаточные изъ крестьянъ обыкновенно приплачиваютъ ему за обученіе своихъ дѣтей отъ 50 коп. до 1 руб. въ мѣсяцъ. Субсидіи эти—вещь весьма щекотливаго свойства. Не отказываясь отъ нихъ, учитель этимъ самымъ какъ бы принимаетъ на себя обязательство заниматься съ дѣтьми достаточныхъ крестьянъ болѣе серьезнымъ образомъ, чѣмъ со всѣми другими, ибо именно съ такой цѣлью и даются полтины и рубли, безъ которыхъ учитель былъ бы поставленъ въ довольно безвыходное положеніе

XIV.

Общественное положеніе учащихъ еще менѣе удовлетворительно, чѣмъ экономическое. Въ волости—въ Восточной Сибири громадное большинство народныхъ школъ сосредоточивается въ этихъ административныхъ пунктахъ—всегда выдѣляется изъ общей среды особый кружокъ лицъ, которыя и представляютъ изъ себя мѣстную «аристократію». Обычный составъ этого кружка почти вездѣ одинъ и тотъ же; въ большинствѣ случаевъ въ составъ его входятъ засѣдатель, волостное начальство, мѣстные богатѣи-кулаки, а иногда и священникъ. Кружокъ этотъ сплоченъ довольно тѣсно, всѣ члены его крѣпко держатся другъ за друга, такъ какъ взаимные интересы ихъ очень близко соприкасаются между собой. Аристократія эта не считаетъ какого нибудь учителишку ровней для своей компаніи, она вполнѣ увѣрена, что оказываетъ ему честь, удостоивая своимъ знакомствомъ. Развѣ можетъ учитель принимать у себя волостную аристократію и выпаивать ей разныхъ спиртныхъ напитковъ на нѣсколько десятковъ рублей въ одинъ вечеръ, развѣ онъ можетъ играть въ винтъ по $^1/_{10}$, рискуя чуть не въ одну игру спустить все свое мѣсячное жалованье? Разумѣется, не можетъ. А волостная аристократія можетъ, и ясно, какъ день, что онъ долженъ дорожить знакомствомъ съ такими людьми, для которыхъ ничего не значитъ истратить 50—100 руб. въ одинъ вечеръ. Жить въ волости среди этой всемогущей клики и не сдѣ-

латься ея прихлебателемъ, съумѣть поставить себя по отношенію къ ней въ такое положеніе, чтобы сохранить собственное достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ не навлечь на себя тысячи мелкихъ непріятностей, которыя въ конецъ отравятъ всю жизнь—дѣло весьма не легкое, а для молодаго человѣка, только что сошедшаго съ школьной скамьи, почти невозможное.

Нравственная физіономія волостной аристократіи не особенно симпатична. Грязныя дѣла, безпутное времяпрепровожденіе—вотъ основной фонъ жизни этого кружка. Если учитель держится инаго образа мыслей на счетъ употребленія свободнаго отъ занятій времени, уклоняется отъ постояннаго участія въ попойкахъ и оргіяхъ мѣстныхъ воротилъ, или, чего Боже избави, неодобрительно отзовется о какой нибудь мошеннической продѣлкѣ одного изъ членовъ кружка —противъ учителя немедленно открывается походъ. Военныя дѣйствія начинаются обыкновенно съ мелочей: то дровъ на отопленіе квартиры не даютъ, то задерживаютъ въ волостномъ правленіи жалованье по нѣсколько мѣсяцевъ и т. д. Не дѣйствуютъ эти средства, пускаются въ ходъ болѣе сильныя, уменьшаютъ учителю жалованье, выливаютъ на него цѣлые ушаты грязной сплетни и, наконецъ, какъ самое сильное и вѣрное средство, выдвигается на сцену политическій доносъ. Вообще, человѣкъ, не знакомый съ положеніемъ народныхъ учителей въ Сибири, не можетъ и представить себѣ, чего только не продѣлываетъ съ ними всемогущая въ своемъ районѣ волостная аристократія. Всякая мелкая сошка, чуть не сторожъ волостнаго правленія, и та смотритъ на учителя, какъ на своего подчиненнаго, котораго слѣдуетъ по возможности чаще разносить, чтобы онъ не задиралъ носа кверху.

Положеніе учительницъ еще хуже, чѣмъ учителей. Мотивы преслѣдованія учительницъ еще болѣе грязны, формы, въ которыхъ проявляется эта травля, очень часто возмутительны до глубины души.

Приводимъ факты, выбранные нами изъ сибирскихъ газетъ, которые служатъ прекраснымъ подтвержденіемъ справедливости высказаннаго нами мнѣнія о положеніи народныхъ учителей въ Сибири.

«Интересуясь народнымъ образованіемъ и посѣщая во время поѣздокъ по Западной Сибири и Семирѣчинской обл. народныя училища, я видѣлъ одну и ту же бѣдность, доходящую до крайнихъ предѣловъ, одну и ту же картину запустѣнія, приниженность учащаго люда, какой то непонятный страхъ и трепетъ передъ каждымъ чиновникомъ, а наипаче передъ своимъ учебнымъ начальствомъ. Изъ разговоровъ съ этими представителями умственнаго свѣта народа узнаешь о ихъ полнѣйшей беззащитности

и безправности, узнаешь, какъ по полугоду имъ не выдаютъ жалованья, какъ недовѣрчиво смотритъ начальство на всѣ ихъ жалобы и просьбы, какъ участь этихъ людей зависитъ отъ произвола станичнаго атамана, или волостнаго старшины, а то еще хуже отъ—писаря». (Вост. Обозр. 1886 г., № 30).

Волостной писарь села Николаевскаго, Томской губ., сосланный ранѣе въ Сибирь за разнаго рода мошенничества и подлоги, предложилъ мѣстной учительницѣ вступить съ нимъ въ любовную связь. Когда учительница съ презрѣніемъ отвергла это гнусное предложеніе, то волостной писарь подговорилъ сторожа высмолить окна и ворота дома, гдѣ жила учительница. (Вост. Обоз. 1883 г. № 52).

Изъ села Хабары, Барнаульскаго окр. пишутъ: «Нашъ юный пастырь о. Н — скій въ теченіе двухъ лѣтъ не перестаетъ преслѣдовать учительницу мѣстнаго училища. Первая вспышка гнѣва выразилась въ придиркахъ и выговорахъ, затѣмъ пошли всякаго рода гнусныя сплетни о якобы знакомствѣ учительницы съ дѣвушкой сомнительнаго поведенія... Благочестивый пастырь не оставляетъ своего гнѣва и въ храмѣ, гдѣ онъ однажды оскорбилъ учительницу словами, а въ другой разъ послѣ литургіи не далъ ей поцѣловать св. креста. Преслѣдованіе бѣдной учительницы началось изъ-за ея отказа удовлетворить сластолюбивыя предложенія мѣстнаго священника». (Сиб. Газ. 1883 г. № 28).

«Не вѣрю, читаемъ въ частномъ письмѣ преподавательницы Парабельскаго училища, что Т — ъ за 38 руб. купилъ въ новой деревнѣ почетное попечительство, не вѣрю, хотя и видѣла приговоръ своими глазами, и для сомнѣнія нѣтъ мѣста. Знаете ли вы, кто такой Т — ъ? Это до мозга костей... и къ тому же до отвращенія развратенъ. Въ 1883 г., на Пасхѣ, взвѣсивши и двадцать разъ обдумавши: подъ силу ли мнѣ будетъ бороться съ Т — ъ, пришла къ тому заключенію, что иначе нельзя и разъ навсегда попросила его прекратить свои посѣщенія... Нѣсколько разъ онъ ругалъ меня публично, но кромѣ презрѣнія не возбуждалъ въ моей душѣ ничего. Настроилъ волостныхъ выдрать бывшаго въ 1883 г. сторожемъ училища Г — я М — ва. Т — ъ зналъ, что мнѣ нельзя не понять, изъ-за кого будутъ драть ни въ чемъ неповиннаго М—ва, зная, что учительница не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла волости. Дозволить драть М—ва, или, вѣрнѣе, допустить такую несправедливость я не могла и, какъ умѣла, отстояла М—ва... Наняли поселенца П—ва, съ тѣмъ чтобы онъ писалъ на меня доносы, а второе, чтобы онъ влѣзъ въ окно ночью и устроилъ бы мнѣ отвратительный скандалъ... Всѣмъ и каждому приказали, чтобы отъ меня ни писемъ, ничего не брать и никуда не возить». (Сиб. Газ. 1885 г., № 41).

Вотъ копія съ доноса засѣдателя на учителя села Бѣльскаго Енисейской губ. и округа, который позволялъ себѣ критически относиться къ «дѣяніямъ» мѣстной аристократіи.

«Крестьяне Николай Сергѣевъ, Михаилъ Сергѣевъ (какъ разъ тѣ личности, съ которыми у учителя вышла исторія) и о. духовный Бѣльской церкви неоднократно обращались ко мнѣ съ жалобами на учителя Бѣльскаго училища Черепанова, жалуясь на крайне порочную его жизнь, что онъ не учитъ дѣтей и не занимается съ дѣтьми, такъ что они принуждены были отдавать своихъ дѣтей для ученья кому либо другому и отдали ссыльно-поселенцамъ по неимѣнію никого другаго. Наблюдая за Черепановымъ, дабы убѣдиться въ справедливости жалобъ, я убѣдился, что онѣ вполнѣ справедливы, и что Черепановъ нисколько не учитъ молодое поколѣніе, число которыхъ съ поступленіемъ его все дѣлается менѣе и менѣе, что, изъ прежде учившихся 30, осталось 4 или 3 человѣка (это чистѣйшая ложь; было 20, осталось 8 и то потому, что мѣстная аристократія нарочно взяла своихъ дѣтей изъ училища), что онъ, Черепановъ, положительно далекъ отъ пользы службы; можетъ породить своимъ ученіемъ не свѣтъ, а тьму въ молодое поколѣніе, и тьму вредную, ибо мало того, что онъ неспособенъ къ ученью, онъ ведетъ крайне порочный образъ жизни, а именно: во 1) часто временно, чуть не ежедневно, бываетъ пьянымъ; во 2) свелъ тѣсную дружбу съ государственными преступниками, вредное вліяніе которыхъ признано правительствомъ; въ 3) въ нравственномъ отношеніи много говоритъ не въ пользу его знакомство его со вдовою Безъизвѣстнаго, которому жителя знаютъ оцѣнку, и въ 4) я нынѣ на Рождествѣ только въ первый разъ увидѣлъ Черепанова у литургіи, а то не видалъ и не слыхалъ, чтобы онъ посѣщалъ церковь». (Сиб. Газ. 1882 г., № 28).

Черепановъ, получившій образованіе въ Красноярской учительской семинаріи, послѣ этого доноса былъ переведенъ въ другое мѣсто.

Въ 1886 г. одинъ изъ Сергѣевыхъ, фигурировавшихъ въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей въ доносѣ на Черепанова, ворвался какъ то въ квартиру сельскаго учителя и потребовалъ отъ него водки. Когда учитель наотрѣзъ отказался удовлетворить требованіе Сергѣева, то послѣдній схватилъ учителя за горло и сталъ бить его. (Сиб. Газ. 1886 г., № 4).

Изъ села Тинскаго, Канскаго окр., пишутъ, что благодаря проискамъ волостнаго писаря крестьяне уменьшили учителю жалованье на половину и прежнее школьное помѣщеніе, довольно большое и удобное, отвели подъ квартиру писарю. (Вост. Обозр. 1885 г., № 40).

Изъ села Покровскаго, Ачинскаго окр.:

«Кончившая только въ прошломъ году курсъ въ Красноярской женской гимназіи г-жа Ик—ина была опредѣлена учительницей нашего сельскаго училища. На первыхъ же порахъ она встрѣтила враждебное отношеніе со стороны волостнаго писаря, который предмѣстницу ея г-жу Але — кую заставилъ потерять мѣсто, называя ее соціалисткой. Тѣмъ же выходкамъ подвергается и г-жа Ик—ина, которую на дняхъ приход-

скій батюшка, другъ писаря, публично обозвалъ соціалисткой за то, что она не скрыла своего удовольствія по поводу удаленія волостнаго писаря отъ должности». (Сиб. Газ. 1884 г., № 7).

Изъ села Олонокъ Иркутской губ.: «г. К—ъ путемъ доноса добился смѣщенія бывшей ранѣе учительницы». Такъ какъ и вновь назначенному учителю г. К—нъ сталъ было платить жалованье залежалыми товарами изъ своей лавки, на что однако учитель не согласился, то корреспондентъ опасается, что и на новаго учителя посыпятся разные доносы. (Сибирь. 1884 г., № 46).

Изъ села Клепиково Балаганскаго окр.:

«Окончивъ два года тому назадъ всѣ восемь классовъ Иркутской женской гимназіи, г-жа Ш—на посвятила всѣ свои знанія и силы скромной дѣятельности учительницы въ нашей сельской школѣ, и благодаря преданности дѣлу, сразу завоевала себѣ любовь и уваженіе какъ своихъ учениковъ, такъ и большинства крестьянъ. Недовольными ею оказались только здѣшній лавочникъ и жена сельскаго писаря поселенца. Первому хотѣлось опредѣлить законоучителемъ въ школу на мѣсто священника своего друга и собутыльника, исключеннаго изъ 3 класса духовной семинаріи, дьячка, но на предложеніе Ш — ной сдѣлать объ этомъ отъ ея имени представленіе получилъ, разумѣется, рѣшительный отказъ. Писарша обидѣлась тѣмъ, что Ш—на не сдѣлала ей по пріѣздѣ визита... Чтобы не копаться въ этой грязи, скажу только, что результатомъ интригъ и подводовъ кулака, имѣющаго большое вліяніе на общественныя дѣла, было то, что Ш—ной безъ всякой причины уменьшили жалованье съ 40 руб. на 25. Что касается до писарши, то она стала систематически оскорблять учительницу при каждой встрѣчѣ на улицѣ, или въ частныхъ домахъ и, наконецъ, дошла до такой наглости, что когда 8 сентября Ш — на отправилась въ сопровожденіи учениковъ и учeницъ на прогулку, она выбѣжала на улицу и стала ругаться самой отборной площадной бранью, при чемъ обѣщала вымазать ей ворота дегтемъ, что и было ею исполнено 15 сентября. Г-жа Ш — на два раза жаловалась исправнику, но ничего путнаго не добилась. Крестьяне наконецъ возмутились всѣмъ этимъ, составили актъ и рѣшили собрать сходъ для увольненія писаря. (Сиб. Газ. 1886 г., № 45).

Въ Кударинскомъ училищѣ Забайкальской обл., благодаря доносу письмоводителя инородческой управы, былъ смѣщенъ учитель и на его мѣсто посажена дочь попа. (Сиб. Газ. 1882 г., № 40).

Изъ той же области:

«Положеніе учителя довольно беззащитное, такъ, напримѣръ, недавно старшій учитель Ачинскаго училища получилъ пощечину отъ думскаго письмоводителя, родственника мѣстнаго тайши, и нигдѣ защиты не получилъ». (Сибирь. 1883 г., № 50).

Такое положеніе вещей то и дѣло заставляетъ народныхъ учителей перемѣнять мѣста своей службы. То учитель самъ проситъ о переводѣ, думая найти болѣе благопріятную обстановку для своей дѣятельности, при чемъ очень часто мѣняетъ, какъ говорится, ястреба на кукушку, — то его перемѣщаютъ для пользы службы вслѣдствіе интригъ волостной аристократіи. Въ теченіе 1884 г. въ Енисейской губ. было 3 вновь назначенныхъ учителя и 11 перемѣщено изъ одной школы въ другую, въ Иркутской 5 назначено и 5 перемѣщено и въ Забайкальской обл. 12 вновь назначено и 8 переведено. Въ 1885 г. въ Енисейской губерніи первыхъ считалось 6 и вторыхъ 4, въ Иркутской 2 и 3 и въ Забайкальской обл. 8 и 12.

Само собой разумѣется, что такія частыя смѣны учителей довольно вредно отзываются и на успѣхахъ учащихся въ сельскихъ школахъ. Не успѣетъ учитель порядочно ознакомиться съ своими учениками, какъ обстоятельства заставляютъ его искать другаго мѣста. Нужно имѣть очень много энергіи и терпѣнія, чтобы вести это дѣло, при существующихъ условіяхъ деревенской жизни. Многіе не выдерживаютъ, стараются какъ нибудь перевестись въ городъ, а то и вовсе перемѣняютъ родъ своей дѣятельности. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, по всей вѣроятности, уменьшеніе числа народныхъ учителей, окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ народъ это все молодой и болѣе или менѣе образованный, и потому не такъ легко мирящійся съ условіями своей учительской дѣятельности въ деревнѣ.

П. Соловой.

УГОЛОВНО-ЧАСТНЫЙ ПОРЯДОКЪ ПРЕСЛѢДОВАНІЯ *).

Частные вопросы, вытекающіе изъ примѣненія законоположеній о производствѣ предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія и кончающихся примиреніемъ.

I.

Отсутствіе общихъ руководящихъ началъ, опредѣляющихъ дѣятельность слѣдователя по дѣламъ о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ частнаго обвиненія и кончающихся примиреніемъ, порождаетъ на практикѣ цѣлую серію вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ въ силу того обстоятельства, что вопросы эти не восходятъ въ кассаціонный сенатъ, крайне разнообразно, а порядокъ производства предварительнаго слѣдствія по дѣламъ этого рода блещетъ такой пестротою, которая исключаетъ всякое понятіе о единообразномъ примѣненіи законовъ, опредѣляющихъ порядокъ производства по этимъ дѣламъ.

Какъ извѣстно, всѣ дѣла о преступленіяхъ, указанныхъ въ примѣч. 1-мъ къ ст. 1496 и примѣчаніяхъ къ ст. 1534, 1539, 1548, 1605, 1625, 1664, 1675 и 1685 улож. о нак., начинаются не иначе, какъ по жалобѣ и могутъ оканчиваться примиреніемъ. Не касаясь пока преступленій, указанныхъ въ примѣч. къ ст. 1539, 1548, 1605, 1625, 1664, 1675 и 1685 улож. о нак., въ отношеніи которыхъ право примиренія основывается на самомъ родѣ совершеннаго преступленія, остановимся на преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ примѣчаніи 1-мъ къ

*) Изъ статьи г. Щегловитова, напечатанной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1889 г., № 5, читатель познакомился съ тою принципіальною постановкою вопроса объ уголовно-частномъ порядкѣ преслѣдованія, которая подвергаетъ сомнѣнію самую раціональность существованія такого порядка. Но разъ такой порядокъ существуетъ по закону, то для судебнаго практика не могутъ не имѣть значенія частные вопросы его примѣненія, посильное разрѣшеніе которыхъ предлагаетъ авторъ настоящей статьи.

ст. 1496 улож. о нак., для которыхъ право примиренія находится въ непосредственной зависимости отъ точнаго установленія свойства поврежденія, полученнаго потерпѣвшимъ; въ отношеніи же преступленій, предусмотрѣнныхъ въ примѣч. къ ст. 1534 улож., опредѣленіе свойства поврежденій можетъ вліять и на измѣненіе самаго рода преступленія. Способомъ опредѣленія свойства нанесенныхъ поврежденій является медицинское освидѣтельствованіе съ послѣдующимъ заключеніемъ врача. Вотъ тутъ-то и рождается первый вопросъ, порождающій недоумѣніе и крайнее разнообразіе въ практикѣ судебныхъ установленій. Личный нашъ опытъ даетъ намъ возможность указать на слѣдующую практику въ данномъ случаѣ: если жалоба на нанесеніе увѣчій, ранъ или побоевъ поступаетъ къ полиціи, то эта послѣдняя передаетъ ее съ произведеннымъ дознаніемъ судебному слѣдователю, на котораго, такимъ образомъ, и падаетъ обязанность опредѣлить путемъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія потерпѣвшаго свойство полученныхъ имъ поврежденій и тѣмъ самымъ установить, подлежитъ ли данное дѣло примирительному разбирательству, или должно слѣдовать въ порядкѣ публичнаго обвиненія. Та же обязанность опредѣлять свойство поврежденій и порядокъ преслѣдованія за нанесеніе таковыхъ лежитъ на слѣдователѣ и въ томъ случаѣ, когда жалоба подается непосредственно слѣдователю, или передается ему при предложеніи лицъ прокурорскаго надзора. Если же жалоба подается мировому судьѣ, то, какъ указываетъ практика, этотъ послѣдній, не опредѣляя свойства поврежденій и не входя, такимъ образомъ, въ разсмотрѣніе порядка преслѣдованія за такое преступленіе, прямо приступаетъ къ примирительному разбирательству и, смотря по результату таковаго, или прекращаетъ у себя все производство въ случаѣ примиренія, или отсылаетъ дѣло, на основаніи 117 ст. уст. угол. судопр., судебному слѣдователю. Другіе же мировые судьи, придающіе больше значенія опредѣленію свойствъ поврежденій, не приступая вовсе къ производству такого рода дѣлъ, или не принимаютъ подобныхъ жалобъ, отсылая жалобщиковъ къ судебному слѣдователю, или, принявъ жалобу, препровождаютъ ее отъ себя уже къ слѣдователю. Указанная выше практика по дѣламъ, кончающимся примиреніемъ, порождая крайнюю медленность въ производствѣ дѣлъ этого рода, грѣшитъ существенно въ правильности своей и создаетъ массу совершенно излишней работы.

Остановимся на этомъ вопросѣ подробнѣе. Жалоба, поданная полиціи, несмотря на требованіе 250 ст. уст. угол. судопр. сообщать слѣдователю о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, не позже сутокъ, получается слѣдователемъ по условіямъ дѣятельности полиціи въ уѣздѣ никакъ не раньше 4, 5 сутокъ и даже не рѣдко и недѣли со времени совершенія преступленія, а иногда и позже, если принять во вниманіе условія, указанныя въ 253 ст. уст. угол. судопр. Допустимъ, что слѣдователь, отличающійся примѣрнымъ рвеніемъ, получитъ возможность немедленно сдѣлать распоряженіе о вызовѣ

врача и о выѣздѣ на мѣсто совершенія преступленія, чего, кстати сказать, въ большинствѣ случаевъ слѣдователь сдѣлать не можетъ, какъ по состоянію другихъ дѣлъ въ участкѣ, такъ и вслѣдствіе сдѣланныхъ уже имъ до полученія еще данной жалобы распоряженій о выѣздѣ или вызовѣ по другимъ, подчасъ не терпящимъ отлагательства дѣламъ и слѣдственнымъ дѣйствіямъ. При самыхъ счастливыхъ условіяхъ, когда слѣдователь своевременно получилъ жалобу, тотчасъ же пригласилъ врача, и этотъ послѣдній своевременно получилъ приглашеніе слѣдователя, чего на самомъ дѣлѣ можетъ и не случиться, такъ какъ приглашеніе слѣдователя можетъ легко и не застать врача дома, судебно-медицинское освидѣтельствованіе можетъ быть произведено не ранѣе, какъ около полуторы недѣль со дня полученія потерпѣвшимъ какого-либо поврежденія; при этомъ считаемъ необходимымъ напомнить, что приведенный разсчетъ времени обусловливается самыми благопріятными условіями, при обычныхъ же условіяхъ судебно-медицинское освидѣтельствованіе нерѣдко можетъ имѣть мѣсто лишь по прошествіи 2, 3 недѣль и даже мѣсяца. Допустимъ, что по заключенію врача поврежденія такого свойства, что допускаютъ примиреніе, вслѣдствіе чего слѣдователь отправляетъ дѣло къ подлежащему мировому судьѣ для склоненія сторонъ къ миру по 35 ст. устава. Мировые судьи, какъ показываетъ практика, не торопятся съ подобнаго рода дѣлами, такъ что нерѣдко бываютъ случаи, когда то-же дѣло, посланное по 35 ст., возвращается къ слѣдователю, за непримиреніемъ, лишь по прошествіи двухъ, трехъ и даже и 4 мѣсяцевъ, и лишь тогда только слѣдователь приступаетъ къ производству слѣдствія, которое въ свою очередь также затягивается на продолжительное время за нерозысканіемъ указанныхъ свидѣтелей, обвиняемаго, которые уже успѣли разойтись, за запамятованіемъ свидѣтелями обстоятельствъ дѣла и т. п. Весьма нерѣдки случаи, когда подобнаго рода дѣла, по существу своему крайне пустыя, находятся въ производствѣ по цѣлымъ годамъ и, вызвавъ порядочную сумму расходовъ и непроизводительнаго труда, оканчиваются на судѣ примиреніемъ, но уже по причинамъ, далеко стоящимъ отъ миролюбиваго соглашенія сторонъ въ собственномъ смыслѣ, а потому лишь, что всякое преслѣдованіе виновныхъ потеряло свой смыслъ и рискуетъ быть недоказаннымъ. Независимо отъ медленности при такой практикѣ, ложащейся всѣми своими невыгодными сторонами на участвующихъ въ дѣлѣ и обременяющей казну излишними расходами, создается, какъ сказано было выше, масса непроизводительнаго труда для слѣдователей, а именно: распоряженіе слѣдователя о производствѣ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія жалобщика, какъ и всякаго слѣдственнаго акта, обусловливается признаніемъ въ жалобѣ достаточнаго основанія и законнаго повода къ начатію предварительнаго слѣдствія (ст. 262 и 297 уст. угол. судопр.); другими словами къ судебно-медицинскому освидѣтельствованію, какъ къ слѣдственному акту, можно приступить лишь по заведеніи на основаніи жалобы особаго дѣла, заведеніе котораго обуслов-

ливается составленіемъ мотивированнаго постановленія о принятіи къ производству и съ формальной стороны—записью въ настольный реэстръ, посылкой первоначальныхъ увѣдомленій (Вѣд., лит. А) въ деп. мин. юст. и участковому товарищу прокурора, подшивкой въ обложку и т. д. Отправка подобнаго дѣла по опредѣленіи освидѣтельствованіемъ свойства повреждения, допускающаго примиреніе, къ мировому судьѣ по 35 ст. уст. угол. судопр., на основаніи правилъ объ отчетности по дѣламъ уголовнымъ 11 ноября 71 года и 22 ноября 72 года, дополненныхъ позднѣйшими циркулярами мин. юстиціи, отождествляется съ направленіемъ дѣла по производствѣ слѣдствія, вслѣдствіе чего дѣло считается выбывающимъ изъ вѣдомства слѣдователя и потому подчиняется всѣмъ условіямъ формальнаго направленія дѣла, включая сюда и отсылку купона № 1 Вѣд., лит. Б, отмѣтку въ настольномъ реэстрѣ и т. д. Если дѣло возвращается слѣдователю за непримиреніемъ сторонъ, то оно, на основаніи указанныхъ правилъ отчетности, считается уже новымъ и подлежитъ вновь принятію къ производству со всѣми вышеописанными условіями формальнаго завода дѣла вплоть до посылки вторичнаго первоначальнаго увѣдомленія Вѣд., лит. А. Отсюда не трудно видѣть, что каждое дѣло, подчиняющееся примирительному разбирательству, удвоивается, а непроизводительная работа слѣдователя по осуществленію всей канцелярской части завода и направленія дѣла учетверяется. Неправильность вышеприведенной практики по дѣламъ кончающимся примиреніемъ заключается въ томъ, что полиція, а равно и лица прокурорскаго надзора, передавая судебнымъ слѣдователямъ жалобы на причиненіе поврежденій всякаго рода безъ удостовѣренія свойствъ таковыхъ, нарушаютъ предѣлы вѣдомства судебныхъ слѣдователей (251 ст. уст. угол. судопр.) и предложенія лицъ прокурорскаго надзора о производствѣ предварительнаго слѣдствія по такого рода жалобамъ являются нарушающими коренныя правила подсудности. На основаніи 35 ст. уст. угол. судопр., сверхъ дѣлъ, представленныхъ разбирательству мировыхъ судей по роду опредѣленныхъ за преступныя дѣйствія показаній, вѣдомству ихъ подлежатъ, собственно для склоненія сторонъ къ миру, дѣла, которыя хотя и влекутъ за собою наказанія болѣе строгія, но по закону начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ вредъ или убытки и могутъ быть прекращаемы примиреніемъ (улож. о нак., ст. 157), вслѣдствіе чего дѣла о поврежденіяхъ, свойство которыхъ допускаетъ примиреніе, прежде чѣмъ стать предметомъ разсмотрѣнія общихъ судебныхъ установленій, должны слѣдовать подсудности, указанной въ 35 ст. уст. угол. судопр. Точно также и слѣдователи, принимая къ своему производству подобныя жалобы отъ полиціи, или при предложеніяхъ отъ лицъ прокурорскаго надзора о производствѣ слѣдствія, поступаютъ, по нащему мнѣнію, неправильно—въ явное нарушеніе 262 ст. уст. угол. судопр., такъ какъ приступаютъ къ слѣдствію безъ достаточнаго къ тому основанія, подъ которымъ, очевидно, слѣдуетъ подразумѣвать наличность до-

статочно удостовѣренныхъ признаковъ преступленія, подсуднаго общимъ судебнымъ установленіямъ, тогда какъ подсудность этого рода дѣлъ общимъ судебнымъ установленіямъ, при наличности достаточно удостовѣренныхъ признаковъ преступленія, обусловливается предварительнымъ совершеніемъ обряда примиренія, или склоненія сторонъ къ миру, что лежитъ на обязанности мировыхъ судей.

Обращаясь къ другимъ пріемамъ, выработаннымъ разнообразною практикою по занимающему насъ вопросу, когда жалоба на причиненныя поврежденія поступаетъ непосредственно къ мировымъ судьямъ, мы видимъ, что нѣкоторые мировые судьи прямо приступаютъ къ примирительному разбирательству, не озабочиваясь опредѣленіемъ свойствъ поврежденій, или, не принимая такихъ жалобъ, отсылаютъ жалобщиковъ къ судебному слѣдователю, или, наконецъ, принявъ жалобу, передаютъ ее на основаніи 117 ст. уст. угол. судопр. тому же судебному слѣдователю. Всѣ эти три указанныхъ пріема мировыхъ судей являются въ высшей степени неправильными, такъ какъ при примѣненіи перваго пріема мировые судьи легко могутъ прекратить за примиреніемъ сторонъ дѣло о нанесеніи такихъ поврежденій, свойство которыхъ по своему вліянію на здоровье потерпѣвшаго исключаетъ возможность примиренія и дѣло должно подчиняться порядку публичнаго обвиненія; при примѣненіи же остальныхъ двухъ пріемовъ нарушается подсудность дѣлъ этого рода въ виду несоблюденія обряда предварительнаго примиренія на основаніи 35 ст. и, кромѣ того, порождаются указанныя выше медленность въ производствѣ и обремененіе какъ судебныхъ слѣдователей, такъ и самихъ мировыхъ судей непроизводительною излишнею работой.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что существующій порядокъ начатія дѣлъ, кончающихся примиреніемъ, неправиленъ и всѣ подобнаго рода дѣла должны начинаться у мировыхъ судей и затѣмъ уже, въ случаѣ непримиренія сторонъ, или установленія такого свойства поврежденій, которое вовсе исключаетъ право кончить дѣло миромъ, должно передаваться на основ. 117 ст. устава или судебнымъ слѣдователямъ, или прокурору, если нѣтъ надобности въ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ не только логическая послѣдовательность, но и разсмотрѣніе объясненій составителей судебныхъ уставовъ 1864 года, подъ 35 ст., по силѣ которыхъ «въ виду допускаемой закономъ возможности прекращать дѣла этого рода примиреніемъ, они должны начинаться путемъ мироваго разбирательства и только въ случаѣ неуспѣха въ примиреніи, слѣдуетъ передавать ихъ по принадлежности» (объясн. зап. 1863 года, стр. 55, суд. уст., изд. госуд. канц.). Подобнаго рода правильный порядокъ начатія дѣлъ, прекращаемыхъ примиреніемъ, указанный самими составителями судебныхъ уставовъ, не вызываетъ никакихъ недоумѣній въ отношеніи преступленій, указанныхъ въ примѣчаніяхъ къ ст. ст. 1539, 1548, 1605, 1625, 1664, 1675 и 1685 улож. о нак., которыя уже по роду своему допускаютъ безусловно ipso jure примиреніе;

что же касается преступленій, поименованныхъ въ примѣч. 1 къ ст. 1496 и въ примѣчаніи къ ст. 1534 улож. о нак., по которымъ примиреніе стоитъ въ зависимости отъ свойства нанесенныхъ потерпѣвшему поврежденій, то рождается вопросъ, на комъ же лежитъ обязанность опредѣлять свойство поврежденій? Разрѣшеніемъ этого вопроса разрѣшится и общій вопросъ, должны ли и этого рода дѣла начинаться у мировыхъ судей, а потому мы и займемся сначала этимъ частнымъ вопросомъ. Опредѣленіе свойства нанесеннаго поврежденія производится путемъ медицинскаго освидѣтельствованія потерпѣвшаго жалобщика. На основ. 105 ст. уст. угол. судопр., мировому судьѣ предоставлено право непосредственнаго освидѣтельствованія или чрезъ посредство полиціи по его порученію, когда по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, освидѣтельствованіе не можетъ быть произведено имъ лично и не представляется возможности отложить его до другаго времени (ст. 106 уст. угол. судопр.). Въ виду приведенныхъ только что законовъ, очевидно, мировой судья уполномоченъ производить лично или чрезъ полицію медицинское освидѣтельствованіе и тѣмъ самымъ, конечно, опредѣлять и свойство нанесенныхъ поврежденій, а потому исключать этого рода дѣла изъ числа тѣхъ, которыя вслѣдствіе допустимости примиренія по роду своему должны начинаться у мировыхъ судей, нѣтъ ни малѣйшаго разумнаго основанія. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго всѣ дѣла, допускающія прекращеніе ихъ за примиреніемъ, подсудны мировымъ судьямъ по 35 ст. и должны начинаться исключительно у этихъ послѣднихъ, для чего чины полиціи, судебные слѣдователи и лица прокурорскаго надзора должны передавать жалобы на учиненіе преступленій, допускающихъ примиреніе, мировымъ судьямъ по 35 ст. уст. угол. судопр., которые и должны склонить стороны къ миру, и въ случаѣ неуспѣха поступать по 117 ст. уст.; по дѣламъ же о поврежденіяхъ тѣлесныхъ и объ обидахъ дѣйствіемъ родителей и родственниковъ по прямой восходящей линіи (1534 ст. улож.) мировыя судьи обязаны сначала опредѣлить медицинскимъ освидѣтельствованіемъ, на основ. 105 ст. у. у. с., свойство поврежденій и, если они таковы, что допускаютъ примиреніе, то приступить къ примирительному разбирательству, а если обнаружится, что свойство поврежденій исключаетъ право примиренія, то передать дѣло безъ примирительнаго разбирательства судебному слѣдователю, или прокурору, на точномъ основаніи 117 ст. у. у. с. Преслѣдованіе этого единственнаго, по нашему мнѣнію, законнаго порядка въ начатіи дѣлъ, кончающихся примиреніемъ, значительно сократитъ невольную медленность въ производствѣ этихъ дѣлъ, оградитъ слѣдователей отъ указанной выше излишней работы и, наконецъ, уменьшитъ расходы, вызываемые этими пустыми въ большинствѣ случаевъ дѣлами.

Сенатъ, въ рѣш. общ. собр. 1-го и кас. деп. 1880 года, за № 10, разъяснилъ, что жалобы по преступленіямъ, допускающимъ примиреніе, могутъ быть приносимы полицейскимъ чинамъ, прокурорамъ и ихъ то-

карищамъ, мировымъ судьямъ и судебнымъ слѣдователямъ, какъ словесно, такъ и письменно, при чемъ въ другомъ мѣстѣ указаннаго рѣшенія говорится, что жалобы эти, поданныя полиціи, слѣдователямъ и лицамъ прокурорскаго надзора, передаются подлежащему мировому судьи на основ. 35 ст., по производствѣ по нимъ подлежащаго первоначальнаго розыска или дознанія, а равно и не терпящихъ отлагательства слѣдственныхъ дѣйствій для обнаруженія и сохраненія такихъ слѣдовъ и признаковъ преступленія, которыя могутъ изгладиться, утратиться, а равно и для предупрежденія обвиняемымъ способовъ уклониться отъ слѣдствія и суда. Указанное рѣшеніе, несомнѣнно, подтверждаетъ выведенное нами положеніе о томъ, что дѣла, кончающіеся примиреніемъ, должны начинаться исключительно у мировыхъ судей, и въ этомъ насъ убѣждаетъ слѣдующее: вездѣ въ рѣшеніи № 10 употребляется выраженіе «жалоба», а не дѣло; «жалоба, поданная слѣдователю, передается имъ по 35 ст. подлежащему мировому судьи» и т. д., что указываетъ на то, что слѣдователь не обязанъ принимать всякую подобную жалобу къ своему производству и заводить особое, на основаніи ея, дѣло, а передаетъ ее, какъ переписку подвѣдомственную мировому судьѣ. Далѣе, выраженіе «по производствѣ по нимъ (т. е. жалобамъ) подлежащихъ не терпящихъ отлагательства слѣдственныхъ дѣйствій для обнаруженія и сохраненія такихъ слѣдовъ, которые могутъ изгладиться или утратиться, а равно и для предупрежденія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія» указываетъ лишь на обстоятельства, при наличности которыхъ необходимо отступить отъ общаго правила въ цѣляхъ практическихъ, ради необходимости сохранить слѣды и признаки преступленія, а въ иныхъ случаяхъ, при явной доказанности обвиненія, принять и мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Подобнаго рода исключенія аналогичны съ исключеніемъ изъ правилъ о мѣстной подвѣдомственности судебнымъ слѣдователямъ дѣлъ общаго порядка, указаннымъ въ 290 и 291 ст. уст. угол. судопр. Въ этихъ случаяхъ, при условіи подачи жалобы слѣдователю, на немъ лежитъ обязанность приступить къ слѣдствію и произвести безотлагательныя слѣдственныя дѣйствія, прежде чѣмъ передать дѣло по 35 ст. Въ общемъ же рѣшеніе за № 10 положительно подтверждаетъ защищаемое нами положеніе о начатіи дѣлъ, кончающихся примиреніемъ, у мировыхъ судей, чему доказательствомъ служитъ то, что сенатъ прямо указываетъ на непосредственную передачу жалобъ, поданныхъ полицейскимъ чинамъ и лицамъ прокурорскаго надзора, именно этими послѣдними мировому судьѣ по 35 ст., обязывая и ихъ на основаніи указанныхъ въ рѣш. № 10, 48, 253, 256 и 258 ст. уст. угол. судопр., принимать въ случаѣ необходимости мѣры къ огражденію слѣдовъ и признаковъ преступленія отъ утраты и къ пресѣченію обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, на что полиція уполномочена 51 и 257 ст. уст. угол. судопр., въ виду чего и не можетъ представляться надобности со стороны полиціи или

лицъ прокурорскаго надзора передавать жалобы на совершеніе преступленій, могущихъ оканчиваться примиреніемъ, но подсудныхъ для сужденія по существу общимъ судебнымъ установленіямъ, предварительно судебнымъ слѣдователямъ, и жалобы подобнаго рода, поданныя полиціи или прокурорскому надзору, должны во всѣхъ случаяхъ передаваться мировымъ судьямъ для примиренія тотчасъ по полученіи ихъ, или по производствѣ всѣхъ нетерпящихъ отлагательства дѣйствій.

II.

Переходимъ къ вопросу о значеніи неявки обвинителя и обвиняемаго къ примирительному разбирательству. Значеніе неявки обвинителя къ примирительному разбирательству опредѣляется совершенно точно 135 ст. уст. угол. судопр., соображеніями составителей судебн. уставовъ 1864 года, помѣщенными въ объяснительной зап. 1863 г., стр. 56 (суд. уст., изд. госуд. канц., ч. 2, стр. 75) и, наконецъ, тѣмъ же приведеннымъ выше рѣш. общ. собр. 1-го и кас. деп. сен. 1880 года за № 10. На основ. 135 ст. и согласно указаннымъ разъясненіямъ, неявка обвинителя равносильна отказу отъ обвиненія, прекращающему всякое преслѣдованіе лицъ, на которыхъ была подана жалоба, и почитается изъявленіемъ намѣренія прекратить дѣло; неявка же обвиняемаго равносильна—нежеланію мириться (рѣш. общ. собр. 1880 г. № 10). Въ отношеніи неявки обвинителя, получившаго повѣстку и не озаботившагося ни личной явкой, ни присылкою повѣреннаго, не можетъ возникать никакого вопроса, въ особенности въ виду 135 ст. уст. угол. суд. Къ несчастію, нельзя того же сказать относительно неявки обвиняемаго, значеніе неявки котораго опредѣляется лишь разъясненіями сената, а не положительнымъ закономъ; съ мнѣніемъ же сената по этому вопросу едва ли возможно согласиться. Отождествлять неявку къ примирительному разбирательству обвиняемаго съ выраженіемъ нежеланія мириться едва ли возможно и едва ли правильно, если принять во вниманіе, что вызовы мировымъ судьею сторонъ для примирительнаго разбирательства производятся на основ. 54 ст. устава повѣстками общаго для всякаго разбирательства образца, соотвѣтствующаго лишь требованію 55 ст., причемъ въ повѣсткахъ этихъ указывается дѣло, по которому призывается обвиняемый, но не указывается характеръ имѣющаго быть разбирательства; по крайней мѣрѣ, намъ ни разу не приходилось видѣть повѣстки съ указаніемъ на примирительный характеръ разбирательства, для котораго вызывается сторона. Въ силу же этого одного вызываемый обвиняемый, не зная о цѣли его вызова, не можетъ своею неявкой выразить нежеланіе мириться, тѣмъ болѣе, что ему неизвѣстны и условія предлагаемой мировой, отъ которыхъ и зависитъ благопріятный исходъ склоненія сторонъ къ примиренію. Едва ли будетъ справедливо такое рѣшеніе вопроса о значеніи неявки обвиняемаго, когда

напримѣръ, этотъ послѣдній не явился вслѣдствіе того, что проживаетъ не въ мѣстѣ совершенія преступленія, а на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ, или даже тысячъ верстъ; лишать его возможности покончить дѣло примиреніемъ, пользуясь посредничествомъ мироваго судьи, обязаннаго изыскивать и предлагать сторонамъ способы примиренія, наиболѣе соотвѣтствующіе положенію каждой изъ сторонъ и взаимнымъ ихъ отношеніямъ, едва ли справедливо. Все вышеизложенное по поводу неявки сторонъ къ примирительному разбирательству сводится къ новому вопросу, какъ осуществлять примирительное разбирательство, когда стороны проживаютъ въ разныхъ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на далекомъ разстояніи? Положительнаго какого либо указанія на разрѣшеніе этого вопроса въ законѣ, собственно въ уставѣ угол. судопр., не содержится, а между тѣмъ съ подобнымъ положеніемъ мировымъ судьямъ приходится имѣть дѣло довольно часто; какъ осуществить въ этомъ случаѣ обязанность склоненія сторонъ къ миру? Очевидно мировой судья, имѣя свѣдѣнія о мѣстѣ пребыванія сторонъ, посылаетъ имъ вызывныя повѣстки; если не явится обвинитель, то на точномъ основаніи 135 ст. дѣло должно быть прекращено, что является не только законнымъ, но и основательнымъ, такъ какъ обвинитель, возбуждая дѣло, долженъ, очевидно проявлять и извѣстный интересъ по отношенію къ возбуждаемому имъ дѣлу, и если не имѣлъ возможности явиться лично, то долженъ былъ прислать повѣреннаго, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ озаботиться извѣщеніемъ мироваго судьи о причинѣ своей неявки; расходы не должны стѣснять обвинителя, имѣющаго возможность возвратить ихъ путемъ предъявленія къ обвиняемому гражданскаго иска. Совсѣмъ въ другомъ положеніи обвиняемый, проживающій далеко отъ мѣста вызова,—онъ вовсе не заинтересованъ въ дѣлѣ, угрожающемъ ему взысканіемъ, а явка его сопряжена съ расходами, которые онъ вернуть можетъ лишь въ томъ случаѣ, если обвиненіе будетъ признано недобросовѣстнымъ, или явно, завѣдомо ложнымъ, и то при условіи осужденія обвинителя за ложную жалобу. Обязывать обвиняемаго во всякомъ случаѣ являться къ примирительному разбирательству и подвергать его въ этомъ случаѣ, на основ. 61 ст. уст. угол. судопр., приводу было бы, по нашему мнѣнію, несправедливо, такъ какъ такая мѣра значительно отягчала бы въ данномъ случаѣ участь обвиняемаго, виновность котораго еще далеко не доказана, такъ какъ по существу предъявленнаго къ нему обвиненія дѣло еще не слушалось и даже предварительнымъ слѣдствіемъ виновность его не установлена. Правильность подобнаго взгляда раздѣляется сенатомъ въ рѣш. угол. кас. деп. 81 года, за № 28, по дѣлу Попова, согласно которому приводъ обвиняемаго не можетъ имѣть мѣста по дѣламъ, подлежащимъ разбирательству мировыхъ учрежденій, лишь для склоненія сторонъ къ миру. Между тѣмъ, можно ли считать исполненнымъ обрядъ склоненія сторонъ къ миру при условіи неявки обвиняемаго и придачи этой неявки значенія отказа отъ примиренія? Самое этимологическое зна-

ченіе слова «склоненіе» подразумѣваетъ извѣстнаго рода активную дѣятельность склоняющаго къ миру мироваго судьи, который и обязанъ изыскивать средства и способы примиренія, наиболѣе соотвѣтствующіе взаимнымъ отношеніямъ сторонъ, а потому мы рѣшаемся утверждать, что при неявкѣ обвиняемаго обрядъ склоненія къ миру нельзя считать состоявшимся, а въ виду раньше сказаннаго нѣтъ основанія и судебному слѣдователю приступать къ производству слѣдствія по такому дѣлу, по которому обрядъ примиренія еще не состоялся. Въ виду отсутствія въ законѣ точнаго указанія на значеніе неявки обвиняемаго необходимо прибѣгнуть къ аналогіи для осуществленія акта склоненія сторонъ къ миру. На основ. 72 ст. уст. угол. судопр., свидѣтели, проживающіе въ далекомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ производится разбирательство дѣла, допрашиваются на мѣстѣ ихъ пребыванія мѣстнымъ мировымъ судьею; на основ. же 292 ст. устава, такимъ же порядкомъ допрашиваются и обвиняемые при производствѣ предварительнаго слѣдствія. Признавая необходимость для осуществленія примирительнаго разбирательства фактическаго склоненія сторонъ къ миру, намъ кажется, что не было бы незаконно при условіи проживанія обвиняемаго не въ мѣстѣ производства дѣла, примѣнить порядокъ, 72 и 292 стт. указанный, причемъ изысканіе способовъ и средствъ примиренія могло бы осуществляться путемъ сообщенія однимъ мировымъ судьею другому условій примиренія, предлагаемыхъ сторонами. Такимъ аналогичнымъ примѣненіемъ правилъ 72 ст. достигается возможность фактическаго склоненія сторонъ къ міру. Такимъ образомъ, резюмируя все сказанное по этому вопросу, мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) неявка обвинителя къ примирительному разбирательству, неприсылка имъ повѣреннаго и неизвѣщеніе мироваго судьи о причинахъ его неявки—равносильны отказу обвинителя отъ своей жалобы, производство по которой въ силу 135 ст. у. у. с. прекращается; 2) обрядъ примиренія можетъ состояться лишь при условіи фактическаго присутствія на примирительномъ разбирательствѣ обѣихъ сторонъ; 3) съ другой стороны, примиреніе не можетъ считаться несостоявшимся, если обвиняемый не явился къ примирительному разбирательству, такъ какъ неявка этого послѣдняго не можетъ разсматриваться, какъ выраженіе отказа отъ примиренія; 4) для осуществленія обряда склоненія сторонъ къ миру при условіи неявки къ разбирательству обвиняемаго, по причинѣ проживанія его далеко отъ мѣста разбирательства, должно поступить, согласно 72 ст. уст. угол. судопр., но нельзя подвергать его приводу.

Останавливаясь на этомъ послѣднемъ положеніи, необходимо замѣтить, что если обрядъ склоненія сторонъ къ миру не можетъ считаться состоявшимся при отсутствіи обвиняемаго и если отрицать безусловно право привода явно уклоняющагося отъ явки къ примирительному разбирательству обвиняемаго, коль скоро къ явкѣ не представлялось затрудненія по отдаленности его мѣста жительства, то весьма легко можетъ слу-

читься, что обвиняемый воспользуется предоставляемымъ ему преимуществомъ не подвергаться приводу и умышленно не будетъ являться и тѣмъ самымъ умышленно будетъ оттягивать производство дѣла. Намъ кажется въ виду вышеприведеннаго, что отказъ сената (въ рѣшеніи по дѣлу Попова 1881 года, за № 28) мировому судьѣ въ правѣ подвергнуть приводу обвиняемаго къ примительному разбирательству нѣсколько ошибоченъ; рѣшеніе этого вопроса сенатомъ въ смыслѣ безусловно отрицательномъ, предоставляя слишкомъ много преимуществъ обвиняемому, противорѣчитъ цѣли установленія примирительнаго разбирательства съ обязательнымъ для мировыхъ судей склоненіемъ сторонъ къ миру, причемъ самый успѣхъ склоненія къ миру стоитъ въ непосредственной зависимости отъ большей или меньшей степени участія мироваго судьи въ изысканіи средствъ и способовъ къ примиренію, какъ къ конечной, въ высшей степени благой, цѣли этого рода дѣятельности. Даже и сенатъ въ рѣш. 1868 г., за № 81, по дѣлу Аленина высказалъ: «сей послѣдній законъ (35 ст.) не имѣлъ бы ни значенія, ни цѣли, если бы предоставлено было сторонамъ безнаказанно уклоняться отъ явки по вызову мироваго судьи», что несомнѣнно указываетъ на то, что сенатъ допустилъ возможность привода обвиняемаго въ случаяхъ неявки его къ примирительному разбирательству. На основ. 60 и 61 ст. уст. угол. суд., право мироваго судьи подвергнуть приводу не явившагося обвиняемаго обусловливается тяжестью угрожающаго ему наказанія, причемъ, согласно первой изъ этихъ статей, если наказаніе это не превышаетъ ареста, то обвиняемому предоставляется право прислать вмѣсто себя повѣреннаго; по второй же статьѣ, если обвиняемому угрожаетъ заключеніе въ тюрьмѣ, то личная его явка обязательна и приводъ его можетъ имѣть мѣсто и безъ предварительнаго вызова. Независимо отъ сего въ концѣ 60 ст. законодатель счелъ возможнымъ предоставить мировому судьѣ право требовать личной явки обвиняемаго даже и по преступленіямъ, облагаемымъ не свыше ареста, разъ «по обстоятельствамъ дѣла это окажется необходимымъ». Уклоненіе обвиняемаго отъ явки къ примирительному разбирательству при условіи проживанія въ мѣстѣ назначеннаго разбирательства, или не далѣе 15 верстъ (193 ст. уст. угол. судопр.), т. е. при условіи, когда явка его не особенно обременительна, является однимъ изъ обстоятельствъ, при наличности котораго оказывается необходимымъ сдѣлать распоряженіе о приводѣ неявившагося обвиняемаго, неявка котораго исключаетъ, какъ сказано выше, возможность исполненія обряда склоненія сторонъ къ миру.

Все только что сказанное составляетъ матеріалъ для пятаго вывода по поставленному вопросу, который заключается въ слѣдующемъ: 5) неявляющійся къ примирительному разбирательству обвиняемый, разъ къ явкѣ его не представляется законныхъ препятствій, долженъ быть подвергнутъ приводу, на основаніи 60 или 61 ст. уст. угол. судопр., такъ какъ безъ него не можетъ быть исполнена одна изъ важныхъ

функцій мировыхъ установленій — обрядъ склоненія сторонъ къ примиренію.

III.

Теперь слѣдуетъ вопросъ о значеніи для судебнаго слѣдователя опредѣленія мироваго судьи о прекращеніи производства за неявкою обвинителя къ примирительному разбирательству, постановленнаго на основаніи 135 ст. уст. угол. судопр. Постановленіе мироваго судьи о прекращеніи дѣла за неявкою обвинителя къ примирительному разбирательству, на основаніи 135 ст., является приговоромъ, объявляемымъ сторонамъ въ порядкѣ 128 ст. уст. угол. судопр. и, согласно рѣш. угол. касс. деп. сен. 69 г., № 258 и 922; 70 года, № 1254 и 1402; 71 года, № 840; 74 года, № 465, можетъ быть обжаловано съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для подачи аппелляціонныхъ отзывовъ. Постановленіе это на общемъ основаніи 181 ст. уст. угол. судопр. въ ея новой, Высочайше утвержденной 8 декабря 1886 года, редакціи, входитъ въ законную силу: «когда обѣ стороны заявятъ, что отказываются отъ права обжалованія приговора» (1 п. 181 ст.); «когда на приговоръ неокончательный не предъявлено въ установленный срокъ аппелляціоннаго отзыва» (2 п. 181 ст.) и «когда по приговору заочному не предъявлено въ установленный срокъ ни отзыва о новомъ разсмотрѣніи дѣла, ни отзыва аппелляціоннаго, если приговоръ, по роду дѣла, подлежитъ аппелляціи» (4 п. 181 ст.). Вслѣдствіе вышеизложеннаго, опредѣленія мировыхъ судей о прекращеніи дѣла за неявкою обвинителя къ примирительному разбирательству, имѣя значеніе приговоровъ, обязательны для всѣхъ и каждаго, а равно и для судебныхъ слѣдователей, разъ только они вошли въ законную силу, о чемъ, разумѣется, необходимо освѣдомиться. На этомъ основаніи, если по какому либо дѣлу нѣсколько обвиняемыхъ и по отношенію къ однимъ дѣло прекращено за неявкой обвинителя къ примирительному разбирательству, то необходимо исключить ихъ изъ числа обвиняемыхъ или участвующихъ въ дѣлѣ и привлекать лишь тѣхъ, относительно которыхъ примиреніе не состоялось при условіи фактическаго склоненія къ миру. Въ заключеніе не лишне указать, что, согласно рѣшенію угол. касс. деп. сен. 67 года за № 347 и за № 351, того же года за № 614 и за № 540, по дѣламъ, по которымъ присутствіе сторонъ не обязательно, какъ, напр., по дѣламъ, находящимся въ производствѣ мироваго судьи лишь для склоненія сторонъ къ миру, приговоръ считается объявленнымъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, несмотря даже на ихъ отсутствіе. Примиреніе есть актъ двусторонній, вслѣдствіе чего примиреніе можетъ явиться основаніемъ для прекращенія производства лишь подъ условіемъ согласія на прекращеніе дѣла и обвиняемой стороны, для которой при явно недобросовѣстномъ обвиненіи нѣтъ интереса прекращать дѣло, разборъ ко-

тораго по существу можетъ дать ему возможность привлечь обвинители къ отвѣтственности, и если такимъ образомъ законъ въ 135 ст. далъ право на прекращеніе производства за неявкою обвинителя, каковой неявкѣ придаетъ значеніе отказа отъ предъявленнаго обвиненія, то право такого отказа частнаго обвинителя должно быть ограничено. По этому поводу сенатъ въ рѣшеніи угол. касс. деп. 1880 года за № 36, по дѣлу Минделькерна, разъяснилъ слѣдующее: неявка частнаго обвинителя даетъ основаніе къ прекращенію дѣла потому, что составители судебныхъ уставовъ отождествляютъ неявку обвинителя съ изъявленіемъ имъ намѣренія прекратить дѣло, такъ сказать, съ отреченіемъ отъ уголовнаго иска; цѣлью же правила, изображеннаго въ 135 и 593 ст. уст. угол. судопр., является стремленіе побудить частнаго обвинятеля къ явкѣ по вызову въ судъ. Обязанность суда прекратить дѣло за неявкою частнаго обвинителя указываетъ, такимъ образомъ, на право частнаго обвинителя отречься отъ предъявленнаго уголовнаго иска до явки въ судъ, но въ виду отсутствія въ законахъ постановленія, на основаніи котораго предоставлялось бы частному обвинителю право просить судъ о прекращеніи дѣла за его одностороннимъ отказомъ отъ уголовнаго иска и предусматривалась бы обязанность суда удовлетворить такую просьбу, слѣдуетъ придти, по мнѣнію сената, къ заключенію, что такой отказъ отъ уголовнаго иска частнаго обвинителя, по явкѣ его на судъ, хотя и до начала разбора дѣла, или во время его производства, можетъ служить основаніемъ къ прекращенію дѣла лишь при условіи согласія на то обвиняемаго, т. е. требуется настоящее примиреніе, какъ двухсторонній актъ. На основаніи вышеизложеннаго необходимо придти къ заключенію, что практика сената различаетъ понятія примиренія и единоличнаго отказа отъ предъявленнаго уголовнаго иска со стороны частнаго обвинителя и ограничиваетъ право отказа въ смыслѣ условія для прекращенія дѣла производствомъ временемъ таковаго—явкою сторонъ по вызову на судъ.

Отсюда примѣнительно къ предварительному слѣдствію рождаются слѣдующіе вопросы: какимъ значеніемъ должны пользоваться, въ смыслѣ основанія къ прекращенію дѣла производствомъ, единоличный отказъ частнаго обвинителя отъ предъявленнаго имъ уголовнаго иска, примиреніе сторонъ на предварительномъ слѣдствіи, неявка обвинителя къ предварительному слѣдствію и смерть частнаго обвинителя? На всѣ эти вопросы уставъ угол. судопроизводства не даетъ положительныхъ указаній и вообще въ раздѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи разрѣшенія этихъ вопросовъ не содержится. вслѣдствіе чего необходимо обратиться къ аналогіи съ подлежащими законами, находящимися въ другихъ раздѣлахъ устава угол. судопр. Порядокъ производства предварительныхъ слѣдствій въ нѣкоторыхъ частяхъ опредѣляется законоположеніями, помѣщенными въ другихъ раздѣлахъ, какъ, напр., по вопросу о порядкѣ допроса свидѣтелей, о порядкѣ исчисленія судебныхъ издержекъ, о порядкѣ направленія дѣлъ, по которымъ не требуется производства слѣдствій (545 и 546 ст.),

о порядкѣ направленія дѣлъ, по которымъ одни обвиняемые скрылись и не розысканы, а другіе налицо (516 ст.) и т. п. Вслѣдствіе этого мы считаемъ себя въ правѣ при разрѣшеніи поставленныхъ вопросовъ руководствоваться подлежащими законами, помѣщенными въ другихъ раздѣлахъ устава, не имѣющихъ прямаго и непосредственнаго отношенія къ предварительному слѣдствію. Оправдавъ такимъ образомъ способъ разрѣшенія поставленныхъ вопросовъ, обратимся къ ихъ существу. Руководствуясь рѣш. угол. касс. деп. 1880 г., за № 36, и раздѣляя вполнѣ высказанныя сенатомъ въ указанномъ рѣшеніи соображенія, необходимо заключить, что такъ какъ единоличный отказъ частнаго обвинителя отъ уголовнаго иска служитъ основаніемъ къ прекращенію дѣла лишь при условіи предъявленія его до явки въ судъ, до начала разбора дѣла, то и судебный слѣдователь можетъ принять такой единоличный отказъ за основаніе къ прекращенію дѣла лишь до приступа по жалобѣ къ производству предварительнаго слѣдствія, такъ какъ самое предварительное слѣдствіе представляетъ уже собою начало разбора дѣла, начало или осуществленіе преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ того, на кого поступила жалоба, и этотъ послѣдній имѣетъ полное неоспоримое право требовать окончанія слѣдствія и суда надъ нимъ, разъ онъ имѣетъ основаніе не желать почему либо воспользоваться милостью, прощеніемъ своего обвинителя, и тѣмъ лишить себя возможности быть оправданнымъ по суду и доказать свою полную невинность. Согласно сказанному выше, слѣдователь, принявъ лично ему поданную жалобу частнаго обвинителя и не усматривая надобности въ какихъ либо безотлагательныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, не приступая къ производству слѣдствія, препровождаетъ ее къ подлежащему мировому судьѣ по 35 ст. уст уг. судопр., вслѣдствіе чего отказъ отъ уголовнаго иска частнаго обвинителя можетъ имѣть значеніе основанія къ оставленію жалобы его безъ послѣдствій лишь въ промежутокъ времени между полученіемъ слѣдователемъ жалобы и отсылкою ея по 35 ст. мировому судьѣ, послѣ чего уже слѣдователь теряетъ всякое право на какія бы то ни было самостоятельныя распоряженія относительно ушедшей отъ него переписки, или въ данномъ случаѣ жалобы, а частному обвинителю для осуществленія права единолично отказаться отъ своего уголовнаго иска и прекратить возбужденное имъ дѣло остается или заявить о томъ мировому судьѣ, или просто не явиться къ примирительному разбирательству. Такимъ образомъ, единоличный отказъ частнаго обвинителя отъ своего уголовнаго иска во время производства предварительнаго слѣдствія не можетъ служить основаніемъ къ прекращенію дѣла безъ согласія другой стороны, т. е. безъ обоюднаго примиренія сторонъ, которое прекращаетъ производство во всякомъ положеніи дѣла по силѣ 3 п. 16 ст. уст. уг. суд.

Въ виду приведенныхъ соображеній составителей уставовъ, по которымъ они признали возможнымъ не допускать единоличнаго отказа отъ уголовнаго иска по явкѣ въ судъ, необходимо признать, что неявка

обвинителя на судъ, какъ изъявленіе намѣренія отказаться отъ своего иска, является исключеніемъ изъ общаго правила о значеніи единоличнаго отказа отъ иска, — исключеніемъ, хотя и нарушающимъ право противной стороны домогаться суда надъ нимъ, но допущеннымъ ради практическихъ цѣлей, или удобства въ большинствѣ частныхъ случаевъ. Разъ это исключеніе и исключеніе, допускаемое по 135—593 ст. уст. уг. суд. на судѣ, то нѣтъ основанія не допускать его и въ стадіи предварительнаго слѣдствія. Если законодатель призналъ возможнымъ прекращать дѣло за неявкою обвинителя въ окружный судъ по 593 ст., когда уже произведено все предварительное слѣдствіе, предшествовавшее вызову въ судъ, когда, такимъ образомъ, противная сторона, обвиняемый, вынесъ на себѣ всю тяжесть состоянія подъ слѣдствіемъ, то какое же можетъ быть разумное основаніе воспрещать прекращеніе дѣла за неявкою обвинителя на предварительномъ слѣдствіи, когда интересъ обвиняемаго домогаться суда гораздо слабѣе, когда онъ еще не привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго и потому не подвергся никакимъ еще лишеніямъ и ограниченіямъ, связаннымъ съ привлеченіемъ въ качествѣ обвиняемаго? Чебышевъ-Дмитріевъ въ своемъ «Русскомъ уголовномъ судопроизводствѣ по уставамъ 20 ноября 1864 г., ссылаясь на ст. г. X—въ, помѣщенную въ «Суд. Вѣстн. 1868 г., № 182, въ защиту проведеннаго нами взгляда, говоритъ: «уставъ, опредѣлившій послѣдствія неявки (ст. 135 и 593) обвинителя по вызову къ мировому судьѣ (ст. 135) и въ окружный судъ (ст. 593), умолчалъ о томъ въ предварительномъ слѣдствіи. Судебный слѣдователь обязанъ немедленно принять мѣры къ пресѣченію обвиняемому средствъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, почему при поступленіи жалобы принимаетъ, положимъ, самую любую мѣру, т. е. обязывая обвиняемаго не отлучаться изъ мѣста жительства, какъ бы арестуя его въ предѣлахъ мѣста своего жительства, и если обвиняемый—крестьянинъ, то воспрещаетъ ему отлучаться на заработки и тѣмъ лишаетъ его возможности уплатить повинности и заработать денегъ на прокормленіе себя съ семьей. Обвинитель же, между тѣмъ, неизвѣстно куда отлучился, или по повѣсткѣ не явился, а слѣдствіе безъ допроса обвинителя или безъ предъявленія дѣла и объявленія ему о заключеніи слѣдствія—не можетъ быть признано оконченнымъ и дѣло такимъ образомъ остается безъ движенія, а обвиняемый, лишенный возможности зарабатывать свой хлѣбъ, страдаетъ отъ произвола лица, подавшаго жалобу. Г. X—въ полагаетъ, что слѣдуетъ распространить дѣйствіе 135 и 593 ст. и на случай неявки обвинителя по вызову слѣдователя»...

Все только что сказанное въ сопоставленіи съ тѣмъ, что было сказано по поводу значенія единоличнаго отказа частнаго обвинителя отъ заявленнаго имъ уголовнаго иска на предварительномъ слѣдствіи, создаетъ какъ бы противорѣчіе; дѣйствительно, явиться и заявить слѣдователю о желаніи прекратить дѣло нельзя, а, съ другой стороны, чтобы достичь

желаемыхъ результатовъ, стоитъ только не явиться по вызову; но дѣло въ томъ, что противорѣчіе это, если и допускать его существованіе, усматривается и въ постановленіяхъ, опредѣляющихъ порядокъ производства у мироваго судьи и въ окружномъ судѣ—явиться по вызову суда, того или другаго, и заявивъ объ отказѣ отъ уголовнаго иска, просить о прекращеніи дѣла нельзя, тогда какъ тѣхъ-же результатовъ можно достичь просто, не явившись по вызову; какъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, такъ и при производствѣ въ судѣ одинаково нарушается ради практическихъ выгодъ право обвиняемой стороны желать разсмотрѣнія возбужденнаго противъ нея дѣла съ доведеніемъ его до конца и если такое исключеніе можетъ быть допустимо при производствѣ дѣла въ судѣ, то нѣтъ основанія не допускать его и при производствѣ предварительнаго слѣдствія, которое по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, является одной изъ стадій общаго порядка разсмотрѣнія или производства по дѣлу.

Что касается до смерти частнаго обвинителя, какъ основанія къ прекращенію дѣла, то г. Чебышевъ-Дмитріевъ держится того взгляда, что уголовный искъ прекращается за смертью частнаго обвинителя, основывая такой взглядъ на томъ, что возбужденіе преслѣдованія и обличеніе обвиняемыхъ на судѣ по дѣламъ частнаго обвиненія предоставлено исключительно частному обвинителю, почему уголовный искъ, какъ искъ личный, не переходящій къ его наслѣдникамъ, и прекращается за смертью обвинителя (Русское угол. судопр., стр. 134). Вопросъ этотъ является чрезвычайно спорнымъ и многіе держатся противоположнаго взгляда; такъ Лохвицкій, не соглашаясь съ Чебышевымъ-Дмитріевымъ, считалъ невозможнымъ ставить смерть обиженнаго, или частнаго обвинителя, на ряду съ причинами, упомянутыми въ 16 ст. у. у. с.; Макалинскій (Руков. для суд. слѣд., стр. 97), соглашаясь съ мнѣніемъ Лохвицкаго, ставитъ ограниченіе въ томъ смыслѣ, что, если смерть частнаго обвинителя послѣдовала послѣ подачи имъ жалобы, но до разсмотрѣнія дѣла судомъ, то дѣло очевидно, по его мнѣнію, подлежитъ прекращенію, такъ какъ судъ не разсматриваетъ дѣлъ, возбуждаемыхъ не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ лицъ, въ отсутствіи обвинителей и въ случаѣ неявки ихъ къ суду прекращаетъ такого рода дѣла (135 и 593 ст. у. у. с.).

Совершенно противоположнаго взгляда на этотъ вопросъ держится сенатъ, который разъяснилъ, что за невозможностью предложить сторонамъ примиреніе вслѣдствіе смерти частнаго обвинителя, потерпѣвшаго по дѣламъ, производимымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, судъ долженъ постановить приговоръ и не имѣетъ права прекращать дѣло. Взглядъ этотъ проводится сенатомъ какъ въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшій далъ свое показаніе слѣдователю на предварительномъ слѣдствіи, прося, слѣдовательно, подвергнуть виновнаго законной отвѣтственности (рѣш. угол. касс. деп. 76 года за № 48 по дѣлу Селова), такъ даже и въ томъ случаѣ, когда, согласно показанію свидѣтелей, потерпѣвшій просилъ по-

дать жалобу слѣдователю (рѣш. угол. касс. деп. 72 года за № 1003 по дѣлу Меликова), наконецъ даже и при отсутствіи какихъ-либо обвинительныхъ со стороны потерпѣвшаго заявленій, если, напр., самое дѣло начато было въ порядкѣ публичнаго, очевидно, обвиненія уже послѣ его смерти (рѣш. угол. касс. деп. 78 года за № 18 по дѣлу Курочкина). Точно также и въ рѣш. угол. касс. деп. 71 года за № 1455 по дѣлу Покровскаго сенатъ провелъ то же начало, что смерть обвинителя не представляетъ по силѣ 16 ст. у. у. с. законнаго повода къ прекращенію дѣла, а въ рѣш. 80 года за № 16 по дѣлу Финна указалъ, что право прекращенія уголовнаго преслѣдованія не переходитъ къ наслѣдникамъ умершаго обвинителя, которымъ предоставляется лишь право отречься отъ гражданскаго иска.

IV.

Переходимъ теперь къ послѣднему вопросу о томъ, относится ли къ предварительному слѣдствію то общее правило, выраженное въ 104 т. 546 ст. у. уг. суд., согласно которому судъ рѣшаетъ дѣло, слушающееся въ порядкѣ частнаго обвиненія, лишь на основаніи доказательствъ, представленныхъ сторонами, и самъ, по собственной инпціативѣ, не принимаетъ мѣръ къ собранію такихъ доказательствъ? Обращаясь къ ст. 302, 304, 305 уст. угол. судопр., мы видимъ, что какъ каждая изъ этихъ статей въ отдѣльности, такъ и совокупно всѣ вмѣстѣ довольно точно устанавливаютъ роль частнаго обвинителя на предварительномъ слѣдствіи, предоставляя ему довольно широкія права участія въ разслѣдованіи преступленія, жертвою котораго онъ сдѣлался; такъ, ему предоставляется право выставлять своихъ свидѣтелей, присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и предлагать, съ разрѣшенія слѣдователя, вопросы обвиняемому и свидѣтелямъ, представлять въ подкрѣпленіе своего иска доказательства и требовать выдачи копій со всѣхъ протоколовъ и постановленій, просить, наконецъ, о принятіи мѣръ къ обезпеченію отыскиваемаго имъ вознагражденія (304 и 305 ст.); право отводить слѣдователя (ст. 273), присутствовать при осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ и обыскахъ (ст. 316 и 359); получать увѣдомленія объ окончаніи слѣдствія и данномъ ему направленіи (ст. 478) и приносить жалобы на слѣдственныя дѣйствія (ст. 491). Изъ сопоставленія же 304 ст. со ст. 273, 316, 359, 478 и 491 необходимо заключить, что подъ «принесшими жалобу» (304 ст.) должно имѣть въ виду исключительно только частныхъ обвинителей и гражданскаго истца, но не каждаго потерпѣвшаго, такъ какъ во всѣхъ приведенныхъ статьяхъ говорится объ участвующихъ въ дѣлѣ лицахъ, а въ 273 ст. такъ прямо упоминается про частныхъ обвинителей и гражданскихъ истцовъ; подъ участвующими же въ дѣлѣ лицами слѣдуетъ, разумѣется, признавать лишь частныхъ обвинителей по дѣламъ, начинающимся по жалобѣ и

оканчивающихся примиреніемъ, и гражданскихъ истцовъ, а не всѣхъ потерпѣвшихъ, которымъ не предоставлено право сторонъ въ уголовномъ процессѣ. Всѣ указанныя статьи закона, опредѣляющія роль частнаго обвинителя на предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ сторонъ, указываютъ на то, что онъ принимаетъ активное участіе въ производствѣ слѣдствія, а потому нѣтъ, по нашему мнѣнію, основанія не распространять силы 104 и 546 ст. на предварительное слѣдствіе; это подтверждается и 302 ст. уст. уг. судопр., согласно которой на частнаго обвинителя налагается уже прямо обязанность указать въ жалобѣ своей на причины, по которымъ взводится на кого либо подозрѣніе, а это уже достаточно указываетъ на обязанность его доказывать предъявленное имъ обвиненіе помимо участія слѣдователя, власть котораго по дѣламъ этого рода ограничивается провѣркой представленныхъ сторонами доказательствъ и предоставленіемъ ими возможности силою своей власти собрать указываемыя сторонами доказательства, какъ, наприм., допросъ указаннаго свидѣтеля, осмотръ, затребованіе справки, полученіе которой частнымъ лицомъ затруднительно и т. д.

Высказанное нами мнѣніе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ рѣш. угол. касс. деп. 68 года, за № 266, по дѣлу Звенигородскаго.

В. Харламовъ.

ПРЕСТУПНЫЙ МІРЪ БЕРЛИНА.

I.

Дѣло Дикгофа.

17-го ноября 1883 года въ уголовномъ отдѣленіи берлинскаго ландгерихта съ участіемъ присяжныхъ началось слушаніе громкаго дѣла, производившаго большую сенсацію не только въ самомъ Берлинѣ, но и далеко за предѣлами Германіи. Обвинялся коммиссіонеръ Эрнстъ Вильгельмъ Дикгофъ. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ преній, присяжные признали его виновнымъ въ подстрекательствѣ къ грабежу въ двухъ случаяхъ и въ соучастіи въ убійствѣ. На основаніи вердикта присяжныхъ судъ приговорилъ обвиненнаго къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и заключенію въ смирительный домъ на десять лѣтъ. Дикгофъ остался недоволенъ приговоромъ и подалъ кассаціонную жалобу, но послѣдняя была отвергнута. 18-го января 1884 года приговоръ вступилъ въ законную силу, и въ настоящее время Дикгофъ находится въ одиночномъ заключеніи въ Моавитской «келейной» тюрьмѣ.

Почему публика такъ интересовалась этимъ дѣломъ?

На Дрезденской улицѣ, въ Берлинѣ, въ 1876 году жила 70-лѣтняя вдова Лиссауеръ. Кромѣ дома, она имѣла еще довольно значительный денежный капиталъ, который она постоянно носила при себѣ въ кожаномъ мѣшкѣ. Въ Вербное воскресеніе ее видѣли въ послѣдній разъ входившей въ ея квартиру. На слѣдующее же утро ее нашли мертвой. Руки и ноги ея были связаны, а ротъ былъ заткнутъ, и смерть, какъ было констатировано, послѣдовала отъ удушенія. По результатамъ предварительнаго слѣдствія можно было только догадываться, что въ убійствѣ участвовало нѣсколько лицъ, которыя успѣли скрыться, захвативъ съ собой мѣшокъ съ деньгами.

Еще на предварительномъ слѣдствіи подозрѣніе въ соучастіи пало на

коммиссіонера Дикгофа. Его тотчасъ арестовали, но черезъ 6 недѣль должны были освободить за недостаткомъ уликъ.

Такимъ образомъ тайна этого убійства оставалась не раскрытой въ теченіе многихъ лѣтъ. Но вотъ въ сентябрѣ 1882 года на Линденштрассе, въ Берлинѣ, было совершено новое убійство, по своимъ внѣшнимъ признакамъ напоминавшее убійство вдовы Лиссауеръ, — убійство г-жи Кенигсбекъ, старухи лѣтъ 60. По своему внѣшнему виду она походила на нищую, но у нея, какъ оказалось, было довольно большое состояніе, заключавшееся въ наличныхъ деньгахъ и цѣнныхъ бумагахъ, которыя она постоянно носила при себѣ въ боковомъ карманѣ. Въ первыхъ числахъ сентября ее нашли въ ея комнатѣ съ перерѣзаннымъ горломъ при условіяхъ, исключавшихъ всякую возможность предположенія о самоубійствѣ. Денежный карманъ былъ пустъ и носилъ на себѣ слѣды крови.

Сходство послѣдняго убійства съ убійствомъ г-жи Лиссауеръ снова подало поводъ заподозрить того же Дикгофа. Вся полиція была поставлена на ноги и начались тщательные розыски. Былъ рядъ уликъ, на основаніи которыхъ Дикгофъ былъ снова арестованъ и преданъ суду за двойное убійство съ цѣлью грабежа.

По обстоятельствамъ дѣлъ было очевидно, что совершить оба убійства могли лишь лица, хорошо знакомыя съ убитыми женщинами, пользовавшіяся ихъ довѣріемъ, знавшія ихъ образъ жизни и привычки. Между тѣмъ по отношенію къ Дикгофу было дознано, что онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ обѣими женщинами, исполнялъ ихъ денежныя порученія, и незадолго до ихъ убійствъ его видали у каждой изъ нихъ. Было выяснено также, что Дикгофъ незадолго до каждаго убійства часто посѣщалъ трактиры и кофейныя вблизи мѣстъ преступленія. Сверхъ того, одинъ свидѣтель показывалъ, что онъ вмѣстѣ съ другими имъ названными лицами совершилъ въ 1873 году кражу у Лиссауеръ и что кража эта была задумана Дикгофомъ. Послѣдній, по словамъ свидѣтеля, далъ имъ тогда всѣ необходимыя свѣдѣнія и подробнѣйшія инструкціи для ея совершенія. Добыча однако оказалась не велика, такъ какъ самой Лиссауеръ не было дома, а они еще не знали, что все свое богатство она носитъ съ собой. Дикгофъ былъ недоволенъ такимъ результатомъ и неоднократно давалъ понять, что попытка должна быть повторена, когда старуха будетъ дома и, въ случаѣ нужды, даже съ насиліемъ. Далѣе, одна свидѣтельница показала, что она видѣла собственными глазами, какъ на другой день послѣ убійства Лиссауеръ нѣсколько мужчинъ считали деньги къ квартирѣ одной публичной женщины, потомъ раздѣлили ихъ между собой и бросили въ огонь какой-то кожанный мѣшокъ. Одинъ изъ этихъ лицъ, по словамъ свидѣтельницы, имѣлъ большое сходство съ Дикгофомъ и товарищи называли его «пузатымъ» — прозвище, которымъ, какъ было выяснено, звали близкіе пріятели Дикгофа. Было дознано при этомъ, что Дикгофъ аккуратно каждое первое число являлся въ квартиру Кенигсбекъ и тамъ, какъ утверждали сосѣди, счи-

талъ съ ней деньги. Убійство же было совершено тоже въ первыхъ числахъ. Кромѣ этого, противъ Дикгофа говорило и то обстоятельство, что послѣ убійства Кенигсбекъ онъ обнаруживалъ странное безпокойство, часто заглядывалъ въ окна банкирскихъ конторъ, разсматривалъ разныя карты и путеводители и неоднократно выражалъ желаніе переселиться въ Америку. Такова въ общихъ чертахъ была сущность обвиненій противъ Дикгофа и таковы были собранныя противъ него улики, къ которымъ надо еще прибавить сбивчивость его показаній и его сильное замѣшательство во время допроса.

Недостаточность доказательствъ сознавали и судьи, и присяжные, наконецъ, инстинктивно то же чувствовала и вся публика, съ утра до ночи осаждавшая зданіе суда и съ необычайнымъ интересомъ слѣдившая за ходомъ процесса. Но всѣ чувствовали и понимали вмѣстѣ съ тѣмъ, что человѣкъ, сидѣвшій на скамьѣ подсудимыхъ, былъ причастенъ къ совершеннымъ убійствамъ и что въ лицѣ его судъ имѣлъ дѣло съ опаснѣйшимъ преступникомъ, вся жизнь котораго представляла неразрывную цѣпь преступленій и который стоялъ во главѣ опасной шайки, не останавливавшейся ни предъ какимъ преступленіемъ, разъ дѣло шло объ удовлетвореніи алчности. Присяжнымъ поэтому предстояло разрѣшить весьма трудную задачу. Они долго колебались, но, наконецъ, чувство взяло верхъ надъ разсудкомъ. Выборъ былъ сдѣланъ и, насколько онъ былъ удаченъ, можно судить по тому глубокому чувству внутренняго удовлетворенія, которое вызвалъ ихъ вердиктъ во всѣхъ слояхъ берлинскаго общества.

Процессъ Дикгофа, помимо его чисто юридическаго интереса, представлялъ, главнымъ образомъ, интересъ съ своей психологической и бытовой стороны. Личность виновнаго, его отношенія къ своимъ жертвамъ и пособникамъ—вотъ что невольно сосредоточивало на себѣ вниманіе. Передъ изумленными слушателями раскрывалась бездна человѣческой порочности и обнаруживался совершенно новый въ самомъ себѣ замкнутый міръ—міръ профессіональныхъ преступниковъ и преступности. Процессъ Дикгофа, вскрывъ отношенія и связи міра профессіональныхъ столичныхъ преступниковъ, далъ возможность прослѣдить образъ жизни преступнаго люда и изучить его организацію и особенное нарѣчіе. Въ нѣмомъ изумленіи остановилась берлинская публика передъ развернувшейся картиной развращенности, и каждому въ первый разъ стало понятно, какой опасности ежедневно подвергается человѣкъ среди такой могущественной и хорошо замаскированной преступной организаціи.

Дикгофу во время производства дѣла было лѣтъ за 50. Въ общемъ, нужно сознаться, онъ производилъ довольно выгодное впечатлѣніе и могъ внушить къ себѣ даже нѣкоторое довѣріе. Тѣмъ не менѣе это былъ до мозга костей испорченный человѣкъ, всѣ помыслы котораго были заняты преступленіемъ. Онъ былъ прежде каретникомъ, но давно оставилъ это ремесло и съ тѣхъ поръ называлъ себя «коммиссіонеромъ».

Коммиссіонерство въ Берлинѣ, какъ и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ, составляетъ особаго рода промыселъ. Поле дѣятельности коммиссіонера весьма обширно. Онъ посредничаетъ въ продажахъ милліонныхъ имѣній и въ то же время не брезгаетъ доставлять и любовныя письма, былъ бы только при этомъ заработокъ. Разнообразнѣйшія условія столичной жизни являются причиной того, что нѣкоторыя дѣла нуждаются именно въ такихъ посредникахъ. Во всѣхъ отрасляхъ коммиссіонеры слывутъ ловкими дѣльцами. Имъ извѣстны законы лучше, чѣмъ всякому другому частному лицу, и они ловко умѣютъ обходить законъ. Хотя занятія коммиссіонера и могутъ быть честными, но опытъ показываетъ, что въ большинствѣ случаевъ они представляются темными. Изъ десятковъ коммиссіонеровъ, являвшихся свидѣтелями въ процессѣ Дикгофа, почти $^3/_4$ подвергались наказаніямъ и при томъ почти всѣ за обманы, утайки, поддѣлки векселей и пр. Благодаря этому, званіе и занятія коммиссіонера съ тѣхъ поръ пріобрѣли дурную славу, а потому коммиссіонеры принимаютъ другія названія, какъ, напр., «агентъ» и пр.

Прежде коммиссіонеры имѣли свои биржи въ Берлинѣ; но и теперь еще они сходятся въ назначенные часы въ нѣкоторыхъ ресторанахъ и на оживленнѣйшихъ улицахъ города и здѣсь обмѣниваются своими свѣдѣніями и сообщаютъ другъ другу о ходѣ дѣлъ. Коммиссіонеры въ дѣлахъ, обѣщающихъ большой барышъ, рѣдко дѣйствуютъ въ одиночку, а почти всегда пріискиваютъ себѣ среди своихъ сотоварищей одного или нѣсколькихъ помощниковъ, смотря по надобности, и распредѣляютъ роли. Гдѣ одинъ изъ нихъ не можетъ или почему-либо не долженъ являться, тамъ вмѣсто него является другой. Часто одно порученіе проходитъ черезъ нѣсколько рукъ, и хотя барышъ перваго, взявшаго дѣло, отъ того уменьшается, но онъ надѣется вознаградить себя, когда другіе, въ свою очередь, призовутъ его на помощь.

Такимъ именно коммиссіонеромъ былъ и Дикгофъ, который въ совершенствѣ изучилъ это занятіе. Онъ бывалъ посредникомъ и въ чистыхъ дѣлахъ, и даже одно время онъ только и велъ такія дѣла. Это было время, когда на долю коммиссіонеровъ приходились большіе барыши. Но подобныя занятія не могли долго удовлетворять человѣка съ такими потребностями. Онъ жилъ хорошо и требовалъ многаго. Онъ не былъ трудолюбивъ, любилъ легкую наживу и умѣлъ находить ее. Кругъ его мошеннической дѣятельности не имѣлъ границъ. Подъ разными предлогами и обѣщаніями онъ вымогалъ себѣ ссуды, утаивалъ ввѣренныя ему деньги и поддѣлывалъ векселя. Производя операціи съ цѣнными бумагами своихъ довѣрителей, онъ обманывалъ ихъ относительно настоящей ихъ стоимости, являлся на публичные торги и аукціоны, набивалъ цѣны и вынуждалъ заинтересованныхъ платить ему отступное, безъ задатковъ покупалъ на торгахъ жилые дома, наскоро собиралъ съ жильцовъ возможно большую сумму наемной платы и потомъ снова пускалъ домъ въ продажу съ молотка и пр.

Но этимъ дѣятельность Дикгофа не исчерпывалась. Его спеціальность состояла въ томъ, что онъ умѣлъ снискивать себѣ довѣріе старыхъ одинокихъ богатыхъ людей и преимущественно женщинъ. Ему поручали вести свои дѣла самыя боязливыя и недовѣрчивыя личности. Понятно, что Дикгофъ пользовался довѣріемъ только для набиванія своихъ кармановъ. И такой образъ жизни этотъ человѣкъ велъ въ теченіе 20 лѣтъ, ни разу не будучи привлеченъ къ отвѣтственности. Но и кругъ коммиссіонерской дѣятельности для Дикгофа былъ слишкомъ ограниченъ, и онъ нашелъ себѣ подходящее мѣсто среди опаснѣйшихъ преступниковъ столицы.

Время Дикгофа было правильно распредѣлено. До обѣда онъ отправлялся изъ Никодорфа въ Берлинъ. Его жена хотя и подозрѣвала преступныя занятія мужа, но не была посвящена въ его дѣятельность и заработывала свой скудный хлѣбъ честнымъ трудомъ. Въ Берлинѣ Дикгофъ посѣщалъ дневную биржу комиссіонеровъ на площади городской ратуши и послѣобѣденную биржу въ пассажѣ и только поздно вечеромъ, а иногда и ночью, возвращался домой въ Никодорфъ. Въ промежуткахъ, когда онъ разставался со своими товарищами — коммиссіонерами, онъ тотчасъ направлялся въ другой міръ и окунался въ другую таинственную жизнь. И тогда на сцену выступали другія лица, не имѣвшія съ первыми ничего общаго, кромѣ развѣ самого Дикгофа. Встрѣчи происходили въ домѣ терпимости. Но не проституція, конечно, притягивала Дикгофа въ подобныхъ случаяхъ, хотя онъ и не гнушался никакимъ развратомъ. Его притягивали тѣ люди, которыхъ онъ находилъ въ этихъ притонахъ и которые могли служить ему въ его преступныхъ замыслахъ. Онъ имѣлъ одну лишь цѣль—легкую наживу и беззаботную жизнь, а все остальное служило лишь средствомъ. Ради этой цѣли онъ и слюбился съ лицами, вращавшимися въ притонахъ разврата. Каждый изъ нихъ уже побывалъ въ тюрьмахъ. Всѣ они добывали себѣ нѣкогда средства существованія иными, но ужъ давно они отказались отъ прежней жизни, и теперь были ворами и укрывателями по профессіи. Здѣсь были люди всевозможныхъ спеціальностей, каждый изъ которыхъ и теперь выполняетъ свои особыя функціи. Здѣсь были ловкіе слесаря, подбиравшіе и подделывавшіе воровскіе ключи къ любому замку, и зоркіе соглядатаи; здѣсь были проворные сбытчики-укрыватели и столь же проворные ювелиры, въ плавильняхъ которыхъ быстро исчезали краденыя металлическія вещи и пр. Всѣ эти лица ежеминутно были готовы на всякое преступленіе, всѣ состояли съ Дикгофомъ въ тѣсной дружбѣ, потому что они не могли обойтись другъ безъ друга: Дикгофъ, въ качествѣ коммиссіонера имѣвшій доступъ повсюду, находилъ мѣста для поживы, а они, подъ его руководствомъ, приводили въ исполненіе его воровскіе замыслы.

При развѣдкахъ ничто не ускользало отъ зоркаго и опытнаго глаза Дикгофа. Онъ принималъ во вниманіе рѣшительно все: двери, окна, замки, даже привычки и странности хозяевъ. Гдѣ не помогали наблюденія, тамъ

въ дѣло пускался ловкій оборотъ рѣчи, который, не навлекая подозрѣніе хозяевъ, давалъ Дикгофу необходимыя свѣдѣнія. Когда онъ считалъ послѣднія достаточными, тогда онъ отправлялся въ притонъ, гдѣ около него тотчасъ собирался кругъ его пріятелей. Онъ передавалъ дѣло, сообщалъ планъ, распредѣлялъ роли, а потомъ въ опредѣленный часъ всѣ отправлялись на работу. Благодаря своему умственному превосходству и энергіи, Дикгофъ былъ душей этого общества; всѣ же остальные его члены были только орудіями исполненія. Между ними Дикгофъ завелъ строгій порядокъ, раздѣленіе труда и большую выдержку. По его собственному выраженію, у него были такіе молодцы, которые во всякое время могли достать деньги, откуда бы то ни было и которые были нѣмы, какъ могила. Благодаря такой превосходной организаціи и безусловному молчанію, Дикгофъ только и могъ во все время своей продолжительной преступной дѣятельности не попадаться въ руки полиціи. Машина дѣйствовала настолько хорошо, что, несмотря на отдѣльныя поимки воровъ исполнителей, цѣлое оставалось неизвѣстнымъ.

Чтобы обворованные не могли болтать, Дикгофъ рѣшилъ кончать съ ними. На него падало подозрѣніе въ совершеніи громаднаго числа убійствъ за послѣднія 10 лѣтъ. Всѣ эти убійства совершены были при поразительно одинаковыхъ условіяхъ и жертвами ихъ являлись всегда старыя, одинокія, богатыя женщины, что и заставляло думать, что всѣ они совершены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Но виновность въ нихъ Дикгофа, за исключеніемъ двухъ приведенныхъ выше случаевъ, не могла быть доказана съ достаточной степенью достовѣрности. Одно изъ двухъ убійствъ, за которые былъ осужденъ Дикгофъ, кромѣ самаго процесса исполненія, представляетъ большой интересъ и по удивительной ловкости сокрытія слѣдовъ и направленія ихъ на другихъ. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе alibi, которое было такъ искусно конструировано, что выходило, будто въ ночь совершенія преступленія у Дикгофа не оставалось ни единой свободной минуты для его выполненія. Всѣ свидѣтели, вызванные обвиненнымъ для доказательства alibi, были однако его пріятели-коммиссіонеры. Во время производства дознанія въ квартиру убитой являлись также какія то темныя личности, всячески разузнававшія у сосѣдей о его ходѣ и о дѣйствіяхъ полиціи. Доносы сыпались въ большомъ числѣ и ихъ поступленіе продолжалось до самаго дня разбора дѣла, вслѣдствіе чего заподозрѣвали все новыхъ лицъ, и дѣло становилось темнѣй и запутаннѣй. Въ газетахъ раздавались голоса въ пользу Дикгофа, которые выставляли его честнымъ и безупречнымъ человѣкомъ. Все это, конечно, были продѣлки Дикгофа и его клевретовъ. Но ничего не помогло, и его осудили. Самъ Дикгофъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своемъ оправданіи, такъ что при вторичномъ арестѣ онъ совершенно спокойно замѣтилъ слѣдственному судьѣ: «Вы увидите, г-нъ судья, что вы должны будете меня освободить, какъ и прошлый разъ».

II.

Причины возникновенія, образъ жизни и организація преступниковъ.

Народонаселеніе Берлина увеличивается въ громадной пропорціи, среднимъ числомъ на 4,1% ежегодно. Причину такого необыкновеннаго явленія слѣдуетъ искать въ чрезвычайно сильномъ приливѣ извнѣ, первый толчекъ къ которому дали счастливыя войны шестидесятыхъ годовъ, а еще болѣе возстановленіе Германской имперіи и перенесеніе въ Берлинъ ея столицы. Съ этихъ поръ здѣсь стали усиленно развиваться торговля и промышленность и было основано огромное число центральныхъ учрежденій. Начался и усиленный приливъ населенія, положить предѣлъ которому не было никакой возможности. Не мудрено, что при этомъ въ Берлинѣ скопилось громадное число людей безъ опредѣленныхъ занятій и обманутыхъ искателей счастья, которые не вернулись обратно, потому что городъ съ милліоннымъ населеніемъ и разнообразнѣйшими отраслями промышленности не требуетъ никакой спеціальной подготовки отъ такихъ людей и представляетъ имъ гораздо больше шансовъ на скорое поправленіе своихъ дѣлъ, нежели маленькій городъ. Многіе изъ нихъ переходятъ отъ занятія къ занятію и, не успѣвая ни въ одномъ, опускаются все ниже и ниже, въ тѣ круги общества, гдѣ они неизбѣжно встрѣчаются съ сомнительными личностями, въ которыхъ жизнь успѣла уже заглушить все хорошее и для которыхъ нѣтъ ничего завѣтнаго. Сначала они съ омерзеніемъ отворачиваются отъ этихъ нравственныхъ уродовъ, отъ этихъ падшихъ людей. Но затѣмъ безъисходная нужда и невозможность честно заработать кусокъ хлѣба, съ одной стороны, и кажущаяся жизнь довольства окружающихъ субъектовъ — съ другой, дѣлаютъ свое дѣло—человѣкъ падаетъ и становится преступникомъ... Скоро, конечно, онъ узнаетъ всю горечь, всю непригядность своей новой жизни. То же горе, та же нужда и безъисходность, да сверхъ того прибавляется еще новое положеніе—положеніе травимаго зайца. Несчастный старается заглушить въ себѣ оставшіяся еще искры человѣчности и хочетъ забыться. Вино тогда приходитъ на помощь... Позднее раскаяніе не приводитъ ни къ чему; съ ужаснаго пути нѣтъ возврата, и въ обществѣ, изъ котораго онъ ушелъ, уже нѣтъ мѣста для него! И въ эту ужасную бездну падаютъ ежегодно тысячи жертвъ!

Къ чести берлинскихъ преступниковъ, среди нихъ нѣтъ собственно преступныхъ семей, иначе говоря, нѣтъ наслѣдственныхъ преступниковъ. Правда, бываютъ случаи, что воровка-мать пріучаетъ и дочь къ своему ремеслу, или сынъ негодяя-отца, по примѣру послѣдняго, становится преступникомъ. Но это исключенія. Почти всегда отецъ скрываетъ свое преступное ремесло отъ дѣтей, и даже отъ жены, и заставляетъ дѣтей

правильно посѣщать безплатныя школы, такъ какъ въ Берлинѣ большое количество прекрасно устроенныхъ, безплатныхъ общественныхъ школъ.

Берлинскіе преступники, совершивъ преступленіе, не покидаютъ Берлина и въ немъ продолжаютъ свою преступную дѣятельность. Они хорошо знаютъ что наиболѣе удобной ареной для ихъ дѣятельности можетъ служить только большой городъ, съ его густымъ населеніемъ и мрачными трущобами. Здѣсь больше шансовъ поживиться и легче скрыть свои слѣды. Еще очень недавно одному старому преступнику, хорошо извѣстному сыскной полиціи, удалось скрываться въ продолженіе двухъ лѣтъ въ Берлинѣ, несмотря на усиленные розыски. Странность этого факта частью находитъ себѣ объясненіе въ значительной густотѣ берлинскаго населенія.

Въ Берлинѣ есть нѣсколько предмѣстій, которыя непосредственно къ нему прилегаютъ. Каждое изъ нихъ представляетъ цѣлый лабиринтъ высокихъ домовъ, доходящихъ до шести — семи этажей, раздѣленныхъ на маленькія квартирки и густо населенныхъ отъ подвала до чердака включительно. При постройкѣ такихъ домовъ не соблюдаются никакія санитарныя требованія. Въ заднихъ и боковыхъ строеніяхъ воздухъ и свѣтъ почти отсутствуютъ. Они проникаютъ сюда черезъ такъ называемый «свѣтлый дворъ»—узкое свободное пространство, заключенное между зданіями и представляющее изъ себя видъ колодца.

При входѣ въ эти жилища васъ обдаетъ сыростью и зловоніемъ; въ нихъ повсюду царствуютъ грязь и полумракъ: изъ сосѣднихъ квартиръ доносятся брань, а на лѣстницахъ возятся полунагіе ребятишки. Здѣсь часто можно натолкнуться на драку, въ которой пускается въ ходъ все, что попадетъ подъ руку; мужчины спускаютъ другъ друга съ лѣстницы, женщины вцѣпляются въ волосы и обливаютъ одна другую всякой мерзостью. Въ такихъ домахъ жильцы по большей части раздѣляются на двѣ враждебныя партіи и при малѣйшемъ поводѣ, а иногда и безъ всякаго повода, начинаютъ баталіи. Недолгое перемиріе настаетъ только тогда, когда домохозяину или его управляющему вздумается возстановить тишину. Въ такихъ случаяхъ приходится иногда страдать и бокамъ самого хозяина.

Внутренность жилищъ не менѣе безобразна и отвратительна. Если квартирка состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ и кухни, то всѣ комнаты сдаются въ наемъ, а хозяева съ своимъ семействомъ помѣщаются въ кухнѣ. Часто вся квартира состоитъ только изъ одной кухни, и тогда здѣсь помѣщается не только многочисленное семейство хозяевъ, но еще сдается въ наемъ, безразлично—мужчинѣ или женщинѣ, уголъ или койка. Если же для квартиранта не имѣется лишней кровати, то онъ пользуется кроватью поочередно съ хозяевами, а при достаточной ея ширинѣ спитъ съ ними всегда, при чемъ хозяинъ ничуть не безпокоится, если ему приходится оставить въ кровати свою жену съ квартирантомъ.

Таковы пріюты берлинскихъ преступниковъ. Сюда принимаютъ всякаго, кто можетъ заплатить нѣсколько грошей за свой уголъ. Вновь

прибывшему не предлагаютъ никакихъ вопросовъ, да и врядъ ли онъ сталъ бы распространяться о себѣ. Естественно, что такая обстановка, и ежедневно такія картины развращаютъ живущихъ здѣсь дѣтей, которыя впослѣдствіи являются достойными питомцами этого мрачнаго міра. Тѣснота жилищъ и дурные примѣры, да отсутствіе надзора влекутъ за собой прежде всего слишкомъ раннія половыя сношенія. Съ теченіемъ времени подростки переносятъ театръ своихъ дѣйствій со двора на улицу и тамъ постепенно становятся тѣми героями, которые при малѣйшемъ поводѣ хватаются за ножъ. Сначала ихъ привлекаютъ витрины въ окнахъ кондитерскихъ и колбаса въ мясныхъ лавкахъ, а затѣмъ бутылки винныхъ погребовъ и трактировъ. При этомъ всегда находится уже опытный товарищъ, который даетъ необходимыя указанія, ведущія къ цѣли, а иногда приводящія и въ полицейскій домъ, изъ котораго ихъ потомъ выпускаютъ, ограничившись небольшой карой, и изъ котораго они выносятъ большой запасъ опытности. Можно поражаться, въ какомъ раннемъ возрастѣ эти маленькіе негодяи начинаютъ свое преступное ремесло. Объявленія о кражахъ, совершенныхъ мальчиками отъ 8 до 11 лѣтняго возраста, вовсе не рѣдки. Большей частью въ совершеніи кражи принимаетъ участіе цѣлая шайка мальчиковъ. Въ такихъ случаяхъ они дѣйствуютъ сообща и по заранѣе обдуманному плану.

Этихъ малолѣтнихъ преступниковъ можно встрѣтить на ярмаркахъ и базарахъ, гдѣ они изъ-подъ рукъ торговца крадутъ плоды, овощи, игрушки и т. п. Среди бѣла дня и на оживленнѣйшихъ улицахъ города они вспрыгиваютъ на ѣдущія повозки, стаскиваютъ съ нихъ бутылки съ пивомъ и уничтожаютъ содержимое, а бутылки продаютъ за нѣсколько монетъ, которыя тутъ же ими проѣдаются. Почти у каждаго изъ нихъ существуетъ своя спеціальность. Тотъ занимается исключительно кражей голубей, другой имѣетъ пристрастіе къ выставкамъ на окнахъ магазиновъ и пр. Нерѣдко случается, что при разборѣ дѣлъ такихъ юныхъ преступниковъ на судѣ присутствуютъ и ихъ родители, часто производящіе очень хорошее впечатлѣніе. Иногда они просятъ судъ смягчить приговоръ, обѣщая подвергнуть своихъ дѣтей строгому домашнему взысканію и строже слѣдить за ихъ воспитаніемъ. На сколько искренни подобныя обѣщанія, неизвѣстно. Можно сказать только, что даже и добрыя намѣренія родителей не приводятъ ни къ чему. Эти дѣти навсегда потеряны для общества. Чѣмъ старше они становятся, тѣмъ строже становятся налагаемыя на нихъ наказанія и тѣмъ закаленнѣе становятся они сами. Въ дурномъ обществѣ, необходимомъ для ихъ дальнѣйшаго развитія на пути преступленій, въ Берлинѣ недостатка не бываетъ и его они могутъ встрѣтить на каждомъ шагу. Берлинъ изобилуетъ трактирами, кабаками и погребками. Нерѣдко случается, что въ одномъ домѣ три ресторана, а улица состоитъ изъ столькихъ же питейныхъ заведеній, сколько въ ней домовъ. Очень и очень немногіе изъ нихъ имѣютъ порядочное помѣщеніе и такіе доступны весьма немногимъ. Боль-

шая же часть заведеній тѣсны и грязны. Для привлеченія посѣтителей трактирщики пускаются на всевозможныя средства. Они держатъ женскую прислугу, устраиваютъ сбоку чуланчикъ, куда посѣтитель можетъ удалиться съ женщиной. Въ этихъ учрежденіяхъ молодой человѣкъ и вступаетъ на путь преступленій. Здѣсь онъ сходится съ различнымъ сбродомъ, заводитъ обширныя знакомства, слышитъ много разсказовъ о воровскихъ подвигахъ, которые разъукрашиваются и преувеличиваются. И вотъ, у молодого слушателя является желаніе себя показать и блеснуть передъ другими. Разумѣется, ему не долго приходится ожидать случая осуществить свои мечты на дѣлѣ. При первой же возможности онъ принимаетъ участіе въ томъ или другомъ предпріятіи и мало по малу на практикѣ изучаетъ всѣ тонкости ремесла и всѣ уловки своихъ учителей. Тогда онъ начинаетъ посѣщать тѣ же кабаки и трактиры, но не въ качествѣ уже новичка, а въ качествѣ человѣка съ вѣсомъ и положеніемъ въ этомъ обществѣ. Изъ всѣхъ кабаковъ онъ дѣлаетъ выборъ и посѣщаетъ только избранныя.

Эти пивныя или кабаки, а иногда и просто погребки помѣщаются въ подвальныхъ этажахъ, окна которыхъ выдаются надъ уровнемъ земли лишь на столько, на сколько это необходимо по полицейскимъ правиламъ о помѣщеніяхъ трактировъ и питейныхъ домовъ. Хозяева такихъ заведеній не выставляютъ большихъ вывѣсокъ и не зажигаютъ фонарей у входа для привлеченія посѣтителей. Они имѣютъ своихъ постоянныхъ гостей, которые найдутъ входъ и безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ. Состоятъ такія заведенія изъ одной или двухъ низкихъ комнатъ съ закопченными потолками, грязными стѣнами и жалкой обстановкой. У маленькихъ столиковъ сидятъ группы людей, представляющія собой самое разнокалиберное общество. За однимъ столомъ помѣщаются совершенно оборванные субъекты, за другимъ—франты въ щегольскихъ костюмахъ и безъукоризненномъ бѣльѣ; нѣкоторыхъ же можно принять за ремесленниковъ. Здѣсь есть и женщины, сидящія или въ одиночку, или же присосѣдившіяся къ мужчинамъ. Онѣ — здѣшнія завсегдатаи, и имъ иногда даютъ роли въ задумываемыхъ преступленіяхъ. Посѣтители курятъ, пьютъ водку или пиво, бесѣдуютъ или играютъ въ карты. Посторонній человѣкъ, войдя въ заведеніе, при всей наблюдательности, не могъ бы узнать, что онъ имѣетъ дѣло исключительно съ преступниками. Но лишь только онъ удалится, картина измѣняется. Одинъ вынимаетъ изъ кармана портмоне съ деньгами и дѣлится со своими собесѣдниками, очевидно, товарищами въ совершенномъ преступленіи; другіе перешептываются и обдумываютъ планы будущихъ предпріятій. Ссоры при этомъ случаются рѣдко, и немедленно прекращаются другими присутствующими и хозяиномъ, которымъ нельзя выносить сору изъ избы. Но вотъ въ дверь просовывается чья то голова, произноситъ одно лишь слово: «ламры»—и немедля изчезаетъ. Тогда заведеніе въ мигъ какъ бы вымираетъ. Не остается никого. Исчезаютъ слѣды недавняго пребыванія

на самыхъ столахъ. Остается одинъ хозяинъ, который стоитъ за прилавкомъ съ такимъ скучающимъ и соннымъ видомъ, какъ будто у него весь день и весь вечеръ не было ни одного посѣтителя. Входитъ полиція, но она находитъ уже гнѣздо пустымъ. Напрасно приступили бы съ разспросами къ трактирщику: онъ ничего не знаетъ и не вѣдаетъ и даже не умѣетъ толково отвѣтить на вопросы. Въ полночь трактиръ запирается, и тогда въ задней его половинѣ начинаются дикія оргіи, которыя продолжаются до утра, и во время которыхъ шампанское — вовсе не рѣдкость.

Не смотря на кажущееся равнодушіе, хозяинъ зорко слѣдитъ за своими посѣтителями и знаетъ все, что ему нужно знать о нихъ, но, разъ онъ привлеченъ къ отвѣтственности или въ качествѣ свидѣтеля, онъ превращается въ самаго невиннаго простака, ничего не знающаго и не понимающаго. Случается, впрочемъ, иногда, что полиція застаетъ всѣхъ врасплохъ. Тогда наблюдается иная картина. Преступники знаютъ на перечетъ всѣхъ полицейскихъ агентовъ и при входѣ ихъ не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки бѣжать, понимая, что такія попытки напрасны, потому что выходы охраняются. Они преспокойно продолжаютъ прежніе разговоры и ихъ лица имѣютъ самыя невинныя выраженія. Но и полиція знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и забираетъ отсюда именно того или тѣхъ, кого ей нужно. Остальные дѣлаютъ видъ, что это ихъ вовсе не касается. Даже сами взятые обыкновенно спокойно слѣдуютъ за полицейскими чиновниками. Случаи сопротивленія при арестахъ очень рѣдки. Кромѣ спеціальныхъ розысковъ, полиція часто дѣлаетъ и общія облавы, при которыхъ забираетъ всѣхъ безъ исключенія. При этомъ часто попадаются давно разыскиваемые преступники. Такимъ образомъ мѣста ихъ пріюта служатъ имъ и мѣстомъ гибели.

Пріютами для бродягъ и преступниковъ служатъ въ Берлинѣ еще ночлежные дома, гдѣ за нѣсколько пфениговъ можно провести ночь. Эти дома представляютъ самую ужасную картину соціальнаго бѣдствія. Въ низкихъ сырыхъ комнаткахъ и при томъ часто глубоко подъ землею, или даже въ сараяхъ и погребахъ на голомъ полу и рѣдко на охапкѣ соломы, спятъ въ повалку въ одеждѣ безъ различія пола и возраста, ничѣмъ не укрытые люди въ страшной грязи и буквально облѣпленные насѣкомыми. Здѣсь нѣтъ никакой мебели, нѣтъ сидѣнія, такъ-что можно только или стоять или лежать на полу.

Зимою ночлежные дома посѣщаются больше, чѣмъ лѣтомъ, и тогда приходится съ бою брать себѣ мѣсто. Но не слѣдуетъ думать, что въ этихъ трущобахъ ютятся исключительно преступники. Здѣсь гораздо больше такого люда, который слоняется по улицамъ безъ крова и хлѣба и который можетъ заплатить только грошъ за то, что его укроютъ отъ холода и непогоды. Этимъ то голоднымъ, оборваннымъ, измученнымъ людомъ и пополняются ряды берлинскихъ преступниковъ. Попавъ въ нихъ, каждый новичекъ получаетъ свое прозвище, которое

и остается за нимъ до самой смерти, а иногда и переживаетъ его и переходитъ въ слѣдующія поколѣнія. Настоящее имя преступника большей частью неизвѣстно даже его старымъ товарищамъ по ремеслу. Между преступниками господствуютъ самыя довѣрчивыя отношенія. Всѣ они знаютъ другъ друга и образуютъ совершенно отдѣльный мірокъ, имѣющій даже свое особое нарѣчіе. Они женятся, родятъ дѣтей и въ крестные отцы приглашаютъ только своихъ товарищей-друзей. Они охотно помогаютъ другъ другу въ нуждѣ. Но не особенно предаются горю, если одинъ изъ нихъ попадется въ руки полиціи. Они забываютъ о немъ, пока онъ въ тюрьмѣ, и принимаютъ его опять дружески по его возвращеніи. Даже и въ тюрьмѣ преступникъ не одинокъ. Живя дружески на свободѣ, преступники и въ тюрьмѣ сплачиваются и помогаютъ другъ другу. Всякій, за кѣмъ закрылась дверь тюрьмы, находитъ здѣсь друзей и товарищей, готовыхъ помогать ему совѣтомъ и дѣломъ. Самое пребываніе въ одиночномъ заключеніи, не служитъ препятствіемъ для общенія. Самый бдительный надзоръ и самая строгая изолированность не могутъ поставить преграды хитростямъ и уловкамъ сплоченной, солидарной массы тюремныхъ обитателей. Безкорыстное стремленіе помогать другъ другу представляетъ собою отрадную черту въ натурѣ преступниковъ. Оно показываетъ, что при лучшихъ условіяхъ эта готовность помочь товарищу могла бы развиться въ благородную черту самопожертвованія. Быть можетъ этотъ преступникъ и не безъ пользы—пожертвовалъ бы собой для блага того общества, изъ котораго онъ былъ вытиснутъ... Въ настоящее же время эта черта служитъ только печальнымъ осложненіемъ въ той безконечной борьбѣ, которую ведетъ общество со своими отверженцами.

III.

Воры.

Воры представляютъ собою центръ берлинскихъ преступниковъ; все остальное группируется около него, отъ него зависитъ, изъ него возникаетъ и, даже выдѣлившись, снова въ него возвращается. Воры составляютъ коренную, профессіональную касту берлинскихъ преступниковъ, которая и выработала всѣ особенности ихъ организаціи и дисциплины. Начало этой организаціи слѣдуетъ искать не на берлинской почвѣ, а въ еврейскомъ населеніи Познани, гдѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія существовало замкнутое сословіе профессіональныхъ воровъ и мошенниковъ, раскинувшихъ свои сѣти по всей провинціи. О размѣрѣ ихъ дѣятельности и числѣ ихъ членовъ можно судить по надѣлавшему много шуму процессу Левенталя и сообщниковъ, въ которомъ фигурировало въ качествѣ подсудимыхъ 250 человѣкъ, сумма украденныхъ

вещей достигала 210,000 талеровъ, а судебные акты составляли 2,050 томовъ.

Изъ Познани они вскорѣ перенесли свою дѣятельность въ Берлинъ. Несмотря на запрещеніе селиться тамъ, они, однако, ухищрялись обойти (законъ) запретъ съ помощью фальшивыхъ документовъ, подкупа чиновниковъ и проч. Смѣшавшись здѣсь съ преступниками изъ христіанъ, евреи передали имъ свою организацію, свои пріемы и свое нарѣчіе, представляющее въ настоящее время смѣсь еврейскихъ и романскихъ (цыганскаго происхожденія) словъ съ нѣмецкими окончаніями. Знаніе этого нарѣчія является существенной необходимостью не только для судьи, но и для всякаго берлинскаго криминалиста. Обладая имъ, даже простому полицейскому чиновнику иногда удастся напасть на слѣдъ преступленія, надъ которымъ ломали бы головы самые остроумные и проницательные судебные слѣдователи.

Характерную черту берлинскихъ воровъ составляетъ строгое разграниченіе профессій. Такъ, карманный воръ предается всей душею своему ремеслу и считаетъ ниже своего достоинства совершить другаго рода кражу; равнымъ образомъ профессіональный магазинный воръ всецѣло посвящаетъ себя своей профессіи и даже серьезно обижается, если его подозрѣваютъ въ совершеніи другаго рода преступленія и т. д. Это разграниченіе профессій не мало способствовало тому, что берлинскіе воры стали очень опасными для общества, такъ какъ постоянное и исключительное занятіе однимъ и тѣмъ же ремесломъ сдѣлало ихъ такими опытными мошенниками, что борьба противъ нихъ становится почти невозможной.

Самыми ловкими и искусными, а потому и самыми опасными являются *карманные* воры. Одѣтые по послѣдней модѣ, они являются вездѣ, гдѣ только бываетъ большое стеченіе публики: на оживленныхъ улицахъ, въ многолюдныхъ пассажахъ, у кассъ театровъ, въ циркѣ и т. п. Намѣтивъ себѣ жертву, по большей части въ лицѣ неопытнаго провинціала или чужеземца, воръ преслѣдуетъ его до тѣхъ поръ, пока цѣль его не будетъ достигнута; при этомъ способы, съ помощью которыхъ они совершаютъ свои операціи, бываютъ весьма разнообразны и многосложны. Прежде всего карманный воръ старается настолько приблизиться къ преднамѣченной имъ жертвѣ, чтобы получить возможность посредствомъ ощупыванія удостовѣриться, въ какомъ именно карманѣ хранятся часы, кошелекъ, бумажникъ и другіе цѣнные объекты. Если означенныя вещи находятся въ такомъ карманѣ, что доступъ къ нему возможенъ снаружи, то воръ вытаскиваетъ ихъ помощью указательнаго и средняго пальцевъ, управляя ими какъ ножницами. Если же вещи спрятаны такъ, что ихъ снаружи достать нельзя, то воръ прибѣгаетъ тогда къ такъ-наз. «сѣченію», которое состоитъ въ слѣдующемъ: воръ разрѣзываетъ острымъ ножемъ или другимъ острымъ орудіемъ платье жертвы на томъ мѣстѣ, гдѣ находится предполагаемая цѣнная вещь, и черезъ

образовавшееся, такимъ образомъ, отверстіе производитъ тѣ же манипуляціи, какъ и въ первомъ случаѣ.

Но во всѣхъ этихъ случаяхъ карманный воръ, дѣйствуя одинъ, подвергается большимъ опасностямъ; по большей же части онъ имѣетъ одного или нѣсколькихъ сообщниковъ, которые исполняютъ для него всѣ вспомогательныя дѣйствія. Они вызываютъ искусственно стеченіе публики посредствомъ мнимыхъ дракъ и ссоръ, въ случаѣ погони за настоящимъ воромъ, они загораживаютъ путь преслѣдователямъ, жестикулируютъ, кривляются, какъ будто сами заинтересованы въ поимкѣ вора, направляютъ публику на ложный слѣдъ и т. д.

Вотъ это-то взаимодѣйствіе и солидарность берлинскихъ карманныхъ воровъ и дѣлаетъ ихъ такими опасными для общества; вотъ почему, не смотря на строжайшія мѣры, предпринимаемыя столичной полиціей для искорененія этого общественнаго зла, ей еще ни разу не удалось поймать вора in flagranti.

Второй по многочисленности классъ воровъ составляютъ такъ-наз. *магазинные* воры, преимущественно женщины. Зайдя въ какой-нибудь большой магазинъ, женщина-воровка проситъ показать себѣ разный товаръ. Заставляя продавца подъ разными благовидными предлогами доставать товаръ изъ отдаленнѣйшихъ концовъ своего магазина, она, улучивъ удобный моментъ, съ быстротою молніи спускаетъ цѣлые куски матеріи въ особо приспособленные для этой цѣли карманы. Любопытенъ способъ, коимъ женщины воруютъ обувь. Для этой цѣли онѣ носятъ вокругъ тѣла снурки, снабженные крючками и доходящіе почти до колѣнъ—и на этихъ-то крючкахъ исчезаетъ значительная часть безчисленнаго множества примѣриваемыхъ ими башмаковъ.

Слѣдующая категорія воровъ занята исключительно обкрадываніемъ бѣднаго класса населенія. Пользуясь тѣмъ, что бѣдняки принуждены отдавать въ наемъ комнату или уголъ, о чемъ они вывѣшиваютъ на воротахъ и дверяхъ записки, воры эти, подъ видомъ нанимателей, приходятъ въ квартиру такого бѣдняка и нанимаютъ комнатку, давъ задатокъ или предъявивъ какой-нибудь ложный документъ. Сдѣлавшись формальнымъ жильцомъ, воръ улучаетъ удобное время, когда хозяева отлучаются изъ квартиры, и приводитъ въ исполненіе свой замыселъ. Къ нимъ же можно отнести и тѣхъ воровъ, спеціальность которыхъ составляетъ кража бѣлья, вывѣшиваемаго для сушки. Въ случаѣ невозможности уйти незамѣтно, они прибѣгаютъ иногда къ насилію и составляютъ уже, такимъ образомъ, переходную ступень къ той категоріи воровъ, которые дѣйствуютъ исключительно насиліемъ.

Настоящій берлинскій воръ только этотъ родъ кражи считаетъ достойнымъ для себя ремесломъ, да притомъ онъ вынужденъ къ этому тѣми усовершенствованными мѣрами предосторожности, которыя въ настоящее время принимаются противъ такихъ непрошенныхъ гостей. Они дѣлятся на *два* класса: одни изъ нихъ дѣйствуютъ по заранѣе обдуманному плану,

другіе же дѣйствуютъ спроста, безъ предварительныхъ приготовленій. Эти послѣдніе менѣе опасны, такъ какъ кражи, совершаемыя ими, носятъ на себѣ наивный и чисто случайный характеръ и требуетъ особенно выгодныхъ для себя условій. За то въ высшей степени разнообразны и дерзки, совершаемыя по заранѣе обдуманному плану, съ необходимыми приготовленіями. Тутъ дѣйствуетъ сообща цѣлая шайка воровъ-спеціалистовъ, не отступающихъ ни передъ какими трудностями. Ловкость и смѣлость, съ которыми они совершаютъ кражи, превосходитъ всякое воображеніе. Еще задолго до самаго исполненія преступленія, спеціальные развѣдчики рекогносцируютъ театръ будущихъ дѣйствій, узнаютъ въ подробностяхъ мѣсто, расположеніе дома, характеръ хозяевъ, число прислуги и другія необходимыя свѣдѣнія. Затѣмъ они приступаютъ къ устраненію препятствій, могущихъ встрѣтиться имъ на пути къ самому исполненію задуманнаго преступленія. Тутъ на первомъ планѣ выступаетъ, конечно, прислуга, съ которой имъ нужно, такъ или иначе, покончить. Для этого они заводятъ съ ней знакомство еще задолго до назначеннаго для совершенія кражи дня, а въ самый этотъ день они назначаютъ ей любовное свиданіе или дружескую попойку въ трактирѣ, смотря по характеру и полу данной прислуги. Не менѣе важнымъ препятствіемъ для воровъ является чуткая собака. Для устраненія ея воры пользуются различными средствами. Они или подаютъ ей кусокъ жирной колбасы, или подводятъ ей самку которая должна отвлечь вниманіе дворовой собаки со двора, а въ крайнемъ случаѣ они ее отравляютъ. Также искусно воры справляются и съ другими препятствіями, могущими помѣшать исполненію преступленія. Если же эти препятствія не устранимы или устраненіе ихъ сопряжено съ большимъ рискомъ, то воры рѣшаются на крайности, и тогда дѣйствія ихъ поражаютъ своей дерзостью. Еще въ самое послѣднее время неоднократно случалось, что воры ночью врывались въ обитаемыя квартиры, зажигали свѣтъ въ смежной со спальней комнатѣ и хладнокровно опустошали шкафы, выдвижные ящики, комоды и другую мебель, могущую, по ихъ мнѣнію, содержать въ себѣ цѣнныя вещи. Они даже входили въ спальню и забирали съ ночнаго столика часы, кошелекъ, между тѣмъ какъ хозяева покоились въ глубокомъ снѣ.

Опасность, вытекающая изъ этого промысла для берлинскаго общества, не была бы такъ велика, если бы въ Берлинѣ, какъ и въ другомъ большомъ городѣ, не былъ такъ легокъ сбытъ краденыхъ вещей. Въ Берлинѣ существуетъ безчисленное множество лицъ, которыя подъ разными фирмами занимаются покупкой и продажей краденыхъ вещей, а иные даже просто укрывательствомъ. Тутъ есть и старьевщики, и мусорщики (иначе «естествоиспытатели)», и содержатели тайныхъ и явныхъ ссудныхъ кассъ. Всѣ эти лица занимаются своимъ ремесломъ лишь pro forma, на самомъ же дѣлѣ они суть тѣ же развѣдчики и укрыватели, которые дѣйствуютъ рука объ руку съ ворами, сбываютъ краденый товаръ и поощряютъ воровъ къ

дальнѣйшимъ кражамъ. Они то и суть настоящіе подстрекатели и главные помощники воровъ. Благодаря имъ, краденный товаръ быстро мѣняетъ своего хозяина, и часто даже прежде, чѣмъ кража обнаружена, вещи уже находятся внѣ Берлина. При этомъ укрыватели пользуются большею частью барыша, на долю же вора приходится только минимальная часть его. Несмотря на это, воръ продолжаетъ свое ремесло, побуждаемый подстрекательствомъ, угрозами и увѣщаніями этихъ именно укрывателей.

ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧИХЪ КЛАССОВЪ ВЪ БЕЛЬГІИ.

(Dr. *H. Herkner*, Die belgische Arbeiterenquête und ihre socialpolitischen Resultate. Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik. 1888, 2, 3 и 4 кн.).

Бельгія съ давнихъ поръ славилась своею торговлей и промышленностью, въ городахъ ея было сосредоточено много торговаго населенія, а нѣкоторыя отрасли промышленности были весьма распространены еще въ средніе вѣка. Благодаря этому, рабочее населеніе имѣетъ въ этой странѣ свою особую исторію, аналогію которой представляютъ лишь немногія страны съ старой городской культурой. Еще въ XIII вѣкѣ суконное производство въ Брабантѣ и Фландріи получило такое большое развитіе, что подмастерья изъ ткачей съ большимъ успѣхомъ отстаивали свои права, избирали изъ своей среды двухъ представителей цеха, посылали депутатовъ для надзора за исполненіемъ цеховыхъ порядковъ, а въ Брюгге добились даже участія въ барышахъ предпріятія. Но блестящее состояніе Бельгіи вмѣстѣ съ измѣненіемъ условій производства и хода международной торговли и промышленности уступило мѣсто упадку, который всего больше отразился на рабочихъ. Только въ концѣ прошлаго вѣка при Маріи Терезіи страна стала оживать въ экономическомъ отношеніи, но вмѣсто цеховыхъ порядковъ, гарантировавшихъ рабочимъ нѣкоторое благосостояніе, водворились новыя формы производства, раздача работы на домъ, при сильномъ господствѣ системы трука (truck-system). Хотя при Маріи Терезіи законъ предписывалъ платить рабочимъ исключительно деньгами, но положеніе ихъ было тѣмъ не менѣе въ высшей степени плачевно. Съ распространеніемъ идей французской революціи, требовавшихъ полной свободы труда, исчезли и тѣ немногочисленныя попытки помочь рабочимъ въ ихъ борьбѣ за свое существованіе, которыя отъ времени до времени предпринимала государственная власть. Хотя Бельгія въ промышленномъ отношеніи можетъ быть поставлена наряду съ Англіей, но въ соціальномъ отношеніи она едва достигла той ступени, на которой находилась Англія въ сороковыхъ годахъ нынѣш-

няго столѣтія. Причина этого удивительнаго застоя заключается въ исключительномъ преобладаніи буржуазіи; землевладѣльческій классъ въ Бельгіи не обладаетъ достаточной силой для проведенія реформъ, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами капиталистовъ. Съ другой стороны, бельгійская конституція допускаетъ къ участію въ выборахъ лишь тѣхъ, которые платятъ 42 франка прямыхъ налоговъ, что равносильно исключенію рабочихъ. Какъ ни печальна была участь рабочихъ въ Бельгіи, они долгое времени выносили ее безропотно. Борьба между католической партіей и либеральной не имѣла для этой страны того значенія, какое для англійскихъ рабочихъ имѣла борьба виговъ съ торіями, такъ какъ обѣ партіи вполнѣ сходились въ экономическихъ воззрѣніяхъ. Первое серьезное движеніе возникло съ учрежденіемъ международной рабочей ассоціаціи, сохранившей до сихъ поръ большое вліяніе на бельгійскихъ рабочихъ. Полная свобода слова, право устраивать собранія, учреждать союзы и общества, а съ другой стороны злоупотребленія въ примѣненіи къ дѣтскому и женскому труду сплотили рабочихъ, указали имъ на введеніе фабричнаго законодательства какъ на первое требованіе, для достиженія котораго всеобщая подача голосовъ представлялась необходимымъ средствомъ. Полному отчужденію рабочихъ отъ хозяевъ не мало содѣйствовало безжалостное отношеніе послѣднихъ ко всѣмъ нуждамъ меньшей братіи, прикрываемое фразами о свободѣ труда. Весьма характерно, что либеральный министръ финансовъ, Фреръ Орбанъ, смотрѣлъ на ограниченіе дѣтскаго и женскаго труда въ угольныхъ копяхъ, «какъ на одну изъ формъ рабства». «Когда регламентація труда безгранична, развиваетъ онъ свою мысль, получается рабство; когда она подчинена ограниченіямъ, получается несвобода и зависимость. До сихъ поръ я думалъ, что постепенный переходъ человѣчества отъ рабства, крѣпостничества, цеховъ, корпорацій, къ полному освобожденію людей было огромнымъ прогрессомъ человѣчества. Свобода труда есть самая священная, вѣчная собственность».

Подобнымъ же образомъ отнесся министръ внутреннихъ дѣлъ къ изслѣдованію коммиссіи, обнародовавшей возмутительные факты относительно вліянія работы въ копяхъ на здоровье и нравственный уровень дѣвушекъ и женщинъ; онъ нашелъ, что въ отчетѣ было beaucoup de théorie, mais de faits—point.

Словомъ, правительство мало интересовалось судьбой рабочихъ и не рѣшалось нарушать священной для предпринимателей свободы труда. Клерикалы признавали, правда, существованіе тяжелыхъ условій труда, но ограничивались проповѣдью о нравственномъ возрожденіи общества, о развитіи различныхъ формъ патроната, и усердно заботились о распространеніи среди предпринимателей и рабочихъ религіозныхъ чувствъ. Къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ теперь патронатъ, показываетъ отзывъ извѣстнаго католическаго писателя, профессора Перена. «Безъ духа самоотреченія, говоритъ онъ, патронатъ былъ бы для предпринимателей

только средствомъ скорѣе и полнѣе подчинить себѣ рабочихъ. Теперь у промышленниковъ не мало привычекъ, дающихъ право опасаться такихъ послѣдствій отъ патроната». Клерикалы стоятъ на такой точкѣ зрѣнія, которая не позволяетъ имъ требовать государственнаго вмѣшательства; они считаютъ свободную конкурренцію и свободное приложеніе труда необходимыми основами общества и въ самыхъ крайнихъ своихъ требованіихъ не выходили за предѣлы установленія воскреснаго отдыха для рабочихъ.

Лишенные всякой поддержки какъ со стороны правительства, такъ и со стороны общества, бельгійскіе рабочіе не останавливаются предъ самыми крайними воззрѣніями, и когда въ интернаціоналѣ обнаружился расколъ между Марксомъ и Бакунинымъ, бельгійскіе делегаты высказались за послѣдняго. Особенно сильное движеніе возникло послѣ брюссельскаго конгресса 1879 г., на которомъ была организована бельгійская рабочая соціалистическая партія. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ результатовъ этой организаціи явилось значительное увеличеніе числа рабочихъ союзовъ, кассъ, потребительныхъ обществъ и производительныхъ товариществъ, сплотившихъ рабочихъ различныхъ частей Бельгіи. Рабочіе мечтаютъ о всеобщей стачкѣ во всей странѣ и такимъ путемъ думаютъ добиться всеобщей подачи голосовъ и введенія фабричнаго законодательства; болѣе умѣренные говорятъ о «черной стачкѣ», т. е. о прекращеніи работы въ угольныхъ копяхъ и ожидаютъ исполненія своихъ требованій отъ удачной организаціи этой стачки.

Неожиданная вспышка рабочихъ, въ мартѣ 1886 г., наведшая ужасъ на всю Европу, заставила правительство и общество отнестись серьезнѣе къ рабочему вопросу и заняться изученіемъ положенія рабочихъ.

Коммиссія задалась весьма обширной задачей изучить всѣ экономическія и соціальныя условія жизни рабочихъ и съ этою цѣлью выработала программу, состоящую изъ ста отдѣльныхъ вопросовъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ свою очередь разбиты на нѣсколько частей. Обиліе вопросовъ и трудность оріентироваться въ деталяхъ имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что рабочіе не въ состояніи были принимать въ изслѣдованіи такое участіе, какое было бы желательно; многіе вопросы были имъ мало понятны и отвѣты послѣдовали главнымъ образомъ со стороны предпринимателей. Такъ, напримѣръ, на вопросъ о стачкахъ, организованныхъ за послѣднія двадцать лѣтъ, послѣдовало всего 82 отвѣта, но изъ этого числа только 7 исходили отъ рабочихъ, а 68 отъ хозяевъ. Кромѣ того, надо принять во вниманіе, что лучшіе отвѣты составлены не рабочими, даже не отдѣльными предпринимателями, а товариществами предпринимателей, такъ какъ послѣдніе обладаютъ лучшими средствами для выраженія своихъ взглядовъ. Кромѣ сильнаго преобладанія предпринимательскихъ тенденцій въ собранныхъ анкетою отвѣтахъ есть много совершенно негодныхъ, такъ какъ многіе вопросы остались непонятыми. Всего было собрано 5,737 отвѣтовъ; изъ нихъ 1,228 исходило отъ

лицъ, не заинтересованныхъ, но и не особенно свѣдущихъ, 3,663 отвѣта отъ хозяевъ и только 866 отъ рабочихъ. Такимъ образомъ, только 15% отвѣтовъ принадлежало рабочимъ, предприниматели же были представлены въ 63,6%. Благодаря этимъ особенностямъ, гораздо больше значеніе получаютъ устныя объясненія, собранныя коммиссіей; въ нихъ выражены требованія и взгляды обѣихъ сторонъ.

Коммиссія состояла изъ 30 членовъ, назначенныхъ изъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ политическими и экономическими условіями страны, но не принадлежавшихъ къ классу предпринимателей и рабочихъ. Составъ коммиссіи подвергся при собраніи устныхъ свѣдѣній измѣненію; въ бюро были приняты представители рабочихъ союзовъ съ правомъ предлагать вопросы, и принимать участіе въ преніяхъ и дополнять показанія рабочихъ. Коммиссія должна была изслѣдовать условія дѣтскаго и женскаго труда, злоупотребленія въ разсчетахъ съ рабочими, организацію рабочихъ союзовъ, примирительныхъ камеръ, страхованіе, квартирный вопросъ, алькоголизмъ и цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ жизни рабочихъ не только въ крупной промышленности, но и во всѣхъ видахъ производства. Понятно, что многія стороны остались почти неизслѣдованными, въ особенности въ устныхъ показаніяхъ, такъ какъ рабочіе всего больше говорили о предметахъ, живо ихъ интересовавшихъ, о дѣтскомъ и женскомъ трудѣ, о системѣ трука и о рабочихъ кассахъ. Чтобы предупредить столкновенія между рабочими и хозяевами, коммиссія назначила опредѣленные дни для показаній только рабочихъ, другіе для хозяевъ. Засѣданія коммиссіи были доступны для публики, нѣкоторыя изъ нихъ посѣщались такимъ значительнымъ числомъ рабочихъ, что иногда приходилось устраивать засѣданія на рыночной площади подъ открытомъ небомъ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, вызывавшихъ всегда большое неудовольствіе со стороны рабочихъ, есть укоренившаяся въ Бельгіи система разсчета, извѣстная подъ названіемъ «Truck». Она заключается въ томъ, что хозяинъ получаетъ барышъ отъ рабочаго, уплачивая ему его заработокъ не наличными деньгами, а товарами. Хозяева выдаютъ рабочимъ вмѣсто денегъ товары, заставляютъ ихъ покупать необходимые предметы въ своей лавкѣ или въ указанномъ мѣстѣ. Насколько распространена система трука, видно изъ слѣдующихъ показаній. «Въ Зеле, говоритъ бургомистръ, рабочимъ уплачиваютъ товарами въ такомъ количествѣ, что они принуждены приходить въ городъ и закладывать эти товары въ ссудныхъ кассахъ». Такого же рода показанія получены изъ другихъ мѣстъ. Нѣкоторые хозяева выплачиваютъ рабочимъ товарами по цѣнѣ, существующей въ мелочной торговлѣ; иногда они сами обратно покупаютъ ихъ у рабочихъ, но по гораздо болѣе низкой цѣнѣ или же отдаютъ половину платы, иногда и всю плату въ припасахъ или продуктахъ своего производства. Рабочіе принуждены продавать эти товары по болѣе дешевой цѣнѣ, чтобы купить необходимые предметы.

Существуютъ такія предпріятія, въ которыхъ барышъ отъ продажи рабочимъ товаровъ гораздо важнѣе для хозяевъ, чѣмъ самое производство. Злоупотребленія распространены не только въ мелкихъ предпріятіяхъ, но и въ крупныхъ мануфактурахъ и угольныхъ копяхъ. Весьма интересно показаніе одного рабочаго на докахъ въ Гентѣ. «Почему такая большая часть рабочихъ на докахъ подвержена пьянству? Потому что всѣ хозяева въ то же время содержатъ пивныя и кабаки. Въ склады входъ постороннимъ воспрещенъ, но кельнерши каждый разъ входятъ и смотрятъ, не нужно-ли намъ принести еще напитковъ. Расплачиваются съ нами въ кабакѣ, мы всегда должны ждать денегъ. Рабочій, изнуренный трудомъ, выпиваетъ рюмку, быстро пьянѣетъ и постепенно дѣлается пьяницей».

Не менѣе характерны показанія фабрикантовъ. «Мужчины, показалъ одинъ фабрикантъ, зарабатываютъ у меня 15—20 франковъ въ недѣлю и должны дѣлать покупки у моей дочери на треть своей платы; женщины зарабатываютъ 8—10 фр. и должны покупать на $^1/_4$ своей платы. Я никого не принуждаю работать, я могу найти рабочихъ, сколько мнѣ нужно».

Коммиссіи удалось собрать нѣкоторыя данныя о цѣнахъ, по которымъ продаются товары въ фабричныхъ лавкахъ. Сахаръ рабочіе получаютъ на 27—72%, мыло на 25—87%, обыкновенно на 56%, петролеумъ на 25—212% дороже обычныхъ цѣнъ. Мориссо, составитель отчета о трукѣ, приходитъ къ заключенію, что благодаря этой системѣ расплаты рабочіе, занятые на оружейныхъ фабрикахъ, теряютъ не меньше 20% своей платы, т. е. получаютъ вмѣсто 3 фр. только 2 фр. 40 сант. Впрочемъ, вредъ отъ существованія трука въ дѣйствительности гораздо больше, такъ какъ всѣ разсчеты рабочей семьи построены на неправильномъ основаніи. Рабочій поневолѣ пьетъ больше пива, если его хозяинъ имѣетъ пивную, потребляетъ больше красныхъ товаровъ, если получаетъ свое вознагражденіе этими товарами и т. д. Кромѣ того, благодаря фабричнымъ лавкамъ устанавливается заборъ товаровъ въ долгъ и рабочій никогда не можетъ въ точности опредѣлить, что онъ можетъ израсходовать. Стоитъ хозяину поднять цѣны на товары въ лавкѣ, какъ рабочій фактически получаетъ уже меньшую плату.

Наибольшее распространеніе получила система трука въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ рабочіе получаютъ отъ хозяевъ матеріалъ и работаютъ у себя въ собственныхъ квартирахъ, въ оружейномъ дѣлѣ, въ плетеніи изъ соломы, въ производствѣ сигаръ, кружевъ и пряжи. На этой почвѣ возникла система трука и существуетъ уже цѣлые вѣка, и рабочіе обыкновенно работаютъ на магазинъ, который выдаетъ имъ сырой матеріалъ. Съ теченіемъ времени мастера попали въ полную зависимость отъ владѣльцевъ магазиновъ, стали забирать отъ нихъ не только сырье, но и почти всѣ предметы потребленія, наличныя деньги почти совершенно были вытѣснены, расплата стала производиться

исключительно товарами. Когда крупное производство стало вытѣснять мелкое, самостоятельные мастера попали еще въ худшее положеніе, ихъ произведенія не могли выдерживать конкурренціи и владѣльцы магазиновъ могли принимать ихъ товары подъ непремѣннымъ условіемъ расплаты не на наличныя деньги. Покупать у мастеровъ на наличныя деньги было невыгодно, цѣны на товары, благодаря конкурренціи фабричныхъ издѣлій, значительно понизились, и мастерамъ поневолѣ пришлось подчиниться новымъ требованіямъ.

Коммиссія выяснила, что существуютъ многія предпріятія, созданныя исключительно для того, чтобы снабжать рабочихъ товарами по высокой цѣнѣ, предпріятія, не дающія барыша, дающія подчасъ даже убытокъ, покрываемый прибылями отъ продажи продуктовъ рабочимъ. Не мало распространены злоупотребленія въ разсчетахъ съ рабочими въ подрядахъ, когда рабочимъ приходится ожидать нѣсколько недѣль до полученія платы. Хозяинъ охотно ссужаетъ въ такихъ случаяхъ рабочаго, выдаетъ ему въ долгъ товары изъ своей лавки или ручается за рабочаго въ другой лавкѣ, въ которой принимаетъ участіе въ прибыляхъ.

Чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, Мориссо предложилъ воспретить всякій вычетъ изъ платы; единственные вычеты, которые должны были бы быть признаны, это штрафы и удержанія въ пользу больничныхъ кассъ, въ управленіи которыми принимаютъ участіе рабочіе. Мориссо хотѣлъ допустить существованіе лавокъ при фабрикахъ подъ условіемъ продажи на наличныя деньги по обычнымъ цѣнамъ и распредѣленія прибылей между рабочими, покупающими въ лавкахъ. Еслибъ это предложеніе было принято, всякаго рода ссуды фабрикантовъ рабочимъ на покупку участковъ земли, домовъ, удержанія за пользованіе квартирами, страхованіе на случай старости и неспособности къ труду, словомъ, всѣ тѣ разнообразныя отношенія, которыя такъ выгодны для хозяевъ и гибельны для рабочихъ, должны были бы исчезнуть, широко распространенная система патроната хозяевъ надъ рабочими прекратила бы свое существованіе. Но патронатъ оказался сильнѣе и предложеніе Мориссо было совершенно отвергнуто. Когда оно обсуждалось въ коммиссіи, то было смягчено, такъ какъ нельзя было разсчитывать на то, чтобы оно было принято; правительство съ своей стороны еще больше урѣзало проектъ, такъ что утвержденный палатами законъ мало имѣетъ общаго съ предложеніемъ Мориссо. Хозяевамъ предоставлено право снабжать рабочихъ матеріалами, орудіями, отдавать имъ внаймы помѣщенія, путемъ вычетовъ изъ платы содѣйствовать покупкѣ участковъ земли и домовъ; далѣе имъ дозволяется снабжать рабочихъ платьемъ, средствами существованія, топливомъ по собственнымъ цѣнамъ. Въ проектѣ были еще нѣкоторыя предписанія относительно контроля надъ тѣмъ, чтобы товары дѣйствительно поставлялись по тѣмъ цѣнамъ, по которымъ они достались хозяевамъ, но палата отвергла эти предписанія и такимъ образомъ открыла полный просторъ злоупотребленіямъ. Новый законъ, обнародо-

ванный 21 октября 1887 года, не въ состояніи такимъ образомъ положить предѣлъ злоупотребленіямъ, такъ какъ сохраняетъ всѣ виды патроната, подъ покровомъ котораго хозяева могутъ расплачиваться съ рабочими такъ, какъ расплачивались до сихъ поръ. Можетъ быть, самые грубые формы трука исчезнутъ, но въ общемъ едва ли возможно ожидать большихъ измѣненій отъ новаго закона. Коммиссія раскрыла зло, указала на мѣры къ его прекращенію, но классы, отъ которыхъ зависитъ принятіе этихъ мѣръ, къ сожалѣнію, слишкомъ заинтересованы въ существованіи трука.

Изъ отдѣльныхъ отраслей промышленности по степени важности для страны первое мѣсто занимаетъ *разработка угольныхъ копей и ткацкое производство;* въ нихъ занято наибольшее число рабочихъ. Едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что работа въ рудникахъ и копяхъ представляетъ наибольшую опасность для здоровья и жизни рабочаго населенія, особенно для подростающаго поколѣнія. Тяжелыя работы въ рудникахъ, по мнѣнію изслѣдователей, имѣютъ своимъ послѣдствіемъ неравномѣрное развитіе отдѣльныхъ членовъ, одни органы развиваются, другіе совершенно ослабѣваютъ. Грудь и плечи развиваются на счетъ оконечностей, позвоночный столбъ подвергается искривленію, рабочій постоянно работаетъ въ согнутой позѣ. Рабочіе скоро дряхлѣютъ, къ сорокалѣтнему возрасту многіе изъ нихъ дѣлаются полными инвалидами. Къ этому присоединяются частая перемѣна температуры и вредныя испаренія. Въ такой обстановкѣ работаетъ въ копяхъ 94,757 человѣкъ. Не смотря на эти гибельныя для здоровья условія, въ 1880 г., по даннымъ бельгійской статистики, 53,843 человѣка работало по 10 часовъ, 13,804 человѣка по 11 часовъ и 16,673 человѣка по 12 часовъ въ день. Когда является усиленный спросъ, нѣкоторые работаютъ до 16 часовъ въ день. Обыкновенно работа идетъ безъ перерыва, одна смѣна начинаетъ въ 2, 3 и 4 часа ночи и работаетъ до 2—4 часовъ слѣдующаго дня, другая начинаетъ днемъ и прекращаетъ въ соотвѣтствующіе часы ночью, такъ что всѣ рабочіе работаютъ частью ночью, частью днемъ. Хотя на подростающемъ поколѣніи такая работа отражается еще хуже, чѣмъ на взросломъ населеніи, но число подростковъ до послѣдняго времени довольно велико. Въ копяхъ насчитываютъ 4,388 мальчиковъ и 1,958 дѣвочекъ ниже 14-лѣтняго возраста, 7,277 мальчиковъ и 2,816 дѣвушекъ между 14 и 16-лѣтнимъ возрастомъ и 6,961 женщина выше 16-лѣтняго возраста.

Подземная работа особенно тяжело отражается на женщинахъ и дѣвушкахъ, она совершенно извращаетъ весь организмъ, искривляетъ позвоночный столбъ, съуживаетъ тазъ, содѣйствуетъ преждевременныхъ родамъ и выкидышамъ, смертность среди нихъ сильнѣе, чѣмъ среди другихъ женщинъ. Не менѣе тяжело отражается эта работа на нравственности молодыхъ дѣвушекъ. «Угольная копь, показалъ одинъ рабочій, есть школа безнравственности для женщинъ»; дѣвушки въ возрастѣ отъ

14 до 20 лѣтъ находятся постоянно въ обществѣ мужчинъ, что ведетъ къ возмутительнымъ сценамъ. Дурныя привычки до того укоренились, что женщинѣ и по выходѣ замужъ трудно съ ними растаться. Отсюда огромное число несчастныхъ браковъ, жены покидаютъ мужей, дѣтей, домъ, чтобы уйти съ любовникомъ, захватываютъ съ собой всѣ сбереженія, а потомъ обманутыя, обольщенныя возвращаются чрезъ нѣкоторое время обратно къ супругу, чтобы опять при удобномъ случаѣ уйти изъ дому. «Если бы вы знали, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ работа женщинъ въ рудникахъ, читаемъ мы въ другомъ показаніи, вы воспретили бы ее закономъ. Несчастныя дѣвушки, работающія подъ землей, погибаютъ тамъ, едва достигнувъ 15-лѣтняго возраста. Почему рабочій въ Борикажѣ несчастнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ?—Просто потому, что всѣ дѣвушки съ 11-лѣтняго возраста работаютъ въ копяхъ и остаются тамъ до 19 лѣтъ, когда выходятъ замужъ. Что понимаютъ онѣ въ домашнемъ хозяйствѣ? Онѣ этимъ не могутъ заниматься, такъ какъ работаютъ ежедневно 12 — 13 часовъ. Онѣ не знаютъ цѣны деньгамъ и даютъ 2 франка за вещь, стоющую 80 сантимовъ».

Удручающее впечатлѣніе производятъ показанія самихъ женщинъ. Одна дѣвушка 17 лѣтъ показываетъ, что ея работа начинается въ 5 часовъ и оканчивается въ 9, а иногда въ 11 часовъ; она нагружаетъ ежедневно 60—70 вагоновъ. В. Вы были въ школѣ? О. Да, отъ 8 до 12 лѣтняго возраста я посѣщала школу, могла читать, но теперь не умѣю уже. В. Могли бы вы найти другую работу? О. Я могла бы пойти въ услуженіе. Въ нашей семьѣ 9 человѣкъ; изъ нихъ четверо работаетъ. Она заканчиваетъ свое показаніе требованіемъ воспрещенія женскаго труда въ копяхъ. Одна замужняя женщина показываетъ, что у нея 6 дѣтей, она была красива, но женщинамъ нельзя оставаться въ копяхъ, онѣ тамъ гибнутъ. Дочь ея не должна была бы работать, хотя онѣ очень бѣдны. Молодая дѣвушка показываетъ, что работа начинается въ $4^1/_2$ или въ 5 часовъ, а изъ копей она возвращается только въ 11 часовъ.—В. Но какъ вы выносите такую работу? Работаете вы каждый день такъ долго?—О. Каждый день. Я занимаюсь нагрузкой и заработываю отъ 1 фр. 80 сант. до 2 фр. Моя сестра работаетъ въ другой копи, она оканчиваетъ въ 5—6 часовъ, но зарабатываетъ только 1 фр. 50 сант. Она заканчиваетъ просьбой воспретить женскій трудъ въ копяхъ, потому что «мастера совершенно беззастѣнчивы, старики, какъ и молодые. Они развращаютъ женщинъ».

Второе мѣсто занимаетъ *ткацкое производство*, дающее занятіе 91,795 рабочимъ. Изъ этого числа 3,885 мальчиковъ и 2,608 дѣвочекъ моложе 14 лѣтъ, 6,493 мальчика и 4,044 дѣвушки въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ, мужчинъ въ возрастѣ свыше 16 лѣтъ 54,490, женщинъ 10,660, всего мужчинъ 64,483, женщинъ 27,312. Хотя въ общемъ это производство не такъ вредно, какъ работа въ копяхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ женщинамъ приходится цѣлый день стоять по

колѣна въ водѣ. Одинъ рабочій показалъ, что на фабрикахъ не отведено достаточно мѣста для машинъ, работа трудна и нездорова, въ зданіяхъ не устроено вентиляціи и рабочіе скоро начинаютъ страдать одышкой. Хозяева знаютъ это и остаются на фабрикѣ только короткое время; даже мастера остаются только тогда, когда ихъ присутствіе необходимо. Съ этимъ показаніемъ совпадаютъ и показанія фабрикантовъ. Работа въ прядильняхъ, говоритъ одинъ фабрикантъ, производится при высокой температурѣ и при извѣстной влажности. Мы улучшили вентиляцію и ввели электрическое освѣщеніе вмѣсто газоваго, для пониженія температуры. Вчера у насъ было 29°, обыкновенно 32°. Мужчины работаютъ въ однихъ брюкахъ, женщины въ платьѣ. Есть помѣщенія, гдѣ мужчины и женщины работаютъ вмѣстѣ. Дѣтскій трудъ до сихъ поръ сохранился, хотя случаи, когда на фабрикахъ работаютъ дѣти 6, 7 и 8 лѣтъ, попадаются теперь только въ видѣ исключеній. Число рабочихъ часовъ обыкновенно равно 12, но нерѣдко приходится работать и больше. Изъ всего числа занятыхъ въ ткацкомъ производствѣ рабочихъ 1,038 работаютъ въ день по 9 часовъ, 13,437 по 10 часовъ, 12,716 по 11 часовъ, 55,753 по 12 часовъ и 5,734 больше 12 часовъ. Впрочемъ, при оживленіи работа длится на 1 — 2 часа больше обыкновеннаго, а въ исключительныхъ случаяхъ даже цѣлыя сутки. Встрѣчаются даже случаи, когда работа длится отъ понедѣльника утра до вторника ночи безъ перерыва. Для дѣтей и женщинъ рабочій день длится столько же, сколько для взрослыхъ мужчинъ, онѣ не избавлены отъ ночнаго труда и работаютъ часто вмѣстѣ съ мужчинами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что повсюду раздаются жалобы на низкій уровень нравственности рабочаго населенія. «Безнравственность, показала одна дѣвушка, растетъ быстро; можно сказать, что въ этомъ отношеніи маленькія дѣвочки больше знаютъ, чѣмъ прежде женщины 25 лѣтъ. Фабрики служатъ главнѣйшими причинами разврата, онѣ въ сущности публичные дома. Я, какъ и другія, съ 15-лѣтняго возраста развратилась на фабрикѣ». Работницы жалуются, что для нихъ не отведено отдѣльнаго помѣщенія для переодѣванія, и онѣ вынуждены мѣнять одежду въ присутствіи мужчинъ. Хозяева не обращаютъ вниманія на жалобы, особенно когда жалуются на безнравственность директоровъ и мастеровъ.

Послѣ угольныхъ копей и ткацкой промышленности важное значеніе для Бельгіи имѣетъ обработка руды и металловъ, но женскій и дѣтскій трудъ встрѣчается здѣсь въ довольно незначительныхъ размѣрахъ. Оставляя поэтому въ сторонѣ эту отрасль промышленности, мы обратимся въ заключеніе къ вопросу о томъ, какъ думаютъ противодѣйствовать злу фабриканты, рабочіе, коммиссія, изслѣдовавшая условія жизни рабочихъ, и правительство.

Что касается предпринимателей, то они по прежнему держатся манчестерскихъ воззрѣній и думаютъ, что вмѣшательство государства въ экономическія отношенія причинитъ больше зла, чѣмъ пользы. «Филан-

тропическія идеи, заявляетъ одна крупная фирма, на бумагѣ имѣютъ прекрасный видъ, но ихъ осуществленіе погубило бы промышленность и привело бы рабочихъ къ голодной смерти. Не слѣдуетъ забывать, что промышленное знаніе заключается въ томъ, чтобы извлекать изъ человѣка за самую низкую плату возможно большее количества полезнаго труда. Что мирится съ интересами промышленности, уже сдѣлано, а то, что противорѣчитъ ея интересамъ, не можетъ быть введено законами. Выполненіе ихъ трудно, надзоръ невозможенъ, нарушенія были бы безчисленны». Болѣе прогрессивные элементы изъ среды фабрикантовъ признаютъ необходимость вмѣшательства государства, но требуютъ, чтобы новые законы не сильно отступали отъ дѣйствительности и были бы направлены только противъ самыхъ грубыхъ злоупотребленій. Нѣкоторые думаютъ ограничиться установленіемъ обязательнаго школьнаго обученія до 14 лѣтняго возраста, чтобы противодѣйствовать слишкомъ раннему поступленію дѣтей на фабрику.

Что касается условій работы *взрослыхъ*, то почти всѣ требуютъ сохраненія полной свободы. Впрочемъ, многіе признаютъ необходимость реформъ, но требуютъ ихъ введенія только посредствомъ установленія международнаго фабричнаго законодательства. При этомъ обыкновенно дѣлается ссылка на опасность конкурренціи сосѣднихъ странъ. Едва ли кто сомнѣвается въ томъ, что бельгійскіе фабриканты не имѣютъ никакого права ссылаться на отсутствіе международнаго законодательства, такъ какъ въ ихъ ссылкѣ рѣчь идетъ о введеніи такихъ законовъ, которые давно уже существуютъ въ промышленно-развитыхъ европейскихъ странахъ. Когда ссылка на необходимость международнаго фабричнаго законодательства дѣлается въ Швейцаріи или Германіи, то имѣется въ виду отсутствіе фабричныхъ законовъ именно въ Бельгіи, отчасти во Франціи. Если такимъ образомъ Германія имѣетъ, можетъ быть, нѣкоторое основаніе опасаться конкурренціи и требуетъ на этомъ основаніи введенія международнаго законодательства, то для Бельгіи, почти совершенно незнающей фабричнаго законодательства, такая ссылка является грубо прикрытымъ предлогомъ противодѣйствовать какимъ бы то ни было попыткамъ регулировать промышленную жизнь. Совершенно иначе смотрятъ на дѣло *рабочіе, коммиссія и правительство*. «Необходимость государственныхъ мѣропріятій, говоритъ составитель отчета, для урегулированія женскаго и дѣтскаго труда кажется намъ неоспоримой. Государство есть прирожденный защитникъ всѣхъ тѣхъ, которые сами не въ состояніи себя защитить; какъ таковой государство несетъ двойную обязанность блюсти интересы общества и помогать малолѣтнимъ и слабымъ. Вмѣшательство закона представляется умѣстнымъ тамъ, гдѣ нужно опредѣлить матеріальныя гарантіи, которыхъ можно требовать отъ работодателей въ видѣ охраненія здоровья и безопасности рабочаго». Но правильная принципіальная постановка вопроса не мѣшаетъ, однако, коммиссіи и правительству расходиться съ рабочими въ важнѣйшемъ вопросѣ, въ *необхо-*

димости установленія нормальнаго рабочаго дня. Рабочіе требуютъ восьмичасоваго, другіе десятичасоваго дня, они ожидаютъ отъ этого не только улучшенія матеріальныхъ и духовныхъ условій жизни, но и появленія спроса на трудъ для тѣхъ, которые теперь не имѣютъ работы. Коммиссія и правительство высказываются противъ нормальнаго рабочаго дня для взрослыхъ.

Нѣкоторое разногласіе проявилось и въ вопросѣ объ ограниченіи *труда женщинъ.* Рабочіе требуютъ либо полнаго воспрещенія труда для женщинъ, либо воспрещенія его только въ угольныхъ копяхъ и особенно вредно дѣйствующихъ на здоровье отрасляхъ производства. Кромѣ того, они требуютъ воспрещенія работы въ теченіе 6—8 недѣль до и послѣ родовъ, съ тѣмъ, однако, чтобы хозяева выплачивали женщинамъ за это время обычную плату. Хотя коммиссія и признаетъ, что государство должно заботиться о будущемъ поколѣніи и потому должно охранять здоровье матерей, но требованія рабочихъ она считаетъ невыполнимыми; она ограничивается предложеніемъ воспретить женщинамъ и дѣвушкамъ работы въ рудникахъ и копяхъ.

Что касается *дѣтскаго труда*, то большинство высказывается за воспрещеніе входа на фабрику для дѣтей до 12-лѣтняго возраста, нѣкоторые стоятъ за 14-лѣтній возрастъ. Для возраста отъ 12, 14—до 16 лѣтъ предлагаютъ введеніе половинной работы, 6-часовой рабочій день. Отъ сокращенія дѣтскаго труда рабочіе ожидаютъ увеличенія спроса на трудъ взрослыхъ. Поэтому то предприниматели всего больше возстаютъ противъ установленія шестичасоваго рабочаго дня для подростковъ. Требованія рабочихъ не встрѣчаютъ въ этомъ вопросѣ сочувствія и въ правительствѣ; правительственный проектъ предполагаетъ дозволить дѣтямъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ работу въ нѣкоторыхъ производствахъ въ теченіе 6 часовъ, а для подростковъ, въ возрастѣ отъ 12 до 16 лѣтъ, проектируетъ двѣнадцатичасовой рабочій день со включеніемъ въ этотъ промежутокъ $1^1/_2$ часовъ на отдыхъ.

Ночной трудъ коммиссія и правительство допускаетъ не только для мужчинъ, но и для женщинъ выше 16-лѣтняго возраста. Также точно коммиссія не находитъ возможнымъ удовлетворить рабочихъ и въ вопросѣ о введеніи обязательнаго школьнаго обученія.

Итакъ коммиссія, изслѣдовавшая положеніе рабочихъ въ Бельгіи и раскрывшая темныя стороны организаціи крупной промышленности и домашнихъ промысловъ, выяснившая причины злоупотребленій хозяевъ въ расплатѣ съ рабочимъ, ограничилась весьма скромными предложеніями, далеко не удовлетворяющими справедливыхъ требованій рабочихъ. Правительство не пошло дальше коммиссіи, оно урѣзало и безъ того скромныя предложенія и низвело реформы до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, отнявъ у рабочихъ надежду добиться мирнымъ путемъ улучшенія своей участи. Изъ года въ годъ волненія среди бельгійскихъ рабочихъ принимаютъ все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры, требованія ихъ растутъ,

организація принимаетъ болѣе прочныя и устойчивыя формы, среди различныхъ группъ населенія устанавливаются все болѣе и болѣе тѣсныя связи, а правительство по прежнему относится весьма равнодушно къ ихъ судьбѣ, не рѣшается нарушить священнаго для предпринимателей принципа свободы труда. Съ 1886 года безпорядки среди углекоповъ приняли хроническій характеръ, еще весьма недавно броженіе снова приняло угрожающіе размѣры, а между тѣмъ принципъ невмѣшательства государства въ сферу промышленности и отношенія между хозяевами и рабочими до сихъ поръ служитъ въ глазахъ предпринимателей, распорядителей общественной власти ненарушимою основою гражданскаго порядка.

Но какъ ни незначительны реформы, предлагаемыя коммиссіей и правительствомъ, необходимо существованіе органовъ, которые должны блюсти за исполненіемъ новыхъ законовъ; рабочіе настаиваютъ поэтому на учрежденіи фабричной и горной инспекціи, въ число членовъ которой были бы приняты, кромѣ чиновниковъ, представители отъ рабочихъ. Особенно важнымъ является введеніе надзора надъ копями въ виду частыхъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими. Правительство не находитъ, однако, возможнымъ ввести фабричную инспекцію. «Что такъ затрудняетъ учрежденіе контроля, читаемъ мы въ оффиціальной бумагѣ, это тяжесть, которая будетъ падать на бюджетъ вслѣдствіе уплаты жалованья инспекторамъ. Въ Англіи, Германіи и даже во Франціи это поглощаетъ каждый годъ все большія и большія суммы. Такая маленькая страна, какъ наша, не обладаетъ достаточными доходами, чтобы послѣдовать примѣру старшихъ братьевъ».

Итакъ, если даже и будутъ введены нѣкоторыя ограниченія въ сферѣ приложенія труда, нельзя будетъ разчитывать на ихъ исполненіе, такъ какъ не будетъ органовъ, на обязанности которыхъ лежало бы наблюденіе за исполненіемъ новыхъ законовъ. Своевременное введеніе фабричнаго законодательства предупредило бы, можетъ быть, дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія и внесло бы въ круги рабочаго населенія увѣренность, что правительство серьезно озабочено ихъ нуждами; упорный же отказъ войти въ положеніе рабочихъ, побуждаетъ ихъ добиваться самостоятельно улучшенія своей участи какими бы то ни было путями.

А. П.

ХРОНИКА РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

После того, какъ въ 1881 году оборвалась въ нашемъ журналѣ «Хроника русскаго законодательства» [1]), Юридическому Вѣстнику не приходилось уже возобновлять непрерывнаго обозрѣнія текущихъ законодательныхъ актовъ. И въ настоящее время мы не претендуемъ на выполненіе подобной задачи. Въ наши цѣли вообще никогда не входило давать читателю въ названной области сколько нибудь полный справочный матеріалъ: при стремленіи къ такой цѣли трудно было бы обойтись безъ перепечатки законодательныхъ текстовъ, безъ того такъ часто перепечатываемыхъ въ массѣ различныхъ изданій. Но время отъ времени возникаетъ потребность высказать тѣ или другія мысли по поводу текущихъ событій современной государственной жизни. Характеръ современнаго русскаго законодательства достаточно опредѣлился за послѣднія восемь лѣтъ. Въ августѣ 1881 года появился первый крупный законодательный актъ нынѣшняго царствованія: «Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»; въ іюлѣ 1889 года утвержденъ законъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ вмѣстѣ съ другими, связанными съ нимъ, законоположеніями. Въ промежуткѣ между этими двумя законами было нѣсколько другихъ однородныхъ съ ними по своей тенденціи. На первомъ планѣ стояла забота государственной власти объ ограниченіи различныхъ видовъ общественной автономіи и самодѣятельности, которыя нашли свое осуществленіе въ прошлое царствованіе; такова господствующая тенденція законодательства. Рядомъ съ нею наблюдается и другая. Государственная власть сочла нужнымъ оказать свое вмѣшательство въ экономическую жизнь различныхъ классовъ населенія, чтобы путемъ соотвѣтствующихъ мѣръ согласовать ея движеніе съ общегосударственными интересами.

По указаннымъ двумъ теченіямъ распредѣляется вся сумма сколько

---

[1]) См. «Юридич. Вѣстн.», 1881 г., № 2.

нибудь важныхъ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени. Довольно распространено мнѣніе о томъ, что русская государственная жизнь и русское законодательство, въ отличіе отъ запада, движутся своимъ особеннымъ, самобытнымъ путемъ. Въ такомъ воззрѣніи кроется большое заблужденіе. Оно прежде всего несправедливо по отношенію къ тѣмъ законодательнымъ актамъ, которые, по предложенной нами классификаціи, должны бы составлять вторую группу. Идея о необходимости вмѣшательства государственной власти въ экономическую жизнь различныхъ классовъ населенія всецѣло принадлежитъ западу, гдѣ, фигурируя, между прочимъ, подъ названіемъ «государственнаго соціализма» нашла себѣ примѣненіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ у насъ. Русское правительство въ этомъ отношеніи, если взять предметъ въ его общихъ чертахъ, шествуетъ по слѣдамъ запада, но съ тою лишь разницею, что сдѣланное въ Россіи на этомъ пути далеко не всегда отличается должною послѣдовательностью и еще меньше—должною рѣшительностью. Крестьянство составляетъ основной элементъ русской народной жизни. Прекращеніе съ 1 января 1883 всякихъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ (законъ 28 декабря 1881 г.), пониженіе выкупныхъ платежей (законъ 28 декабря 1881 г.), отмѣна подушной подати (18 мая 1882 г.) и учрежденіе Крестьянскаго Банка (18 мая 1882) — на всѣ эти мѣры слѣдуетъ, конечно, смотрѣть какъ на попытки государственной власти вновь придти на помощь тому классу населенія, отъ благосостоянія котораго наиболѣе зависитъ благосостояніе всего государства. Къ сожалѣнію, съ 1882 года движеніе законодательства въ этомъ направленіи пріостановилось. За то законъ 1 іюня 1882 года о малолѣтнихъ, работающихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ былъ непосредственнымъ сколкомъ западнаго законодательства о рабочихъ, съ тою разницею, что далеко не достигъ полноты и рѣшительности своихъ образцовъ. Подражаніемъ западу и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣшительною попыткою начать перестройку податной системы въ томъ направленіи, которое тамъ нашло себѣ уже достаточное осуществленіе, былъ законъ 15 іюня 1882 года о пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами. Въ 1886 году марта 10 послѣдовало нѣкоторое расширеніе первоначальнаго фабричнаго закона и 3 іюня изданъ законъ о наймѣ рабочихъ въ заведеніяхъ фабричныхъ и промышленныхъ. Поземельное устройство сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ (9 іюня 1886 г.) по характеру своей задачи тоже принадлежало къ числу тѣхъ мѣръ, въ которыхъ выражается забота государственной власти о благосостояніи низшихъ классовъ общества. Въ настоящую минуту живой интересъ возбуждаетъ дѣятельность правительства по желѣзнодорожному дѣлу (общій уставъ желѣзныхъ дорогъ 1886 года; тарифный законъ 1889 года). Здѣсь выступаетъ впередъ попытка энергичнаго вмѣшательства власти въ обширную область государственнаго хозяйства въ интересахъ уже не одного класса населенія, но всего народа, поскольку его интересы связаны съ правильнымъ ходомъ желѣзнодорожнаго дѣла. Но опять и здѣсь наше

законодательство стало лишь на путь, проторенный прежде того на Западѣ при значительномъ содѣйствіи теоріи государственнаго соціализма.

Исторія Запада за послѣднее столѣтіе давала столько примѣровъ политической реакціи, наступавшей вслѣдъ за эпохами либерализма, что врядъ ли есть надобность настаивать на томъ, что въ подобномъ же движеніи у насъ общія черты затемняютъ собою какія либо національныя. Предъ нами въ законодательствѣ прошелъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію небольшаго остатка вольностей, который сохранялся еще отъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (14 августа 1881) окончательно укрѣпило самостоятельное право административныхъ властей на лишеніе свободы и на ссылку лицъ, признанныхъ этими властями опасными для государственнаго порядка. Законъ 27 августа 1882 года далъ высшей административной власти широкія правомочія относительно безцензурныхъ періодическихъ изданій, которыя съ этого времени властью администраціи могутъ окончательно закрываться или обращаться въ подцензурныя. Законъ 12 февраля 1887 года затронулъ гласность суда. Общій университетскій уставъ 15 августа 1884 года упразднилъ университетскую автономію, обратилъ профессорскія коллегіи въ органы министерской власти, а профессоровъ—въ чиновниковъ, назначаемыхъ и увольняемыхъ по усмотрѣнію министра. Изъ всѣхъ сторонъ университетскаго устава эта именно сторона его оказалась наиболѣе живучею; что же касается до педагогической стороны дѣла (чтеніе лекцій, программы, экзамены), то въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, нововведенія устава 1884 года не нашли себѣ благодарной почвы, такъ что въ силу самаго существа дѣла въ этой области отчасти совершилось, отчасти продолжаетъ совершаться быстрое возвращеніе къ старымъ порядкамъ, хотя и подъ новыми названіями. Въ настоящемъ году чередъ подошелъ къ земской автономіи и будущій годъ долженъ показать, какъ далеко зайдетъ здѣсь дѣло упраздненія и ограниченій. Судьба мироваго института, избираемаго земствомъ, рѣшена; пересмотръ положенія о земскихъ учрежденіяхъ — въ недалекомъ будущемъ, земское народное образованіе въ принципѣ принесено въ жертву институту церковно-приходскихъ школъ.

Таковъ ходъ законодательства за послѣдніе годы. Изъ двухъ намѣченныхъ нами тенденцій первой принадлежитъ несомнѣнное господство. Принадлежащія сюда мѣропріятія отличались гораздо бóльшею рѣшительностью, нежели мѣропріятія въ области государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь населенія. Мало того: и въ этой послѣдней области скоро сказалось господствующее значеніе заботы о сохраненіи государственнаго порядка. Попеченіе о нуждахъ низшихъ классовъ постепенно стало оставлять форму попеченія объ ихъ экономическомъ благосостояніи и, взамѣнъ того, принимать форму заботы о всестороннемъ урегулированіи ихъ положенія въ полицейскомъ и административномъ отношеніяхъ. Въ этихъ видахъ въ 1886 году былъ изданъ законъ о наймѣ на

сельскія работы (12 іюня); новый законъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ отдаетъ крестьянское населеніе подъ опеку дворянскаго сословія. Въ заботѣ объ экономическомъ благосостояніи центръ тяжести былъ перенесенъ въ сферу высшихъ классовъ. Промышленное сословіе получило ограду своимъ интересамъ въ системѣ покровительственнаго тарифа; въ Дворянскомъ же банкѣ было усмотрѣно средство для поднятія благосостоянія дворянства.

Изъ мѣръ послѣдняго времени самую замѣчательную составляетъ, конечно, положеніе о земскихъ начальникахъ. Текстъ этого положенія достаточно извѣстенъ изъ многочисленныхъ его перепечатокъ, уже появившихся въ продажѣ; не излагая его во всѣхъ его частяхъ, мы остановимся лишь на томъ, что отмѣчаетъ основной характеръ его, представляетъ его существенную сторону. Но и въ опредѣленіи этой основной стороны мы будемъ исходить не изъ какихъ либо субъективныхъ представленій или отвлеченныхъ положеній, а примемъ за нее то, что отмѣчено какъ таковое Высочайшимъ указомъ, при которомъ обнародованъ этотъ законъ. Законъ же обнародованъ при указѣ «о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ Имперіи». Такимъ образомъ, согласно указу, основная сторона новаго закона заключается въ преобразованіи крестьянскихъ учрежденій. Въ самомъ же указѣ говорится: «Въ постоянномъ попеченіи о благѣ Нашего отечества, Мы обратили вниманіе на затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей Имперіи. Одна изъ главныхъ причинъ этого неблагопріятнаго явленія заключается въ отсутствіи близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ».

Изъ этихъ словъ Высочайшаго указа видно, что новый законъ имѣетъ въ виду исключительно сельское населеніе, которому принадлежитъ такое громадное преобладаніе въ Россійской Имперіи; далѣе, что преобразованіе должно установить въ средѣ этого населенія попечительство надъ обывателями, внести завершеніе крестьянскаго дѣла, охранять благочиніе, общественный порядокъ, безопасность и права частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Но законъ имѣетъ въ виду не одно только крестьянское сельское населеніе: «Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ, мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, имѣющіе постоянное жительство въ селеніяхъ, доколѣ не выбудутъ изъ оныхъ, подчиняются въ отношеніи полиціи и суда дѣйствію общихъ правилъ, для лицъ сельскаго состоянія установленныхъ, сохраняя, однако, всѣ права, лично и по состоянію имъ присвоенныя». Итакъ, устанавливаемыя положеніемъ о земскихъ начальникахъ новыя условія быта исконныхъ сельскихъ обывателей—крестьянъ, затрогива-

ютъ и сельскихъ обывателей другихъ сословій, не лишая ихъ, однако, правъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ; что касается сельскихъ обывателей, принадлежащихъ къ дворянству, купечеству, духовенству, то ихъ интересы положеніемъ о земскихъ начальникахъ имѣются въ виду лишь настолько, насколько земскій начальникъ является судьею по спорамъ и искамъ на сумму не свыше пятисотъ рублей, возникающимъ по найму земельныхъ угодій, по личному найму на сельскія работы въ сельскохозяйственныя должности и въ услуженіе, въ дѣлахъ по возстановленію нарушеннаго владѣнія, когда со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ, въ дѣлахъ о потравахъ и о другихъ поврежденіяхъ полей, луговъ и т. д. Отсюда видно, что по отношенію къ лицамъ не крестьянскаго сословія, земскій начальникъ является не въ роли начальника, а судьи, причемъ какъ въ судебныхъ дѣлахъ между лицами не крестьянскаго сословія, такъ и въ такихъ, гдѣ по существу отношеній, установившихся среди сельскихъ обывателей, отвѣтчиками должны являться по преимуществу лица крестьянскаго сословія, на сцену выступаетъ функція земскаго начальника по охраненію правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Охранителями этихъ правъ являются дворяне и при томъ имѣющіе опредѣленный земельный цензъ или другое недвижимое имущество не ниже 7 и въ извѣстныхъ случаяхъ 15 тысячъ; впрочемъ, имущественный цензъ не является безусловнымъ, такъ какъ при недостаткѣ мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ на должность земскаго начальника министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется назначать на свободныя вакансіи «лицъ, хотя и не принадлежащихъ къ числу упомянутыхъ дворянъ, но окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи». Слова, не принадлежащихъ къ числу *упомянутыхъ* дворянъ, т. е. «мѣстныхъ потомственныхъ, имѣющихъ, согласно статьямъ 6—10 (т. е. статьямъ, опредѣляющимъ условія для занятія должности земскаго начальника), право быть назначенными» — заставляютъ думать, что тутъ рѣчь идетъ о возможности назначенія на должность земскаго начальника лица, не имѣющаго имущественнаго ценза, но всетаки дворянина, иначе было бы сказано просто «хотя и не принадлежащихъ къ числу дворянъ». Такимъ образомъ, дворянство и окончаніе курса въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи безусловно необходимы для занятія должности земскаго начальника.

Итакъ, попечительство о крестьянахъ возлагается на дворянство. Формы, въ которыхъ можетъ выражаться это попечительство и которыя предусмотрѣны положеніемъ, весьма обширны и многообразны. Оставляя въ сторонѣ упомянутую выше судебную функцію по дѣламъ о земельныхъ угодьяхъ и по найму на сельскія работы и въ услуженіе, земскій начальникъ: имѣетъ надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія и производитъ ревизію означенныхъ установленій; на него же, во время отсутствія на мѣстѣ исправника или становаго,

возлагается надзоръ за дѣйствіями волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ по охраненію благочинія, безопасности и общественнаго порядка, равно какъ по предупрежденію и пресѣченію преступленій; онъ имѣетъ право дополнять представляемые ему списки дѣлъ, назначенныхъ къ разсмотрѣнію на волостномъ сходѣ, тѣми изъ числа подлежащихъ вѣдѣнію схода предметовъ, «которые начальникъ признаетъ нужнымъ подвергнуть обсужденію на этомъ сходѣ»; земскій начальникъ собственной властью разрѣшаетъ жалобы на должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія; онъ же разрѣшаетъ жалобы неправильно избранныхъ въ должности крестьянъ, имѣющихъ право отказаться отъ общественной службы; ему же принадлежитъ право удалять отъ должностей неблагонадежныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, при чемъ, само собой разумѣется, онъ же опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ и выражается эта неблагонадежность; онъ имѣетъ право разсматривать *всѣ* приговоры, постановляемые волостными и *сельскими* сходами въ предѣлахъ его участка; помимо представленія съ своими заключеніями на утвержденіе уѣзднаго съѣзда опредѣленно указанныхъ въ законѣ, (т. е. въ положеніи о земскихъ начальникахъ), приговоровъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, земскій начальникъ представляетъ на разсмотрѣніе съѣзда и тотъ изъ разсматриваемыхъ имъ волостныхъ и сельскихъ приговоровъ, относительно коего удостовѣрится, что онъ составленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или приписанныхъ къ волости лицъ; до разсмотрѣнія же съѣздомъ такого приговора, земскій начальникъ останавливаетъ его исполненіе. Здѣсь, слѣдовательно, попечительство земскаго начальника простирается настолько, что онъ, вопреки мнѣнію самого сельскаго общества и при отсутствіи противъ приговора протеста кого либо изъ членовъ схода, опредѣляетъ, что клонится къ явному ущербу общества, при чемъ, однако, окончательное заключеніе по этому предмету постановляетъ уѣздный съѣздъ, въ составъ котораго, помимо предсѣдателя (предводителя дворянства), входятъ: предсѣдатель уѣздной земской управы, исправникъ и всѣ земскіе начальники уѣзда; такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ тотъ случай, когда предсѣдатель управы представляетъ собою лицо, хорошо знакомое съ условіями крестьянскаго быта, въ уѣздномъ съѣздѣ, рѣшающемъ, что клонится къ ущербу сельскаго общества, отсутствуетъ представитель крестьянскаго сословія, наиболѣе знакомый съ практическими послѣдствіями и условіями того или другаго приговора схода. Въ такой же мѣрѣ и при тѣхъ же условіяхъ попечительство земскаго начальника касается и частныхъ лицъ, такъ какъ для того, чтобы земскій начальникъ взялъ на себя защиту нарушенныхъ приговоромъ схода правъ отдѣльныхъ членовъ послѣдняго, не требуется жалобы или заявленія со стороны ихъ; опредѣленіе того, нарушены или нѣтъ ихъ права, принадлежитъ не имъ самимъ, а земскому начальнику и уѣздному съѣзду, такъ что отдѣльные члены сельскаго общества и все оно въ цѣ-

ломъ составѣ находятся по новому закону въ положеніи лицъ, состоящихъ по законамъ гражданскимъ подъ попечительствомъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь попечительство переходитъ изъ сферы гражданскаго права въ область права публичнаго. Впрочемъ, то же самое имѣетъ мѣсто и въ другихъ случаяхъ: такъ по ст. 20 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, въ случаѣ постановленія послѣднимъ «рѣшенія по дѣлу о проступкѣ, нарушающаго предѣлы его власти или же явно неправосуднаго, земскій начальникъ останавливаетъ исполненіе рѣшенія и представляетъ оное уѣздному съѣзду, хотя бы и не было въ виду жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ».

Въ соотвѣтствіи съ такимъ началомъ полнаго попечительства находятся и другія статьи положенія, установляющія кругъ власти земскаго начальника по отношенію къ сельскимъ обществамъ: ему принадлежитъ надзоръ за состояніемъ мірскихъ капиталовъ; онъ утверждаетъ приговоры сельскихъ сходовъ о производствѣ изъ означенныхъ капиталовъ расходовъ на потребности подлежащихъ крестьянскихъ обществъ, если онъ съ сими приговорами согласенъ; въ случаѣ же несогласія представляетъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ съѣздовъ. Отсюда слѣдуетъ, что отъ земскаго же начальника и уѣзднаго съѣзда зависитъ опредѣленіе, какъ характера и содержанія потребностей сельскихъ обществъ, такъ и размѣра расходовъ на нихъ изъ мірскихъ капиталовъ, т. е. до извѣстной степени того, въ какой мѣрѣ эти потребности подлежатъ удовлетворенію. Фактически же это можетъ означать слѣдующее: общество постановляетъ приговоромъ—напр., произвести изъ мірскаго капитала такой то расходъ на арендованіе такого то участка земли. Не говоря уже о томъ, что всякій такой приговоръ, независимо отъ источника расходовъ на арендованіе, можетъ быть признанъ клонящимся къ явному ущербу сельскаго общества, потребность въ арендованіи земли можетъ быть не удовлетворена въ силу несогласія земскаго начальника или съѣзда на расходъ по этому предмету изъ мірскихъ капиталовъ, причемъ отъ земскаго начальника и съѣзда всецѣло зависитъ, рѣшить ли этотъ вопросъ самостоятельно, безъ ближайшаго уясненія себѣ условій, вызывающихъ такой приговоръ. Если земскій начальникъ и большинство членовъ съѣзда являются, напр., сторонниками интензивной культуры, то они легко могутъ найти, что арендованіе земли, расширяющей земельныя угодья общества, тормозитъ переходъ послѣдняго къ болѣе интензивной системѣ земледѣлія, что клонится къ явному ущербу общества; независимо отъ этого можно найти, что такое общественное арендованіе, разлагая плату за него на всѣхъ членовъ общества, вызываетъ расходъ на этотъ предметъ со стороны бѣднѣйшихъ членовъ, отягощая ихъ, и безъ того не завидное экономическое состояніе и, слѣдовательно, опять таки клонится къ явному ущербу общества. Такимъ образомъ вліяніе попечительства земскаго начальника по содержанію закона можетъ идти очень далеко и вести къ совершенному преобразованію хозяйственныхъ и даже земельныхъ порядковъ и

условій крестьянскаго быта. Легкость и всесторонность такого воздѣйствія со стороны земскихъ начальниковъ тѣмъ болѣе возможны, что для занятія этой должности въ извѣстныхъ случаяхъ достаточно имѣть дворянство и среднее образованіе, т. е. ничего, что сколько бы то ни было знакомило съ практически существующими условіями крестьянскаго хозяйства. Это послѣднее требованіе не предусматривается и въ томъ случаѣ, когда земскій начальникъ, помимо дворянства, обладаетъ еще и необходимымъ имущественнымъ цензомъ и высшимъ образованіемъ.

Всѣмъ этимъ еще не исчерпывается кругъ воздѣйствія земскаго начальника на сельскія общества. Ему принадлежитъ надзоръ за ссудо-сберегательными кассами и товариществами, вспомогательными кассами и за всякаго рода вообще сельскими кредитными установленіями въ предѣлахъ его участка; онъ же надзираетъ за опекунствомъ, учреждаемымъ надъ личностью и имуществомъ малолѣтнихъ сиротъ сельскаго состоянія; на него же возлагается «попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка по предметамъ вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, указанныхъ въ пунктахъ 8 и 16 ст. 51 и въ п. 2 и 3 ст. 78 общ. пол. о крестьянахъ», а это означаетъ, что на него возлагается попеченіе объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи, обученіи грамотѣ, по вопросамъ о назначеніи ссудъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ и всякаго рода вспомоществованій. А такъ какъ многіе изъ этихъ функцій—по распространенію грамотности, по ссудамъ изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ—близко соприкасаются съ дѣятельностью земствъ, то отсюда слѣдуетъ, что попеченіе земскаго начальника о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ далеко не безразлично для земскихъ учрежденій. Но положеніе устанавляетъ и болѣе тѣсную связь земскаго начальника съ уѣздными земствами; онъ разсматриваетъ составляемые уѣздною земскою управою планы на устройство селеній и сообщаетъ управѣ свои заключенія по симъ проектамъ; впрочемъ, и только, такъ какъ положеніе не установляетъ чего-либо обязательнаго для земства относительно этихъ заключеній, хотя далѣе опредѣляется, что на земскаго начальника возлагается разбирательство по недоразумѣніямъ, возникающимъ при отводѣ усадебныхъ мѣстъ, въ случаѣ перестройки сихъ послѣднихъ, съ цѣлію лучшаго въ отношеніи безопасности отъ пожаровъ распланированія, и разрѣшеніе, въ такихъ случаяхъ, возведенія крестьянскихъ строеній на смежной съ крестьянской усадебною осѣдлостью выгонной землѣ, общей съ помѣщикомъ, по правиламъ, изложеннымъ въ уставѣ строительномъ. Отсюда слѣдуетъ, что по распланированію селеній ему тоже предоставлены довольно широкія полномочія. Въ концѣ концовъ нельзя не придти къ заключенію, что нѣтъ такой сферы въ области крестьянскаго общественнаго управленія, (которое однако въ силу его хозяйственныхъ функцій тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ частными инте-

ресами отдѣльныхъ лицъ), которая была бы изъята изъ вѣдѣнія земскаго начальника.

Мы не останавливаемся на перечисленіи всѣхъ указанныхъ въ новомъ законѣ обязанностей земскаго начальника, такъ какъ, въ силу отмѣченнаго нами выше значенія этого закона для преобразованія мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, эта преобразовательная сторона является наиболѣе основной во всемъ законѣ. Само собою разумѣется, что тотъ широкій кругъ дѣятельности, который очерчивается закономъ для земскаго начальника и который требуетъ многосторонняго, обширнаго знанія условій дѣйствительности, большой прозорливости и непрерывной энергіи со стороны земскаго начальника, обусловливаетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ предоставленіе послѣднему широкихъ полномочій для выполненія своихъ функцій. Таковыя земскому начальнику и предоставлены: онъ имѣетъ право «безъ всякаго формальнаго производства» подвергать аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію (слѣдовательно, каждаго крестьянина), за неисполненіе ими «законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника». Въ каждомъ случаѣ наложенія означенныхъ взысканій долженъ быть составленъ земскимъ начальникомъ особый протоколъ. По отношенію же къ должностнымъ лицамъ сельскаго и волостнаго управленія, въ случаѣ жалобъ на ихъ дѣйствія или непосредственно усмотрѣнныхъ имъ самимъ маловажныхъ проступковъ, земскій начальникъ имѣетъ право подвергать ихъ «безъ формальнаго производства одному изъ слѣдующихъ взысканій: замѣчанію, выговору, денежному взысканію не свыше пяти рублей или аресту на время не свыше семи дней». За болѣе же важныя нарушенія, земскому начальнику предоставляется: «временно устранять всѣхъ означенныхъ должностныхъ лицъ (въ томъ числѣ и волостныхъ судей) отъ должностей и входить съ представленіемъ въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ увольненіи ихъ отъ службы или о преданіи ихъ суду». Изъ текста статьи (62) такимъ образомъ ясно, что усмотрѣнію самого земскаго начальника предоставляется не только опредѣленіе того, что считать проступками со стороны должностныхъ лицъ сельскаго управленія, но и установленіе различія между «маловажными проступками» и «болѣе важными нарушеніями», причемъ относительно взысканій съ должностныхъ лицъ за проступки, признанные земскимъ начальникомъ маловажными, не выражено требованія о составленіи протокола, что означаетъ, что власть земскаго начальника въ этомъ случаѣ является вполнѣ безконтрольной, если не считать за контроль обязанности земскаго начальника ежегодно представлять уѣздному съѣзду отчетъ о своей дѣятельности (ст. 67). Кромѣ того, изъ текста статьи явствуетъ, что, устраняя временно отъ должности должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія (въ томъ числѣ и волостныхъ судей), земскій начальникъ не только не стѣсненъ никакимъ срокомъ относительно пред-

ставленія въ уѣздный съѣздъ о совершенномъ увольненіи этихъ лицъ отъ службы, но даже, судя по выраженію закона, и не обязанъ такимъ представленіемъ; ему «предоставляется: временно устранять ... и входить съ представленіями»..., т. е. по буквальному смыслу текста — то и другое есть его право, а не обязанность, при чемъ понятіе «временнаго» устраненія можетъ, въ силу буквальнаго смысла закона, подлежать весьма широкому толкованію. Независимо отъ этого, для увольненія отъ должности съѣздомъ такъ же не требуется какого либо опредѣленнаго, предусмотрѣннаго закономъ нарушенія; это должно быть лишь болѣе важное, по мнѣнію земскаго начальника, нарушеніе, чѣмъ маловажный проступокъ — и только, причемъ постановленіе съѣзда объ такомъ увольненіи отъ должности почитается окончательнымъ (ст. 98). Что касается преданія суду, то оно очевидно можетъ быть совершено за опредѣленное преступленіе или проступокъ, предусмотрѣнные закономъ. Постановленія земскаго начальника въ этихъ случаяхъ, т. е. наложеніе взысканія «безъ формальнаго производства» и «временное» устраненіе отъ должности «почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію». Такую же силу имѣютъ его постановленія о дополненіи списка дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію на волостномъ сходѣ, объ удаленіи отъ должности волостныхъ и сельскихъ писарей, о заключеніи подъ стражу, въ городской тюрьмѣ, крестьянъ, подлежащихъ увольненію изъ обществъ по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ, по утвержденію въ должности волостныхъ старшинъ, по отдачѣ недоимщика или кого либо изъ членовъ его семейства въ посторонніе заработки и по утвержденію полевыхъ сторожей.

Въ случаяхъ, гдѣ постановленія земскаго начальника не имѣютъ силы окончательныхъ и не подлежатъ немедленному исполненію, высшей инстанціей по отношенію къ нимъ является уѣздный съѣздъ и губернскія присутствія. По отношенію къ послѣднимъ отмѣтимъ, что когда при обсужденіи въ нихъ дѣла «послѣдуетъ болѣе двухъ мнѣній и не составится ни большинства, ни равенства голосовъ, то члены, принадлежащіе къ мнѣнію, соединяющему въ себѣ меньшее число голосовъ, объявляютъ, которое изъ мнѣній, принятыхъ большимъ числомъ членовъ, каждый изъ нихъ признаетъ болѣе справедливымъ, и тогда ихъ голоса присоединяются къ одному изъ мнѣній, принятыхъ большимъ числомъ членовъ». Такимъ образомъ, статья эта вовсе не предусматриваетъ такого случая, когда кто либо изъ членовъ не найдетъ возможнымъ, которое либо изъ мнѣній, принятыхъ большимъ числомъ членовъ, признать болѣе справедливымъ и не найдетъ возможнымъ присоединиться ни къ одному изъ нихъ. Между тѣмъ самая выработка въ законѣ упомянутаго правила указываетъ, что законъ предусматриваетъ возможность большаго разнообразія мнѣній среди членовъ присутствія, а въ такомъ случаѣ мыслимо, конечно, такое положеніе, когда членъ присутствія найдетъ каждое изъ другихъ мнѣній одинаково несправедливымъ.

Въ предыдущемъ очерченъ кругъ дѣятельности земскаго начальника по отношенію къ крестьянскому самоуправленію; ограниченіе послѣдняго, выражающееся въ приведенныхъ выше статьяхъ положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ, имѣетъ мѣсто и по отношенію къ волостному суду. Правда, законъ, отмѣняющій выборное начало по отношенію къ земскому начальнику, являющемуся судьею для некрестьянскихъ дѣлъ извѣстнаго рода, оставляетъ это выборное начало для чисто крестьянскихъ дѣлъ и такимъ образомъ у крестьянъ остается право выбора себѣ судей, право, котораго лишены другія сословія государства. Но волостной судъ претерпѣлъ по новымъ правиламъ довольно существенныя измѣненія. Предсѣдатель суда назначается, изъ числа избранныхъ въ судьи, уѣзднымъ съѣздомъ, причемъ обязанности предсѣдателя могутъ быть возложены на мѣстнаго волостнаго старшину, т. е. лицо, избранное не для этой должности и при томъ лицо, которое по дѣйствующему еще въ настоящее время закону не должно даже присутствовать при обсужденіи дѣла въ волостномъ судѣ, для чего существовали мотивы, имѣвшіе свое основаніе. Затѣмъ избраніе судей производится не волостнымъ сходомъ, а каждымъ сельскимъ обществомъ по одному кандидату и общее число избранныхъ лицъ не должно быть менѣе восьми. Если же въ волости менѣе восьми обществъ, то недостающее число кандидатовъ избирается тѣми обществами, которымъ это предоставитъ уѣздный съѣздъ. Утвержденіе изъ 8 избранныхъ четырехъ судьями производится земскимъ начальникомъ. Размѣръ содержанія, получаемаго судьями, опредѣляется также уѣзднымъ съѣздомъ, а не волостнымъ сходомъ; на кого возлагается дѣлопроизводство суда, это также опредѣляетъ земскій начальникъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что оно должно быть возложено на одного изъ судей или на волостнаго писаря; на земскаго же начальника возлагается вообще ближайшій и непосредственный надзоръ за всѣми волостными судами участка. Надзоръ же этотъ понимается такъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ земскому начальнику предоставлено не только вмѣшательство, но даже измѣненіе рѣшеній волостнаго суда; такъ, «рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію, исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который вправѣ замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ соотвѣтственнымъ взысканіемъ по правиламъ, означеннымъ въ ст. 41», т. е. къ денежному взысканію до 30 рублей, причемъ взысканіе это налагается независимо отъ ареста, или къ строгому аресту на время до 15 дней.

Въ этомъ правѣ земскаго начальника замѣнить тѣлесное наказаніе другимъ можно было бы видѣть шагъ къ отмѣнѣ позорящаго личность тѣлеснаго наказанія, если бы, съ другой стороны, съ расширеніемъ компетенціи волостнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ (напр., подсудность исковъ до трехсотъ рублей и т. п.), она не была расширена и въ уголовныхъ, такъ что онъ можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, не только при-

говаривать къ аресту до 15 и даже 30 дней, но «въ особо важныхъ случаяхъ къ аресту и наказанію розгами одновременно», и притомъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, подлежавшихъ доселѣ вѣдѣнію мироваго судьи, не имѣющаго, какъ извѣстно, права налагать тѣлеснаго наказанія. Такимъ образомъ по новому закону сфера дѣйствій, за которыя крестьянину можетъ грозить наказаніе на тѣлѣ, расширяется, причемъ наряду съ послѣднимъ онъ можетъ еще за то же дѣйствіе подвергнуться и аресту.

Въ заключеніе этого краткаго обзора новыхъ условій волостнаго суда нельзя не отмѣтить узаконенія, имѣющаго существенное значеніе для независимости и безпристрастія волостнаго суда, а именно на должность волостныхъ судей не могутъ избираться содержатели трактировъ и питейныхъ заведеній; отмѣтимъ еще, что лица, проживающія внѣ предѣловъ волости и далѣе 15 верстъ отъ мѣста нахожденія суда, имѣютъ право замѣнить себя представителемъ изъ числа родственниковъ или односельцевъ, «если только эти послѣдніе не занимаются ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ за вознагражденіе».

Отмѣтимъ еще одно основное измѣненіе, состоящее въ томъ, что уѣздный съѣздъ, можетъ по разсмотрѣніи поступившихъ отъ земскаго начальника рѣшенныхъ волостнымъ судомъ дѣлъ, (хотя бы, какъ отмѣчено выше, и не было жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ), постановлять новое рѣшеніе *по существу*, причемъ и въ этомъ случаѣ не требуется наличность въ числѣ членовъ съѣзда представителей крестьянскаго сословія, такъ какъ судебное присутствіе съѣзда образуется, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, почетныхъ мировыхъ судей, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ.

На этомъ мы и закончимъ обзоръ того, что представляетъ собою по существу наиболѣе преобразовательную сторону положенія о земскихъ участковыхъ начальникахъ.

Въ остальныхъ своихъ частяхъ, положеніе это, какъ извѣстно, упраздняетъ въ большей части имперіи институтъ мировыхъ судей, замѣняя его совершенно иными учрежденіями, лишенными выборнаго начала.

Но упраздненіе въ большей части имперіи института мировыхъ судей составляетъ не единственное ограниченіе, внесенное законодательствомъ нынѣшняго года въ область судебныхъ учрежденій, образованныхъ по судебнымъ уставамъ Александра II. Другая мѣра въ томъ же направленіи выразилась въ законѣ 3 іюля 1889 года, озаглавленномъ: «объ измѣненіи порядка производства дѣлъ по нѣкоторымъ преступленіямъ, подлежавшимъ вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей». Сущность этого «измѣненія» состоитъ въ томъ, что рядъ уголовныхъ дѣлъ изъятъ изъ круга вѣдѣнія суда присяжныхъ. Именно всѣ дѣла, въ которыхъ рѣчь идетъ о преступленіяхъ, содержащихъ въ

себѣ посягательство на авторитетъ государственной власти, какъ то: неповиновеніе и сопротивленіе властямъ, возстаніе, уничтоженіе указовъ, оскорбленіе присутствія или отдѣльныхъ его членовъ, истребленіе печатей и похищеніе опечатанныхъ вещей, оскорбленіе часовыхъ или военнаго караула, разные виды контрабанды, сопротивленіе таможеннымъ чинамъ, насиліе надъ лѣсными чинами, также убійство и покушеніе на убійство должностныхъ лицъ, а равно всякаго рода насильственныя противъ нихъ дѣйствія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія должностными лицами служебныхъ обязанностей, — всѣ эти дѣла будутъ рѣшаться отнынѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, которые замѣняются сословными представителями. Поводомъ къ такому измѣненію послужило то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, которые представлялись правительству особенно важными, присяжные оправдали подсудимыхъ, фактическая виновность которыхъ не подлежала сомнѣнію. Причина же подобныхъ оправданій заключалась или въ томъ, что присяжные признавали подсудимыхъ, въ виду ихъ неразвитости и т. п., недостаточно понимавшими весь вредъ, который ихъ дѣянія, по мнѣнію законодателя, наносятъ государству; или же присяжные приходили къ заключенію, что преступленіе, объектомъ котораго являлся тотъ или другой представитель власти, было порождено неправильнымъ образомъ дѣйствій самихъ властей, либо вообще обусловливалось ненормальнымъ состояніемъ отношеній, на почвѣ которыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ возникло столкновеніе обвиняемаго съ авторитетомъ власти. Судъ коронныхъ судей съ участіемъ сословыхъ представителей, конечно, менѣе суда присяжныхъ способенъ руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ подобными соображеніями.— Оправдательные приговоры присяжныхъ по дѣламъ о двоебрачіи, при явномъ существованіи самаго факта двоебрачія, случались также нерѣдко, указывая на ненормальныя стороны существующаго законодательства о разводѣ; дѣла о двоебрачіи закономъ 3 іюля тоже переданы въ вѣдѣніе короннаго суда съ сословными представителями. Были далѣе случаи, гдѣ оправдательные приговоры присяжныхъ объяснялись непониманіемъ спеціальнаго характера отношеній, нарушенныхъ преступною волею обвиняемаго. Таковы прежде всего преступленія лицъ, служащихъ въ кредитныхъ установленіяхъ (банковыя растраты и проч.). Коронный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей признанъ въ этой сферѣ болѣе компетентнымъ судомъ, нежели судъ присяжныхъ. Наряду съ банковыми преступленіями поставлены въ этомъ случаѣ преступленія желѣзнодорожныхъ служащихъ и еще нѣкоторыя другія. Наконецъ, новый законъ, въ отличіе отъ первоначальной редакціи судебныхъ уставовъ, изъемлетъ изъ вѣдѣнія присяжнымъ всѣ дѣла, гдѣ наказаніе соединено съ такъ называемымъ «ограниченіемъ» нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. «Ограниченіе» правъ признано формою не настолько важною, чтобы ея примѣненіе къ виновному слѣдовало обставлять гарантіей суда присяжныхъ.— Дѣйствіе новой подсудности распространяется на всѣ дѣла, по коимъ до

«распубликованія» новаго закона не состоялось судебныхъ приговоровъ. Некрасивое иностранное слово: «распубликованіе», употребленное взамѣнъ русскаго: «объявленіе» могло бы дать поводъ къ разсужденію о пренебреженіи къ правильной терминологіи и грамматическому строю роднаго языка, такъ часто замѣчаемому въ законахъ послѣдняго времени, если бы забота о языкѣ не отодвигалась на второй планъ заботами болѣе серьезнаго свойства...

М. К.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. Моревъ. *Руководство политической экономіи для учениковъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ.* Изданіе второе, дополненное. СПб. 1889 г.

Въ предисловіи къ этому второму изданію своего руководства авторъ, между прочимъ, говоритъ: «что касается метода изложенія, то я по преимуществу придерживался дедуктивнаго, какъ наиболѣе полезнаго, да, пожалуй, и единственно возможнаго въ средней школѣ по отношенію къ политической экономіи, которая, помимо сообщенія практически-полезныхъ свѣдѣній, является, по моему мнѣнію, однимъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ для формальнаго образованія учащихся». Этотъ же взглядъ авторъ выражаетъ и въ первомъ изданіи, вышедшемъ въ 1884 г. и носившемъ немного странное заглавіе: «Руководство *коммерческой* экономіи». Тамъ онъ говоритъ, что желалъ дать такое учебное руководство, «которое представляло бы систематическое цѣлое, а не было бы лишь сборникомъ разныхъ практически полезныхъ для коммерсанта свѣдѣній, ничѣмъ между собою не связанныхъ и лишенныхъ необходимой научной основы». Таковы основанія, исходя изъ которыхъ авторъ строилъ всю систему своего руководства, что и придаетъ особенно существенное значеніе его книгѣ какъ учебнику для коммерческихъ училищъ. Въ послѣднихъ все преподаваніе разсчитано на будущую дѣятельность учащихся на почвѣ экономическихъ отношеній, между тѣмъ, исключая политической экономіи, нѣтъ ни одного предмета, который бы знакомилъ ихъ съ основаніями этихъ отношеній и уяснялъ бы имъ взаимную связь тѣхъ учебныхъ предметовъ, которые они изучаютъ, и тѣхъ явленій, которыя даютъ содержаніе этимъ предметамъ. При такихъ условіяхъ политическая экономія является въ коммерческихъ училищахъ единственнымъ предметомъ, дающимъ, такъ сказать, философію коммерческихъ наукъ. Безъ этой философіи все усвоенное въ коммерческомъ училищѣ являлось бы просто сборникомъ разныхъ практическихъ свѣдѣній, ничѣмъ не связанныхъ между собою и потому легко забываемыхъ по вы-

ходѣ изъ училища. Съ этой точки зрѣнія то построеніе, которое далъ г. Моревъ своему руководству, имѣетъ весьма существенное значеніе. Но это же обстоятельство дѣлаетъ его трудъ весьма полезнымъ не только какъ учебникъ для коммерческихъ училищъ, но и какъ книгу вообще полезную для каждаго, кто, не имѣя достаточнаго досуга, пожелалъ бы въ краткомъ и обстоятельномъ изложеніи ознакомиться съ тѣмъ, что представляетъ собою политическая экономія и каковы ея основныя положенія. Но въ виду этого значенія руководства г. Морева, является особенно желательнымъ наибольшая послѣдовательность и точность въ проведеніи экономическихъ началъ, что однако не всегда встрѣчается у автора. Такъ, онъ причисляетъ къ капиталамъ знанія и искусства производителей на томъ основаніи, что онѣ составляютъ результатъ предшествующаго труда, могутъ быть накопляемы и служатъ средствомъ для производства новыхъ цѣнностей. Но если такъ, то и мускульная сила человѣка, развивающаяся отъ упражненія ея и, слѣдовательно, составляющая результатъ предшествующаго труда, а въ то же время накопляемая (увеличивающаяся) и служащая средствомъ для производства новыхъ цѣнностей – тоже будетъ капиталомъ, но тогда и самъ трудъ будетъ капиталомъ и въ результатѣ вмѣсто основныхъ факторовъ производства, природы и труда, мы получимъ природу и капиталъ. Оно можетъ быть и было бы вѣрно, если бы человѣкъ былъ созданъ для субботы, т. е. въ данномъ случаѣ для производства, а не наоборотъ, иначе говоря авторъ являлся бы послѣдовательнымъ, если бы онъ не различалъ понятія капитала съ народно-хозяйственной и частной точки зрѣнія. Но такъ какъ онъ самъ строго настаиваетъ, и совершенно справедливо, на этомъ различеніи, то зачислять источникъ капитала въ орудіе производства не приходится. Въ такомъ причисленіи знаній и искусства производителей къ капиталамъ недоразумѣніе зависитъ отъ того, что они имѣютъ всѣ три признака, необходимые, чтобы быть капиталомъ. Но при этомъ забывается, что такой признакъ, какъ накопленіе по отношенію къ знанію и искусствамъ не однозначущъ съ накопленіемъ матеріальныхъ предметовъ; когда мы говоримъ о накопленіи сыраго матеріала, денегъ, то разумѣемъ совсѣмъ не то, что говоря о накопленіи знаній и искусствъ; тамъ накапливаются матеріальныя цѣнности, а тутъ накапливаются духовныя силы и способности и потому причислять первыя къ капиталамъ настолько же правильно, насколько вторыя не основательно. Но помимо такихъ частичныхъ, съ нашей точки зрѣнія, непослѣдовательностей, есть одна болѣе основная и притомъ неслучайнаго характера. Это то несоразмѣрное мѣсто, которое отведено ученію объ обмѣнѣ, дѣлающее послѣднее какъ бы центромъ тяжести всей экономической науки. Мы говоримъ, что это не случайно такъ вышло, потому что авторъ самъ въ предисловіи къ 1-му изданію говоритъ, что отдѣлу объ обмѣнѣ, *«какъ болѣе нужному для коммерсантовъ»*, дано большее мѣсто въ его книгѣ. Но, спрашивается, почему же это болѣе

нужный для нихъ отдѣлъ. Вѣдь коммерсанты, подъ которыми въ данномъ случаѣ приходится разумѣть учениковъ коммерческихъ и реальныхъ училищъ, готовятся не только къ тому, чтобы проявлять свою дѣятельность въ торговлѣ, но и въ производствѣ, а потому знакомство съ этимъ отдѣломъ политической экономіи имъ не менѣе нужно; кромѣ того, если уже имѣть въ виду «необходимую научную основу», то необходимо дать весьма ясное представленіе о всѣхъ условіяхъ и слѣдствіяхъ обмѣна, а тогда, какъ отдѣлъ производства, такъ въ особенности распредѣленія получаютъ значеніе тоже наиболѣе нужныхъ, тѣмъ болѣе, что объясненіе самаго механизма обмѣна не настолько уже трудно, чтобы требовало особенно многаго. И если этотъ отдѣлъ занимаетъ въ книгѣ особенно большое мѣсто, то главнымъ образомъ потому, что въ немъ очень много удѣлено вниманія описанію разныхъ техническихъ подробностей, съ которыми учащіеся коммерческихъ училищъ знакомится изъ другихъ курсовъ. Между тѣмъ остановка здѣсь въ учебникѣ политической экономіи на различныхъ практическихъ подробностяхъ въ отдѣлѣ обмѣна, чего не дѣлается въ другихъ отдѣлахъ, именно можетъ породить такое впечатлѣніе, что это то и есть основная часть политической экономіи.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что второе изданіе въ значительной мѣрѣ исправляетъ этотъ недостатокъ перваго и отдѣлу распредѣленія въ немъ, сравнительно съ первымъ изданіемъ, удѣлено гораздо больше мѣста; прибавлено многое, чего не было въ первомъ изданіи. Въ заключеніе мы должны сказать что, дѣлая всѣ приведенныя выше замѣчанія, мы нисколько не имѣли въ виду подорвать достоинства труда г. Морева. Напротивъ, то обстоятельное и вѣрное изложеніе основныхъ началъ политической экономіи, которое заключаетъ въ себѣ разсматриваемое руководство, и заставляетъ желать, чтобы въ немъ не встрѣчалось того, что, не уничтожая тѣхъ достоинствъ, которыя заключаетъ въ себѣ этотъ трудъ, можетъ однако давать невѣрное представленіе объ относительномъ значеніи разныхъ экономическихъ факторовъ и явленій. Вотъ почему, несмотря на эту, представляющуюся намъ необходимою оговорку, мы желали бы возможно большаго распространенія труда г. Морева въ русской публикѣ, которой разсматриваемое руководство можетъ пособить осмыслить многія явленія русской экономической дѣйствительности, такъ какъ авторъ удѣляетъ послѣднимъ ту долю вниманія, которая заставляетъ читателя принять теоретическія положенія экономической науки не какъ что либо отвлеченное, а какъ нѣчто имѣющее существенное значеніе для уясненія многихъ явленій нашей жизни.

Н. Каблуковъ.

Сводъ статистическихъ свѣдѣній по Саратовской губерніи. Часть 1-я. Таблицы. Составленъ подъ редакціей С. **Харизоменова.** *Изданіе Саратовскаго Губернскаго земства.* Саратовъ. 1888 г.

Саратовская губернія принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ, въ которыхъ земско-статистическое изслѣдованіе было доведено до конца. Въ настоящее время появился уже и сводъ свѣдѣній по всей губерніи, заглавіе котораго выписано выше. Появленіе свода тщательно собранныхъ и разработанныхъ цифровыхъ данныхъ по цѣлой губерніи, въ особенности такой интересной, какова саратовская, можно привѣтствовать, какъ событіе большой важности. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вспомнить, какими скудными мы обладаемъ данными объ экономическомъ положеніи отдѣльныхъ мѣстностей Россіи; стоитъ также вспомнить, что въ этомъ отношеніи сдѣлано нашей земской статистикой, чтобы всякое новое приращеніе въ области такихъ работъ являлось лучшимъ доказательствомъ необходимости и цѣлесообразности мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій. О значеніи такихъ работъ можно судить, между прочимъ, изъ предисловія къ сборнику, гдѣ на стр. 6, мы читаемъ: «поводомъ для организаціи статистическихъ работъ въ Саратовской губерніи послужилъ неурожай 1879—80 годовъ. Губернское земское собраніе 1880 г. поручило, между прочимъ, особо избранной продовольственной коммиссіи» указать и способы разработки вопроса о мѣрахъ предупрежденія въ будущемъ бѣдствій населенія отъ голода. Коммиссія пришла къ заключенію, что «разрѣшеніе вопроса объ экономическомъ положеніи населенія, безъ предварительной разработки необходимыхъ для того матеріаловъ и данныхъ, безъ правильной систематической ихъ группировки, было бы крайне неосмотрительнымъ и повело бы къ такимъ выводамъ, которые, не имѣя въ себѣ твердой основы, въ большой своей части могли бы оказаться ошибочными и слѣдовательно вредными». Въ виду этого коммиссія предложила «образовать при управѣ особое статистическое отдѣленіе подъ непосредственнымъ руководствомъ лица, спеціально знакомаго съ пріемами статистики». При такихъ условіяхъ началось въ Саратовской губ. земско-статистическое дѣло. Разъ сознанная потребность привела уже въ 1882 г. къ необходимости устроить его правильно, въ видѣ постояннаго занятія для особаго учрежденія, которымъ и явилось статистическое отдѣленіе губернской управы. Первоначальный организаціонный планъ работъ былъ впослѣдствіи видоизмѣненъ, и, благодаря совѣтамъ и указаніямъ покойнаго В. И. Орлова, саратовская статистика въ общемъ приняла типъ Московской. Самыя работы по исполненію подворной переписи начались въ 1882 г. и къ 1887 г. были уже окончены. Сначала дѣломъ изслѣдованія руководилъ въ Саратовѣ Л. С. Личковъ, подъ наблюденіемъ котораго изслѣдовались уѣзды Саратовскій, Царицынскій, Петровскій и часть Аткарскаго. Въ остальныхъ $6^1/_2$ уѣздахъ дѣломъ завѣдывалъ С. А. Харизоменовъ. Первые уѣзды изслѣдовались по «списочной», вторые уже по «карточной» системѣ.

Сборникъ, заглавіе котораго выписано, содержитъ въ себѣ только таблицы и составляетъ 1-ю часть губернскаго сборника; во второй, по всей вѣроятности, мы будемъ имѣть объяснительный къ таблицамъ текстъ. Въ весьма любопытномъ введеніи къ таблицамъ дается сначала объясненіе программъ, по которымъ собирались свѣдѣнія въ разныхъ уѣздахъ, затѣмъ говорится о способахъ ихъ выполненія. Не останавливаясь на самыхъ программахъ, мы сообщимъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ области ихъ выполненія. По мнѣнію составителя введенія «умышленно - невѣрныя показанія зависятъ отъ племеннаго характера населенія, отъ его хозяйственной обстоятельности и отъ степени сознанія собственнаго достоинства. Среди нѣмцевъ умышленно-невѣрныя показанія встрѣчаются лишь въ вопросѣ о промысловыхъ занятіяхъ; по всѣмъ другимъ вопросамъ даются отвѣты правдивые. Наибольшую склонность къ невѣрнымъ показаніямъ обнаруживаютъ татары. Грамотность и болѣе высокій культурный уровень, уничтожая нелѣпые страхи и развивая чувство собственнаго достоинства, благопріятствуетъ правдивымъ отвѣтамъ; но полной параллели между грамотностью и правдивостью проводить нельзя... Степенные крестьяне, занятые исключительно хлѣбопашествомъ, даютъ самые правдивые и обстоятельные отвѣты... Страхъ печати антихриста и привычка къ скрытности заставляютъ старообрядцевъ относиться къ показаніямъ съ меньшею правдивостью, чѣмъ православныхъ и сектантовъ-раціоналистовъ. Молодежь правдивѣе пожилыхъ; женщины лучше мужчинъ знаютъ семейный составъ и скотъ, но на ихъ показанія объ арендѣ и посѣвахъ полагаться нельзя—онѣ не компетентны въ этомъ [1]). Къ показаніямъ женщинъ среднихъ лѣтъ и даже пожилыхъ объ ихъ собственныхъ годахъ нужно относиться съ крайнею осторожностью; желаніе молодиться заставляетъ ихъ уменьшать свои года до абсурда (стр. 27 — 28). Всѣ эти замѣчанія дѣйствительно вѣрны, и взяты прямо изъ жизни. Мы отнеслись бы только съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ къ утвержденію, будто «опытный регистраторъ, знакомый съ крестьянскою жизнью, уже при одномъ взглядѣ на домохозяина опредѣляетъ по костюму, манерѣ держать себя и говорить, по рукамъ, по лицу, какимъ онъ занимается ремесломъ и къ какой категоріи относится: къ богатымъ, бѣднякамъ или среднимъ по достатку». Весьма любопытнымъ является слѣдующее суммированіе отношенія населенія къ переписи. «Говоря вообще, читаемъ на стр. 31 введенія, населеніе относилось къ переписи весьма серьезно и добросовѣстно. Послѣ окончанія переписи, во время обѣда или чаепитія, квартиру статистиковъ осаждала толпа крестьянъ, явившихся съ поправками къ сдѣланнымъ ими показаніямъ. Одинъ заявляетъ, что онъ забылъ теленка и

---

1) Въ примѣненіи къ Тверской губ. напр. можно сказать наоборотъ, что въ вопросѣ о посѣвахъ женщины даже компетентнѣе мужчинъ, такъ какъ послѣдніе большую часть года живутъ въ отхожихъ промыслахъ.

требуетъ, непремѣнно, при немъ же, отыскать карточку и включить этого теленка. Другой пропустилъ старуху-бабку, третій показалъ примѣрно около 100 яблонь, а теперь сосчиталъ и ихъ оказалось 117. А то прибѣгаетъ запыхавшійся крестьянинъ и проситъ занести въ карточку «дите», «потому что хозяйка вотъ, вотъ разрѣшится» и растерянно разводитъ руками на вопросъ: какого же полу будетъ это дите. Крестьяне, бывшіе въ отсутствіи во время переписи и занесенные со словъ жены или сосѣдей, ѣздили въ сосѣднія села, гоняясь за статистиками, чтобы только провѣрить, такъ ли все записано въ ихъ карточкахъ».

Довольно большое мѣсто въ введеніи посвящено объясненію преимуществъ комбинаціонныхъ и групповыхъ таблицъ, по формѣ которыхъ разработаны данныя по губерніи, а также и о способахъ, какіе употреблялись при ихъ построеніи въ саратовскомъ бюро. Вполнѣ соглашаясь съ высказываемыми авторомъ введенія по этому вопросу мыслями, мы обратили бы его вниманіе только на нѣкоторыя крайнія допущенія. Такъ, врядъ ли можно «по числу грамотныхъ, по числу преступленій и т. д., опредѣлить средній *экономическій* (курсивъ нашъ), умственный и нравственный уровень средняго человѣка» (стр. 37). Несомнѣнно, что нравственный и умственный уровень средняго человѣка весьма близко объясняется среднею степенью распространенности въ данной странѣ грамотности и преступности; но экономическій уровень складывается, конечне, изъ факторовъ экономическаго же характера. Говоря далѣе о выработанныхъ путемъ комбинаціоннаго подсчета типахъ хозяйствъ, авторъ указываетъ (стр. 38), напр., на слѣдующее: «такимъ образомъ получается болѣе однородная группа, состоящая изъ крестьянъ Камышинскаго уѣзда, русскаго племени, владѣющихъ 5 дес. на дворъ, имѣющихъ по 3 лошади, по 2 работника и живущихъ въ районѣ города Камышина, не далѣе 20 верстъ отъ него». Весьма сомнительно, чтобы послѣдній признакъ (т. е. проживательство не далѣе 20 верстъ отъ г. Камышина) могъ комбинироваться съ другими указанными выше, если только для этого нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ, исходя изъ которыхъ можно было бы заключить о значеніи двадцативерстнаго разстоянія; самая возможность выдвигать этотъ признакъ, какъ самостоятельный, представляетея намъ нѣкоторымъ злоупотребленіемъ комбинаціоннымъ методомъ. Точно также утвержденіе, будто «практичность принятой въ надѣльной пашнѣ геометрической прогрессіи для опредѣленія предѣловъ группъ (знаменатель — 2 и основаніе 2, 5 дес.), подтверждается опытомъ, который говоритъ, что когда размѣръ землевладѣнія возрастаетъ въ геометрической прогрессіи, то зависящія отъ него явленія ростутъ приблизительно въ ариѳметической прогрессіи»,—такое утвержденіе представляется намъ далеко не доказаннымъ.

Если не считать нѣкоторыхъ неточностей, на которыя указано выше, то въ общемъ работа должна быть признана въ полномъ смыслѣ слова образцовой, и надо удивляться тому непомѣрному количеству труда, ко-

торое должны были употребить составители сборника для сведенія во едино результатовъ изслѣдованія цѣлой губерніи. Откладывая болѣе подробное разсмотрѣніе работы до выхода въ свѣтъ текста къ таблицамъ, мы теперь ограничимся указаніемъ содержанія послѣднихъ. Групповыя экономическія таблицы наличныхъ крестьянскихъ хозяйствъ по группамъ землевладѣнія разработаны по волостямъ и сведены по уѣздамъ для уѣздовъ: Вольскаго, Балашевскаго, Кузнецкаго, Хвалынскаго, Сердобскаго и Камышинскаго. Комбинаціонныя таблицы по разрядамъ крестьянъ разработаны по уѣздамъ: Вольскому, Кузнецкому, Камышинскому, Балашевскому и Сердобскому. Кромѣ того, по двумъ уѣздамъ—Кузнецкому и Камышинскому—имѣются комбинаціонныя таблицы по народностямъ. Въ комбинаціонныхъ таблицахъ комбинируются каждая изъ установленныхъ группъ землевладѣнія съ нѣсколькими группами по скоту, и дается отвѣтъ на 17 вопросовъ, обнимающихъ собою: демографическій составъ населенія, грамотность, количество скота, сдачу и наемъ земли, посѣвы, наемъ, рабочихъ и промысловыя хозяйства. Кромѣ указанныхъ, въ сборникѣ имѣются еще 4 таблицы: 1) таблицы общихъ статистическихъ свѣдѣній по волостямъ Саратовской губерніи; 2) таблицы общихъ статистическихъ свѣдѣній по разрядамъ крестьянъ; 3) таблицы общихъ статистическихъ свѣдѣній по племенамъ и 4) свѣдѣнія объ отсутствующемъ и постороннемъ населеніи для уѣздовъ Вольскаго, Балашевскаго, Сердобскаго и Камышинскаго.

Въ заключеніе, нѣсколько общихъ цифръ изъ итоговыхъ таблицъ. Оказывается, что населеніе Саратовской губерніи по переписи 1882—1887 года, сравнительно съ населеніемъ по X ревизіи, возрасло на $28,_1\%$. Грамотность среди крестьянскаго мужскаго населенія губерніи (за исключеніемъ колоніи Сарепты) выражается въ цифрѣ $14,_5$ на 100 [2]); если же взять грамотныхъ и учащихся, то получимъ цифру 19 на 100 челов. мужскаго населенія. Среди женскаго населенія (опять таки безъ Сарепты) % грамотныхъ равняется 4, 6, а съ учащимися $6,_2\%$. На 1,000 мужчинъ приходится 1,020 женщинъ. Пахатная площадь крестьянской надѣльной земли составляетъ около 62,% всего надѣла. Земля, находящаяся въ частной собственности крестьянъ ($126,623,_5$ д.), составляетъ около 4% надѣльной; а пахотная площадь купленной земли по отношенію ко всей землѣ въ частной собственности крестьянъ составляетъ около 50%. Число хозяйствъ безъ рабочаго скота составляетъ 24% всего числа хозяйствъ. На десятину удобной надѣльной земли падаетъ 1 р. 69 к. всякаго рода платежей, а на наличнаго домохозяина 19 руб. 8 к., недоимка на наличнаго домохозяина составляетъ 9, 4 р.

Викторъ Гурвичъ.

---

2) Обращаемъ вниманіе на очень крупную опечатку, допущенную на стр. 119, б. Въ итогѣ грамотныхъ мужчинъ поставлена цифра 25,144; между тѣмъ слѣдуетъ читать 125,164.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Допускаетъ ли законъ продажу на 2-мъ торгѣ недвижимаго имущества ниже оцѣночной суммы въ случаѣ, если 1-й торгъ признанъ несостоявшимся? Произведенные публичные торги, въ случаѣ неутвержденія ихъ подлежащимъ судомъ, могутъ сопровождаться слѣдующими двумя послѣдствіями: 1) торгъ можетъ быть признанъ *несостоявшимся* и 2) торгъ можетъ быть признанъ *недѣйствительнымъ*.

По ст. 1170 уст. граж. судопр., торгъ признается несостоявшимся при наличности одного изъ слѣдующихъ 3 случаевъ, перечисленныхъ въ этой статьѣ: во 1) если не явится желающихъ торговаться или явится только одинъ, во 2) *если изъ явившихся никто не сдѣлаетъ надбавки противъ оцѣнки*, и въ 3) если по окончаніи торга покупщикъ, внеся задатокъ, не уплатитъ остальной суммы въ срокъ. Въ ст. 1171, 1172 и 1175 говорится о производствѣ новаго торга, въ случаѣ если первый торгъ не состоится, при чемъ ст. 1171 установлено, что если торгъ не состоится по одному изъ перечисленныхъ выше случаевъ, то кредиторы имѣютъ право просить о производствѣ новаго торга, или удержать имѣніе за собою въ той суммѣ, съ которой начался торгъ, а ст. 1175 установлено, *что если и 2 торгъ не состоится*, то кредиторы должны или удержать имѣніе за собою, или обратить взысканіе на другое имѣніе должника; за симъ въ ст. 1176, 1177, 1178 и 1179 говорится о невзносѣ задатка, покупной суммы и проч.

Торгъ, по ст. 1180, признается *недѣйствительнымъ* по одному изъ 4 случаевъ, перечисленныхъ въ этой статьѣ, а за симъ ст. 1182 установлено, что новый торгъ производится безъ вторичной оцѣнки по правиламъ, установленнымъ для перваго торга, съ тѣмъ лишь различіемъ, что на второмъ торгѣ имѣніе *можетъ быть продано и ниже оцѣнки*. Спрашивается: относится ли правило, выраженное въ ст. 1182, исключительно лишь къ торгу, признанному *недѣйствительнымъ*, или же оно одинаково относится и къ первому торгу, признанному *несостоявшимся?* другими словами,—допускается ли, въ случаѣ *несостоявшагося перваго*

торга, на второмъ торгѣ, назначенномъ согласно 1171 ст. по просьбѣ кредиторовъ, продажа имѣнія ниже оцѣнки, или же продажа имѣнія на второмъ торгѣ, ниже оцѣнки, допускается по закону лишь въ случаѣ признанія перваго торга *недѣйствительнымъ?*

Насколько намъ извѣстно, практика въ большинствѣ случаевъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ; мы же полагаемъ, что этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ безусловно во второмъ смыслѣ. Взглядъ этотъ мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ, вытекающихъ изъ прямаго смысла закона. Какъ упомянуто выше, кредиторы, въ случаѣ если первый торгъ не состоится, имѣютъ право или оставить имѣніе за собою, въ той цѣнѣ, съ которой начался торгъ, или просить о производствѣ новаго торга; а въ ст. 1175 говорится, что *если и 2-й торгъ не состоится*, то кредиторы обязаны или удержать имѣніе за собою, или обратить взысканіе на другое имѣніе.

Что значитъ употребленное въ ст. 1175 выраженіе: если и 2-й торгъ не состоится? Это безспорно значитъ, что если 2-й торгъ не состоится по одному изъ 3 основаній, приведенныхъ въ ст. 1170. Обращаясь къ перечисленнымъ въ ст. 1170 случаямъ, окажется, то 1-й случай устраняется, если явится законное число покупателей, что же касается до 2-го случая, то торгъ обязательно будетъ признанъ *несостоявшимся*, если не послѣдуетъ надбавки противъ оцѣнки, а отсюда слѣдуетъ, что о продажѣ имѣнія на второмъ торгѣ ниже оцѣнки, если 1-й торгъ былъ признанъ *несостоявшимся*, не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ практика игнорируетъ ст. 1175 и имѣющую съ ней тѣсную связь ст. 1170, а руководствуется исключительно ст. 1182 уст. гр. суд., какъ въ случаѣ признанія перваго торга *недѣйствительнымъ*, такъ и въ случаѣ признанія его *несостоявшимся*, т. е. въ обоихъ случаяхъ практика допускаетъ на 2-омъ торгѣ продажу имѣнія ниже оцѣнка, хуже того,—практикой выработался такой пріемъ, что при производствѣ 2-хъ торговъ объявляется, посредствомъ печатныхъ объявленій, что торги начнутся ниже оцѣнки, т. е., другими словами, просто отъ нуля. Подобное неправильное примѣненіе закона повело, какъ и слѣдовало ожидать, къ тому, что имѣнія, стоящія нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, продаютъ на вторыхъ торгахъ за безцѣнокъ. Достигается это слѣдующимъ весьма простымъ, основаннымъ на законѣ, пріемомъ. По ст. 1117 уст. гр. с. взыскатель обязанъ доставить судебному приставу подписку съ означеніемъ цѣны описываемаго имѣнія, а по ст. 1118, владѣлецъ имѣнія, находя опредѣленную взыскателемъ цѣну имѣнія *низкою* (обращаемъ вниманіе: не сказано высокою, а низкою), можетъ представить подробную оцѣнку и пр.; отсюда слѣдуетъ, что если взыскатель представитъ оцѣнку весьма высокую, то не говоря уже о томъ, что владѣлецъ можетъ не возражать, потому что не предусматриваетъ дурныхъ для себя послѣдствій, онъ, согласно закона, и не имѣетъ права возражать (ст. 1118).

Основываясь на приведенномъ выше законѣ, взыскатель, задавшись

цѣлью пріобрѣсти продаваемое за его претензію имѣніе по возможно низкой цѣнѣ, оцѣниваетъ имѣніе умышленно высоко, для того, чтобы первый торгъ не состоялся, а за симъ на второмъ торгѣ, дѣйствуя *при посредствѣ подставныхъ лицъ* и пользуясь тѣмъ, что продажа начинается какъ бы отъ нуля, взыскатель пріобрѣтаетъ имѣніе за безцѣнокъ, должникъ же, владѣлецъ имѣнія, разумѣется, разоряется въ конецъ, ибо то, что могло бы остаться въ его пользу отъ проданнаго имѣнія, если бы продажа совершилась правильно, идетъ въ карманы взыскателя.

Справедливость нашего толкованія закона, между прочимъ, подтверждается и рѣшеніемъ сената 1875, № 93, въ которомъ разъяснено, что торгъ на заложенное имѣніе какъ 1-й, такъ и 2-й считается *не состоявшимся* не только въ 3-хъ случаяхъ, перечисленныхъ въ ст. 1170, но и тогда, когда на торгахъ высшая цѣна объявлена ниже той, въ которую имѣніе заложено—это, другими словами, значитъ, что, несмотря даже на надбавку на второмъ торгѣ противъ цѣны, торгъ всетаки будетъ считаться несостоявшимся въ указанномъ случаѣ.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что если на 2-мъ торгѣ, въ случаѣ признанія 1-го торга несостоявшимся, допустить продажу имѣнія ниже оцѣнки, или, что одно и то же,—начиная продажу отъ нуля, тогда не могло бы быть и рѣчи о несостоявшихся 2 торгахъ и о послѣдствіяхъ, выраженныхъ въ ст. 1175 уст. гр. суд., ибо тогда 2-й торгъ всегда состоялся бы, что и бываетъ въ дѣйствительности, если торги начинаются ниже оцѣнки, съ той суммы, которую по своему усмотрѣнію предлагаютъ покупщики, и состоялся бы 2-й торгъ всегда по той простой причинѣ, что даровому коню, какъ говоритъ пословица, въ зубы не смотрятъ. Наконецъ, не мѣшаетъ замѣтить, что если и допустить, что ст. 1182 примѣняется и къ тому случаю, когда 1-й торгъ признанъ *несостоявшимся*, то отсюда всетаки никоимъ образомъ не слѣдовало бы, чтобы продажа имѣнія на 2-омъ торгѣ, какъ это практикуется, начиналась бы безъ всякой цѣны или, попросту говоря, отъ нуля; ибо въ 1182 ст. сказано, что имѣніе *можетъ быть* продано ниже оцѣнки, а не сказано—обязательно продается ниже оцѣнки. Выраженіе «можетъ быть продано» означаетъ, что продажа на 2-омъ торгѣ обязательно должна начинаться отъ оцѣночной суммы и только въ виду особыхъ обстоятельствъ имѣніе можетъ быть продано и ниже оцѣнки, если это признаетъ, разумѣется, нужнымъ наблюдающій за производствомъ торга. Мы особенно настаиваемъ на активной роли по этому вопросу наблюдающаго за торгомъ члена суда, иначе надзоръ его, безусловно требуемый ст. 1157 уст. гр. суд., потерялъ бы всякое значеніе, не имѣлъ бы raison d'être.

Нужнымъ считаемъ присовокупить, что въ Варшавскомъ судебномъ округѣ ежегодно 4 раза въ году производится продажа крестьянскихъ усадьбъ или при гминныхъ судахъ, или при мировомъ съѣздѣ—и что, состоя на службѣ въ одной изъ губерній Царства Польскаго, намъ вотъ уже болѣе 10 лѣтъ приходится наблюдать за производствомъ торга и

примѣнять въ подлежащихъ случаяхъ 1175 ст. уст. гр. судопр. Будучи глубоко убѣждены, что вышеуказанный пріемъ, выработанный практикою, не вѣренъ и не законенъ, мы рѣшились примѣнять законъ такъ, какъ мы понимаемъ, и такъ какъ въ нашей практикѣ весьма часто случалось производить 2-й торгъ *за несостоявшимся первымъ торгомъ*, то мы, слѣдуя своему взгляду, на 2-омъ торгѣ, къ удивленію кредиторовъ, считавшихъ можетъ быть мысленно свои барыши, объявляли торгъ съ оцѣночной суммы, разъяснивъ, что не можемъ согласно закона допустить продажу ниже оцѣнки; дѣло кончалось тѣмъ, что имѣнія, непроданныя на 1-омъ торгѣ, продавались, и, разумѣется, съ надбавкою, на 2-омъ торгѣ и что замѣчательно,—въ большинствѣ случаевъ имѣнія эти пріобрѣтали тѣ лица, которыя на первыхъ торгахъ громче всѣхъ заявляли, что торговаться нельзя, ибо имѣніе оцѣнено высоко. Само собою разумѣется, что было бы желательно, чтобы достиженіе подобнаго результата зависѣло не отъ личнаго взгляда наблюдающаго за производствомъ торга, а отъ закона.

Намъ остается только отвѣтить на одинъ вопросъ, который можетъ возникнуть въ умѣ читателя. Вопросъ этотъ представляется въ такомъ видѣ: если прямой смыслъ ст. 1175 не допускаетъ примѣненія ст. 1182 къ торгамъ *несостоявшимся*, а лишь къ торгамъ *недѣйствительнымъ*, то почему въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣніе можетъ быть продано и ниже оцѣнки?

Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается весьма легко, если имѣть въ виду, что состоится ли торгъ или не состоится,—это всецѣло зависитъ отъ покупщиковъ, явившихся на торгъ; признаніе же торга недѣйствительнымъ нисколько не зависитъ отъ покупщиковъ имѣнія и вовсе не обусловливается оцѣнкою имѣнія. Если теперь принять во вниманіе, что съ того дня, когда былъ произведенъ торгъ, и до того, когда онъ будетъ признанъ недѣйствительнымъ по одному изъ случаевъ, указанныхъ въ ст. 1180, протекаетъ обыкновенно весьма значительное время, что въ теченіе этого времени имѣніе, лишенное надлежащаго надзора (ибо кому же охота тратить деньги и трудъ на имѣніе, судьба котораго уже предрѣшена), можетъ дѣйствительно потерять нѣкоторую цѣну, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему законъ допускаетъ возможность (а не обязательность) продажи имѣнія ниже оцѣнки.

Кстати изъ вышеизложеннаго съ необходимостью вытекаетъ и то, что торгъ по ст. 1182 долженъ безусловно начинаться съ оцѣночной суммы, и что только когда при торгахъ будетъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ заявленій, установлено, что имѣніе потеряло въ цѣнѣ въ означенный промежутокъ времени, то тогда лишь наблюдающій за торгами можетъ допустить продажу ниже оцѣнки.

Смѣемъ думать, что толкованіе и примѣненіе ст. 1182 въ указанномъ нами смыслѣ вполнѣ устранитъ тѣ дурные инстинкты, тѣ беззаконныя наживы, имѣющія мѣсто при продажѣ имѣній, которыя появились на почвѣ неправильно истолковываемаго закона.

Въ настоящее время, когда экономическое состояніе общества крайне неблагопріятно, и благодаря этому уплата долговой претензіи, даже незначительной, представляется для должника крайне затруднительною, а подчасъ и невозможною, вслѣдствіе чего идетъ усиленная продажа имѣній съ публичнаго торга, сопровождающаяся наживою, съ одной стороны, раззореніемъ съ другой—въ такое время нельзя не пожелать, чтобы выработанный практикою неправильный пріемъ былъ бы законодательнымъ путемъ устраненъ по возможности скорѣе.

А. Виноградовъ.

Курьезъ волостнаго суда. Разбирая книги рѣшеній л—скаго волостнаго суда съ цѣлью выборки матеріала для рѣшенія интересующаго меня въ данный моментъ вопроса о разладѣ закона съ крестьянской аграрной дѣйствительностью, я натолкнулся на одно чрезвычайно курьезное рѣшеніе волостнаго суда. Рѣшеніемъ этимъ волостной судъ прямо вторгается въ область, лежащую, повидимому, внѣ его компетенціи, а именно, въ область супружескихъ отношеній между крестьянами, при чемъ приговоръ его, по существу, оказывается равносильнымъ формальному разводу. И, что всего интереснѣе, на приговоръ этотъ не послѣдовало выраженія неудовольствія ни съ чьей стороны и онъ вошелъ въ «законную силу». Такъ какъ л—скій волостной судъ, какъ мнѣ очень хорошо извѣстно, стоитъ внѣ какихъ либо подозрѣній въ подкупѣ или постороннихъ вліяніяхъ, и такъ какъ приговоры его суть не что иное, какъ свободное выраженіе совѣсти судей, то я и считаю необходимымъ привести здѣсь заинтересовавшее меня рѣшеніе подлинникомъ. Вотъ оно: 1888 года, мая 23 дня л—скій волостной судъ въ такомъ-то составѣ разобралъ дѣло по жалобѣ крестьянки Марфы Федоровой, по мужу Ганатюковой, на своего мужа Владиміра Ганатюкова за жестокое съ нею обращеніе. Истица явилась, и отвѣтчикъ, по нахожденію его въ с — комъ тюремномъ замкѣ, не вызванъ. Жалобщица отвода суду не сдѣлала и по дѣлу показала, что уже 14 лѣтъ, какъ она вышла замужъ за крестьянина Владиміра Иванова Ганатюкова. Первые 9 лѣтъ ея замужества онъ жилъ съ нею хорошо, былъ усерденъ къ хозяйству, воспитывалъ (мѣстный синонимъ «содержалъ») ее и дѣтей. Въ послѣдніе уже 5 лѣтъ мужъ предался постоянному пьянству, сталъ нерадивъ къ хозяйству и въ пьяномъ видѣ нападалъ на нее и наносилъ ей жестокіе побои. Она, будучи не въ состояніи терпѣть этихъ побоевъ, два раза бросала хозяйство и дѣтей, уходила отъ мужа и была у своихъ родныхъ отъ 5 до 6 недѣль, но ради своихъ малолѣтнихъ дѣтей возвращалась обратно въ домъ мужа, который не оставлялъ жестокаго съ нею обращенія. Наконецъ, пьянство довело его до того, что онъ началъ воровать, въ воровствѣ лошадей былъ пойманъ и по приговору мироваго судьи подвергнутъ годичному тюремному заключенію. Между тѣмъ общество крестьянъ, не желая имѣть его въ своей средѣ, составило приговоръ о выселеніи его

въ Сибирь на счетъ общества, и этотъ приговоръ отосланъ на утвержденіе высшаго начальства. Почему проситъ судъ постановить рѣшеніе, въ виду жестокихъ съ нею обращеній, чтобы она осталась на мѣстѣ жительства, присудивъ въ ея пользу изъ имущества мужа на содержаніе трехъ ея малолѣтнихъ дѣтей, прижитыхъ ею съ мужемъ. Жалобщицей были указаны на свидѣтелей Ивана Вирнаго, Никифора Шараго и Филиппа Тесьмака. При спросѣ ихъ судомъ, показали: Никифоръ Шарый, Филиппъ Тесьмакъ и Иванъ Вирный подтвердили показаніи жалобщицы. Жалобщицѣ было предложено, не пожелаетъ ли она съ мужемъ слѣдовать въ Сибирь. Согласія не послѣдовало. По разсмотрѣніи вышеизложеннаго и руководствуясь мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 17 сентября 1862 года, а также основываясь на то обстоятельство дѣла, что мужъ жалобщицы, Владиміръ Ганатюковъ, жестоко обращался съ своею женою, наносилъ ей жестокіе побои и былъ нерадивъ къ хозяйству; наконецъ, пьянство довело его до того, что онъ началъ воровать и въ воровствѣ былъ пойманъ, за что приговоренъ къ годичному тюремному заключенію, и подлежащее общество приговорило его въ Сибирь на водвореніе на свой счетъ, единогласно опредѣлили: Марфу Федорову Ганатюкову оставить на своемъ мѣстѣ жительства, а для содержанія ея и дѣтьми опредѣлено ей имущество мужа».

Въ настоящее время, по наведеннымъ мною справкамъ, приговоръ этотъ уже приведенъ въ исполненіе и фактическій разводъ супруговъ Ганатюковыхъ состоялся...

И. Рева.

Отъ коммиссіи по вопросу объ отхожихъ рабочихъ, при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ. («Правит. Вѣстн.», 1889 г., № 177) Вопросъ объ урегулированіи движенія отхожихъ рабочихъ изъ внутреннихъ, густонаселенныхъ губерній въ послѣдніе годы все настоятельнѣе требуетъ разрѣшенія, въ виду тѣхъ бѣдственныхъ условій, въ какихъ оказываются, особенно въ степныхъ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ, съ одной стороны, многія тысячи голодныхъ рабочихъ-земледѣльцевъ, тщетно ищущихъ работы тамъ, гдѣ ея нѣтъ, а съ другой—многіе частные хозяева, иногда вынужденные даже стравливать скоту свой хлѣбъ на корню или оставлять его уборку до весны, по крайнему недостатку и непомѣрной дороговизнѣ рабочихъ. Изъ-года въ годъ повторяется это явленіе крупнаго несоотвѣтствія спроса и предложенія рабочихъ рукъ, къ вящшему отягощенію того критическаго положенія, въ которомъ и безъ того находятся хозяева и рабочіе. Минувшій и текущій годы представляли столь рѣзкіе факты этого рода, что означенный вопросъ сдѣлался предметомъ напряженнаго общественнаго вниманія и вызвалъ различныя попытки разрѣшить его въ смыслѣ взаимнаго удовлетворенія интересовъ обѣихъ сторонъ—отхожихъ рабочихъ изъ густо населенныхъ мѣстностей и нанимателей хозяевъ, нуждающихся въ рабочихъ рукахъ.

Одною изъ такихъ попытокъ былъ проектъ управляющаго лозово-севастопольской желѣзной дорогой Ѳ. А. Баталина (вѣроятно, получившій достаточную извѣстность въ средѣ заинтересованныхъ лицъ) объ устройствѣ, при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ, агентуръ по снабженію рабочими юга Россіи. Доставленный въ Императорское Вольное Экономическое Общество, этотъ проектъ послужилъ въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ предметомъ обсужденія въ статистико-экономическомъ отдѣленіи общества. Выслушавъ особый докладъ по этому предмету члена общества Г. П. Сазонова, и признавая, что этотъ сложный и серьезный вопросъ требуетъ обстоятельной предварительной разработки, отдѣленіе избрало для этой цѣли особую коммиссію изъ своихъ членовъ.

Приступивъ къ дѣлу и находя необходимымъ, для всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, собрать достаточно полныя данныя и компетентныя указанія со стороны учрежденій и лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ удовлетворительномъ разрѣшеніи вопроса объ отхожихъ рабочихъ,—коммиссія обращается къ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, земскимъ управамъ и тѣмъ хозяевамъ и общественнымъ дѣятелямъ, которые, сочувствуя вышеуказанной задачѣ, могутъ своими свѣдѣніями и соображеніями помочь ея желательному разрѣшенію, и проситъ не отказать въ сообщеніи коммиссіи тѣхъ и другихъ.

Въ видахъ единообразія и полноты желаемыхъ свѣдѣній и удобства сводной ихъ разработки, коммиссія признала неизлишнимъ составить программу вопросовъ, по коимъ было бы желательно получить свѣдѣнія и указанія отъ компетентныхъ мѣстъ и лицъ, для всесторонняго выясненія способовъ и условій найма сельскихъ рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ и желаемыхъ улучшеній въ этомъ дѣлѣ. А именно, желательно выяснить эти способы и условія въ слѣдующихъ отношеніяхъ.

По мѣсту найма:

1) Наемъ на мѣстахъ жительства нанимателей.
2) Наемъ на базарахъ.
3) Наемъ на мѣстахъ жительства рабочихъ.

По времени найма:

1) Наемъ заблаговременный (въ иныхъ мѣстахъ совершаемый даже за годъ и болѣе).
2) Наемъ весною на все лѣто и вообще наемъ на продолжительное время.
3) Наемъ въ страдную пору, для немедленнаго приступленія къ работамъ.

По сроку найма:

1) Наемъ годовыхъ рабочихъ.
2) Наемъ рабочихъ на все лѣто.
3) Наемъ мѣсячныхъ рабочихъ.
4) » поденныхъ.
5) » издѣльныхъ, на извѣстныя работы.

По способамъ найма:

1) Наемъ непосредственно самими хозяевами или ихъ довѣренными.
2) Наемъ при посредствѣ факторовъ, подрядчиковъ и т. п.
3) Наемъ при участіи волостныхъ правленій—недоимщиковъ.

По формамъ договоровъ:

1) Наемъ, по договорнымъ листамъ.
2) Наемъ по другимъ письменнымъ актамъ.
3) Наемъ по уговорамъ словеснымъ,—при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ желательны указанія, совершаются ли договоры найма единоличные, или коллективные—съ артелями.

По размѣрамъ и способамъ вознагражденія рабочихъ:

1) Размѣръ и сроки денежнаго вознагражденія, безъ выдачи задатковъ.
2) Тоже—съ выдачей задатковъ (и въ какомъ размѣрѣ), одновременно съ приступленіемъ къ работамъ или значительно ранѣе (когда именно).

Въ тѣхъ и другихъ случаяхъ необходимы указанія о продовольствіи рабочихъ: нанимаются ли они на собственныхъ харчахъ или на харчахъ хозяйскихъ (и какіе именно харчи употребляются въ данной мѣстности и во что обходятся). А равно переѣздъ стороннихъ рабочихъ на мѣсто и обратно—дѣлается ли на ихъ счетъ, или на счетъ нанимателей?

По намѣченнымъ рубрикамъ желательно получить свѣдѣнія и объясненія:

1) Какіе изъ вышеозначенныхъ способовъ, видовъ и формъ найма примѣняются болѣе или менѣе въ данной мѣстности, при наймѣ какъ мѣстныхъ, такъ и пришлыхъ рабочихъ, и по какимъ причинамъ и условіямъ?

2) Какіе изъ этихъ способовъ, видовъ и формъ признаются, по указаніямъ опыта, наиболѣе удобными, и неудобными, выгодными и невыгодными, и почему именно? И при какихъ условіяхъ могли бы устраниться ихъ невыгоды и неудобства, къ пользѣ обѣихъ сторонъ—нанимателей и рабочихъ?

3) Вообще, какія мѣры могутъ быть рекомендованы для правильнаго

удовлетворенія потребностей рабочихъ, ищущихъ заработка, и хозяевъ, нуждающихся въ земледѣльческой наемной силѣ, особенно по отношенію къ отхожимъ рабочимъ на лѣтнее время изъ внутреннихъ, густо населенныхъ мѣстностей,—какими мѣрами могло бы быть урегулировано это движеніе, для удобнѣйшаго соглашенія спроса и предложенія рабочихъ рукъ, съ надлежащими гарантіями интересовъ обѣихъ сторонъ.

Сверхъ того, если учрежденія или лица, взявшія на себя трудъ сообщить указанныя выше свѣдѣнія, обладаютъ болѣе или менѣе точными численными данными относительно размѣра движенія рабочихъ за послѣдніе годы въ данную мѣстность или изъ данной мѣстности, о пришлой рабочей силѣ въ то и другое время года, или объ отхожихъ заработкахъ для излишняго мѣстнаго рабочаго населенія, и т. п., то доставленіе всѣхъ подобныхъ данныхъ въ коммиссію было бы въ высшей степени желательно. Равнымъ образомъ, было бы весьма желательно указаніе (а тѣмъ болѣе—доставленіе) уже имѣющихся печатныхъ матеріаловъ по настоящему вопросу. Затѣмъ, и всякія другія свѣдѣнія и указанія, не предусмотрѣнныя коммиссіею, но могущія послужить къ выясненію и наиболѣе удовлетворительному разрѣшенію возложенной на нее задачи,—будутъ приняты съ живѣйшею признательностью.

Коммиссія обращается за вышеуказанными свѣдѣніями какъ въ мѣстности, откуда преимущественно выходятъ лѣтніе рабочіе, такъ и въ тѣ мѣстности, куда они направляются,—въ томъ соображеніи, что свѣдѣнія изъ первыхъ будутъ имѣть въ виду, главнымъ образомъ, нужды рабочихъ въ помѣщеніи своего труда, а изъ вторыхъ—нужды хозяевъ нанимателей въ рабочей силѣ.

Было бы крайне желательно полученіе вышеозначенныхъ свѣдѣній въ возможно непродолжительномъ времени, такъ чтобы уже съ предстоящей осени коммиссія могла приступить къ разработкѣ оныхъ и составленію необходимымъ предположеній, которыя затѣмъ должны быть подвергнуты окончательному обсужденію въ Экономическомъ Обществѣ.

Просимыя сообщенія слѣдуетъ адресовать:

Въ Канцелярію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, для передачи въ коммиссію по вопросу объ отхожихъ рабочихъ. Петербургъ, 4 рота Измайловскаго полка, собственный домъ Экономическаго Общества.

Содержаніе седьмой книги:

КАЛЕНДАРЬ
и
ПАМЯТНАЯ КНИЖКА
для
НОТАРІУСОВЪ,
ИЗДАВАЕМЫЙ М. М. НЕЙМАНОМЪ

Нотаріусомъ Луцкаго Окружнаго Суда

НА 1890 ГОДЪ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

выйдетъ въ концѣ сего 1889 года.

Многолѣтнее существованіе этого изданія, полезнаго для всякаго Нотаріальнаго дѣятеля, не требуетъ отъ насъ никакихъ рекламъ, а потому мы только заявимъ, что Календарь и въ будущемъ 1890 году выйдетъ въ томъ же объемѣ и видѣ, какъ выходилъ въ прежніе года, и редакція употребитъ всѣ усилія для того, чтобы наше изданіе вполнѣ соотвѣтствовало своей цѣли и задачѣ.

Цѣна переплетеннаго экземпляра Календаря остается прежняя: **ОДИНЪ руб.** За пересылку въ заказной бандеролѣ благоволятъ прилагать двѣ семикопѣечныхъ марки.

Адресовать: „въ г. ДУБНО, въ Редакцію Календаря для Нотаріусовъ“.

Кромѣ того „Календарь для Нотаріусовъ“ можно получать въ книжныхъ магазинахъ: „Анисимова“, „Новаго времени“ и „Чичинадзе“ въ Петербургѣ и Москвѣ и у Оглоблина въ Кіевѣ.

